20 3/316

20 3/316

Сав. 318.

ПРАВИЛО ПАСТЫРСКОЕ

или

О ПАСТЫРСКОМЪ СЛУЖЕНІИ

(СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ВЕЛИКАГО—ДВОЕСЛОВА).

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ЛАТИНСКАГО

заслуженнымъ Профессоромъ Академіи

Д. С. С.

Давидомъ Подгурскимъ.

БИБЛІОТЕКА ... МОСКОВСКОЙ ... АКАДЕМІИ

КІЕВЪ.

Тип. И. и А. Давиденко (наслѣд. С. Кульженко и В. Давиденко).

1872.

Vera S. Gregorii M. Effigies.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе св. Григорія Великаго, по содержанію своему, озаглавливается обыкновенно: *Правило Пастырское* (Regulae Pastoralis Liber). Въ нѣкоторыхъ впрочемъ позднѣйшихъ манускриптахъ и многихъ изданіяхъ заглавіе этой книги читается иначе: *о пастырской заботливости*, или *о пастырскомъ попеченіи*, или же *о пастырскомъ управленіи* (Liber Curae Pastoralis). Поводомъ къ послѣднему надписанію таковаго заглавія могло послужить самое начало этого сочиненія съ первыхъ же его словъ: Pastoralis curae pondera-*бремя* (трудности) *пастырскаго управленія* или *служенія* и т. д. Но первое надписаніе вѣрнѣе, такъ-какъ и самъ авторъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Леандру епископу (Lib. V. epist. 49), посылая ему это твореніе, называетъ сочиненіе свое »книгою правилъ пастырскихъ« (Liber Regulae Pastoralis). Такія же указанія можно встрѣчать и въ другихъ мѣстахъ его же сочиненій, напр. въ письмѣ 24 книг. XII къ Іоанну иподіакону равенскому. Сводя сіи заглавныя надписанія, мы нисколько не погрѣшимъ противъ содержанія этого сочиненія, озаглавивъ его такъ, какъ и озаглавили, то есть, »правиломъ пастырскимъ« или *о пастырскомъ служеніи*, каковое заглавіе, по своему слововыраженію, вполнѣ соотвѣтствуетъ и сущности дѣла и требованіямъ русскаго языка.

Написана эта книга въ отвѣтъ Іоанну епископу равенскому. Изъ отвѣтнаго письма, которое служитъ предисловіемъ или введеніемъ къ самому сочиненію и содержитъ въ

себѣ планъ всего сочиненія, видно, что Іоаннъ упрекалъ св. Григорія въ томъ, что онъ хотѣлъ уклониться отъ этого служенія.

»Правило Пастырское« св. Григорія Великаго († 604 г.), называемаго въ нашей восточной Церкви »*Двоесловомъ*« (отъ его *діалоговъ*-собесѣдованій вдвоемъ съ діакономъ Петромъ), по порученію императора Маврикія, переведено было на греческій языкъ Анастасіемъ епископомъ антіохійскимъ; но къ сожалѣнію переводъ греческій утраченъ. По свидѣтельствамъ соборовъ, это, въ точномъ смыслѣ слова, *Правило Пастырское* признаваемо было на западѣ настольною книгою для всякаго священника и для всякаго епископа. Такъ на Маинцкомъ соборѣ (in concilio Moguntino), въ 813 году, оно признано первою книгою послѣ св. Писанія и церковныхъ правилъ, необходимою для всего духовенства; на Реймскомъ соборѣ (in concilio Rhemensi), въ томъ же году, оно читано было какъ руководство для пастырей; на Турскомъ и Кабилонскомъ соборахъ вмѣнено въ обязанность епископамъ читать и разумѣть эту книгу и съ нею сообразоваться; а по свидѣтельству Гинкмара Реймскаго (in praefatione Opusculi 55 capitulorum), каждый епископъ, при поставленіи своемъ (хиротоніи), бралъ въ руки »Правило Пастырское« св. Григорія вмѣстѣ съ книгою церковныхъ правилъ и клялся предъ алтаремъ, ut ita servaret (canonos et Regulam Pastoralem) in judicando, vivendo et docendo, sicut ibidem descriptum est,-что онъ такъ будетъ хранить эти правила и въ мысляхъ и въ жизни и въ ученіи, какъ въ нихъ предписано.

На русскомъ языкѣ это сочиненіе св. Григорія почастямъ было переводимо въ *Христіанскомъ* и въ *Воскресномъ Чтеніи*, въ цѣломъ же видѣ помѣщено въ Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей за 1871 и 72 годы.

Переводчикъ.

Достоуважаемому и всечестнѣйшему брату
Іоанну соепископу, Григорій.

Не нарушая скромности и благорасположенія ко мнѣ, ты упрекаешь меня, возлюбленный братъ, за то, что я, скрывшись, хотѣлъ было уклониться отъ принятія на себя многотруднаго служенія пастырскаго. Чтобы это служеніе кому-либо не показалось дѣломъ легкимъ и маловажнымъ, я излагаю въ настоящемъ сочиненіи все, что относится, по моему разумѣнію, къ трудности и важности онаго. Этимъ хочу я предостеречь какъ тѣхъ, которые не вступали еще въ званіе пастырскаго служенія, чтобы въ избраніи его не были опрометчивы, такъ и тѣхъ, которые необдуманно домогаются этого званія, чтобы на принятіе онаго смотрѣли со страхомъ и трепетомъ. Въ книгѣ этой все разсужденіе раздѣляется у насъ на четыре части, дабы читатель могъ съ отчетливостію переходить отъ предмета къ предмету шагъ за шагомъ, какъ бы по ступенямъ лѣствицы, именно: чтобы каждый, кому обстятельства указываютъ вступить на поприще пастырскаго служенія, предварительно размыслилъ и надлежащимъ образомъ обсудилъ, какимъ онъ долженъ явиться на высотѣ этого служенія; а достигнувъ онаго законно, какую долженъ онъ вести жизнь во всю жизнь призванія своего; живя же достойно призванія, какимъ образомъ надлежитъ ему поучать паству свою; наконецъ, право правящее слово истины, съ какимъ вниманіемъ нужно ему ежедневно

слѣдить и за собственными немощами, чтобы ни высота его служенія не была чужда смиренія, ни образъ жизни его не былъ въ противорѣчіи съ достоинствомъ сана, ни назидательность словеснаго учительства его не расходилась съ назидательностію добраго поведенія, ни учительство не увлекало его къ гордости и самообольщенію. И такъ, прежде всего, пусть страхъ умѣряетъ въ насъ стремленіе къ пастырскому служенію; потомъ, пусть прохожденіе этого служенія достигнутаго безъ домогательствъ, оправдывается и самою жизнію пастыря; далѣе, необходимо, чтобы съ добрыми качествами жизни пастырской пріумножались и благіе плоды устной проповѣди между пасомыми; а въ довершеніе всего, нужно, чтобы пастырь размышленіемъ о своей немощи обуздывалъ всякое самообольщеніе относительно своихъ совершенствъ, да не погаситъ ихъ гордыня превозношенія предъ взоромъ невидимаго Судіи. А такъ-какъ многіе, подобные мнѣ, невѣжды, не испытавъ себя, усильно желаютъ и домогаются учить другихъ тому, чему сами не учились, и, не зная важности пастырскаго служенія, считаютъ его самымъ легкимъ; то я постараюсь вразумить таковыхъ въ самомъ началѣ этого сочиненія, дабы столь опрометчиво отваживающихся, безъ всякаго обученія, овладѣть священнымъ мѣстомъ учительства отразить у самыхъ, такъ сказать, вратъ храма и остановить ихъ дерзновеніе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

о томъ, что́ значитъ достойно приступить къ пастырскому служенію, и какъ опасно домогаться его недостойнымъ.

ГЛАВА I,

Невѣжды да не дерзаютъ принимать на себя званіе пастырскаго служенія.

Никто въ мірѣ не берется учитъ другихъ какому либо искуству, не изучивъ его самъ напередъ съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно поступаютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, нисколько не приготовившись къ этому служенію, между тѣмъ какъ управленіе душами человѣческими есть искуство изъ искуствъ! А кто не знаетъ, что душевныя болѣзни сокровеннѣе и опаснѣе болѣзней тѣлесныхъ? И однакоже часто случается видѣть, что вовсе незнакомые съ духовными правилами не страшатся выдавать себя за врачей душъ, тогда какъ не знающіе силы и дѣйствія травъ и мазей не смѣютъ выдавать себя за врачей тѣлесныхъ. Но такъ какъ теперь, при содѣйствіи Божіемъ, всякая уже власть нынѣшняго вѣка преклоняется подъ иго вѣры; то вотъ и находятся люди, которые въ самой Церкви святой, подъ видомъ управленія ею, домогаются суетной славы и почестей: желаютъ казаться учителями, стараются одни предъ другими превзойти всѣхъ прочихъ, и, какъ свидѣтельствуетъ самая Истина, *любятъ* первыя *цѣлованія на торжищахъ, первовозлежнія на вечеряхъ и предсѣданія на сонмищахъ* (Матѳ. XXIII, 6 и 7 Марк. XII, 38. 39. Лук. XX, 46). Но таковые люди потому уже самому не могутъ достойно про-

ходить служенія пастырскаго, если они достигли его, что стремились къ сему смиренному служенію изъ одного тщеславія. Ибо и языкъ измѣняетъ на каѳедрѣ тѣмъ, которые учатъ одному, а заняты бываютъ другимъ. На такихъ-то людей жалуется Господь, говоря чрезъ пророка: *сами себѣ царя поставиша, а не Мною начальствоваша, и не явиша Ми* (Осіи VIII, 4); ибо тѣ дѣйствительно царствуютъ отъ себя, а не по изволенію Верховнаго Правителя и Вседержителя, кои, не имѣя потребныхъ для сего талантовъ и не бывъ призваны свыше, но движимые однимъ честолюбіемъ и страстію къ преобладанію, не скажу достигаютъ, а восхищаютъ кормило правленія. И Верховный Судія попускаетъ имъ возвышаться, но не вѣдаетъ ихъ; потому что по допущенію только терпитъ ихъ, а приговоромъ суда своего конечно отвергаетъ ихъ и не вѣдаетъ. Такъ нѣкоторымъ, даже творившимъ чудеса во имя Его, Онъ скажетъ: *отступите отъ Мене дѣлателіе неправды; не вѣмъ васъ откуду есте* (Лук. XIII, 27). Также точно и неразумныхъ пастырей обличалъ Онъ чрезъ пророковъ: *и держащіи законъ не вѣдѣша Мя, и пастыри нечествоваша на Мя, не вѣдяще смысла, вси путемъ своимъ послѣдоваша* (Исаіи LVI, 11. Іер. II, 8. VIII, 10). Здѣсь сама Истина жалуется, что подобные пастыри не вѣдаютъ ее, свидѣтельствуя тутъ же, что и Она не вѣдаетъ ихъ и не признаетъ начальства и власти не познающихъ ее, потому что не вѣдающихъ яже суть Господня не вѣдаетъ и Господь, по засвидѣтельствованію апостола Павла: *аще ли кто не разумѣетъ, да не разумѣваетъ* (Кор. XIV, 38)[1]). И надобно при этомъ замѣтить, что часто невѣдѣніе пастырей вполнѣ соотвѣтствуетъ

---

[1]) Латинскій текстъ: si quis autem ignorat, ignorabitur— а кто не хочетъ знать, тотъ и самъ не будетъ познанъ,-ближе къ контексту рѣчи.

заслугамъ пасомыхъ, такъ что хотя они, эти пастыри, собственно по своей винѣ удалены бываютъ отъ Божьяго свѣта, однакоже, по праведному суду Божію, изъ за невѣжества ихъ должны бываютъ страдать и тѣ, которые имъ послѣдуютъ, составляя ихъ паству Посему-то въ Евангеліи и говоритъ Истина съ учениками наединѣ: *оставите ихъ: вожди суть слѣпи слѣпцемъ; слѣпецъ же слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мат. XV, 14). Потому же и Псалмопѣвецъ, не въ смыслѣ желанія, а по обязанности пророческой, взываетъ: *да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы* (Псал. LXVIII, 24). Подъ очами тутъ разумѣются пастыри, которые для того и поставляются выше прочихъ членовъ Церкви, чтобы все предусматривать и руководитъ ихъ: а хребтомъ названы тѣ, кои послѣдуютъ имъ съ покорностію. Когда же потемняются очи, то преклоняется и хребетъ; потому что какъ скоро у руководителей омрачается свѣтъ богопознанія- то и послѣдователи ихъ конечно не могутъ не пасть подъ бременемъ грѣховъ.

ГЛАВА II.

Кто жизнію своею не соотвѣтствуетъ умственной подготовкѣ, иначе. кто на словахъ хорошъ, но на дѣлѣ не хорошъ, тотъ лучше не принимайся за бразды управленія пастырскаго.

Есть и другаго рода люди, которые тщательно изучаютъ правила духовной науки и внимательно слѣдятъ за умственнымъ усовершеніемъ себя въ боговѣденіи; но жизнію своею разрушаютъ то, что умомъ добываютъ: всѣ поученія и назиданія ихъ, почерпаемыя изъ одной теоріи, а на практикѣ ничѣмъ неподтверждаемыя, даже нерѣдко къ противорѣчіи состоящія, мгновенно и безслѣдно проходятъ; такимъ образомъ что́ проповѣдуютъ они словами, то́ ниспровергаютъ своими дѣлами. И потому, когда пастырь ходитъ по стремнинамъ, то что́ тутъ удивительнаго, если стало,

которое слѣдуетъ за нимъ, ниспадаетъ въ пропасть? Обличая такое, пренебреженія достойное, знаніе пастырей, Господь обращается къ нимъ чрезъ пророка съ слѣдующими между прочимъ словами:.... *яко на благой пажити пасостеся, и останокъ пажити вашея погами вашими попрасте, и устоявшуюся воду пиваете, и останокъ погами вашими возмущасте; и овцы Моя папраніемъ ногъ вашихъ живяху, и возмущенную воду погами вашими піяху* (Іез. XXXIV. 18. 19). И дѣйствительно, сами пастыри на доброй пажити пасутся и пьютъ чистую воду, когда они почерпаютъ ученіе свое изъ чистаго источника истины, разумно понимая его; но сію же самую пажить попираютъ и сію же самую воду мутятъ они погами своими, когда порочною жизнію своею омрачаютъ и позорятъ тѣ святыя правила ученія, до которыхъ стремятся возвыситься посредствомъ созерцательнаго размышленія. И вотъ попранною ногами пастырей своихъ пажитью овцы ихъ питаются и пьютъ возмущенную ими воду; потому что на подчиненныхъ, обыкновенно, не столько дѣйствуютъ слова начальниковъ, сколько примѣры и дѣла ихъ жизни. Пасомые алчутъ и жуждутъ чистаго ученія; но поелику это ученіе у пастырей ихъ омрачено и опозорено безнравственною ихъ жизнію, то они по неволѣ питаются гнилымъ хлѣбомъ и пьютъ грязную воду. Таковые-то *священнослужители* называются у пророка *пруломъ* (мрежи, силокъ, тенеты) *строптивымъ* (Осіи V, IX, 8), которые содѣлались *въ дому израилевѣ* соблазномъ *беззаконія и нечестія* (Іер. V, 30. 31. Осіи VI, 9. 10). И никто въ Церкви изъ членовъ ея не бываетъ столько вреденъ и пагубенъ для ней, какъ такіе священнослужители, которые, живя дурно и уродливо, прикрываются именемъ и саномъ священнымъ: ибо никто изъ пасомыхъ не позволитъ себѣ обличать пастыря своего въ порокахъ; а между тѣмъ примѣръ слабо-

стей его сильно можетъ дѣйствовать на паству, которая, изъ уваженія къ сану священнослужителя, привыкаетъ уважать грѣшника. О, конечно, эти недостойные пастыри съ трепетомъ избѣгали бы такой тяжкой вины и отвѣтственности, если бы чуткимъ слухомъ сердца своего наперед вняли приговору возвѣщающей Истины: *иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ ослскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. XVIII, 6. Марк. IX, 42. Лук. XVII, 1. 2). Подъ жерновомъ ослячимъ, конечно, надобно разумѣть здѣсь круговращенія на подобіе мельничныхъ камней (ворочаемыхъ ослами), и вообще суетныя заботы мірской жизни; а подъ бездною морскою–тяжкое осужденіе и наказаніе. Посему, если кто, достигая священнаго сана, развращаетъ другихъ или словомъ или примѣромъ въ этомъ санѣ; то безъ сомнѣнія лучше было бы и для него и для другихъ, если бы онъ таковую жизнь свою земную проводилъ до смерти въ иномъ мѣстѣ и при иныхъ условіяхъ, а не въ такомъ званіи и на такомъ посту, гдѣ служитъ соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ къоправданію и чужихъ слабостей чрезъ подражаніе: ибо если бы онъ одинъ палъ, не увлекая за собою другихъ, то не столько былъ бы виновенъ, а потому и на судѣ Божіемъ подлежалъ бы меньшему осужденію и наказанію.

ГЛАВА III.

О важности пастырскаго управленія; и-что пастыри не должны страшиться никакихъ несчастій въ сей жизни. а напротивъ того должны опасаться обольщеній суетнаго счастія.

Я слегка коснулся этого предмета, желая показать, какъ велика отвѣтственность пастырскаго служенія, чтобы недостойные неотважились принятіемъ его на себя осквернять священныя обязанности церковнаго управленія, и, вмѣ-

сто возвышенія, не подверглись паденію. Посему-то апостолъ Іаковъ съ кротостію и отеческою любовію воспрещаетъ подобное домогательство, говоря: *не мнози учители бывайте, братіе моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ* (III, 1); посему же и самъ Ходатай Бога и человѣковъ, не смотря на то, что Онъ отъ вѣчности есть Царь неба и превосходитъ разумомъ и вѣдѣніемъ всѣхъ небесныхъ духовъ, избѣгалъ царствія земнаго, какъ въ Евангеліи о Немъ сказано: *Іисусъ убо, разумѣвъ, яко хотятъ пріити, да восхитятъ Его и сотворятъ Его царя, отъиде паки въ гору единъ* (Іоан. VI, 15). И кто неукоризненнѣе и достойнѣе могъ бы принять на себя начальство надъ людьми, какъ не Онъ, Который тѣми же и управлялъ бы существами, которыя самъ создалъ? Но поелику Онъ пришелъ на землю во плоти для того, чтобы не только искупить насъ своими страданіями, а и научить своихъ послѣдователей примѣромъ своей жизни, какъ жить должны мы: то и не восхотѣлъ быть царемъ, скорѣе же послѣдовалъ добровольно на пропятіе; отъ предложенной Ему самой высшей почести земной уклонился, а возжелалъ быть преданнымъ позорной смерти, чтобы и мы, какъ члены Его, научились отъ Него убѣгать почестей мірскихъ и не страшиться напастей, возлюбить страданія за истину и со страхомъ уклоняться отъ суетнаго счастія; потому что это счастіе мнимое часто отъ напыщенной гордости портитъ сердце человѣческое, а бѣдствія въ горнилѣ скорбей очищаютъ его. Въ счастіи человѣкъ дѣлается болѣе или менѣе надменнымъ, а въ несчастіи большею частію смиряется; при счастіи онъ забывается, при несчастіи же волею-неволею приходитъ въ сознаніе себя; счастіе нерѣдко губитъ и добрыя дѣла наши прежнія, а несчастіе удобнѣе покрываетъ упущенія и заглаждаетъ грѣхи многихъ протекшихъ лѣтъ. Бѣдствія въ сей жизни составляютъ лучшую школу для укро-

щенія нашей гордости; а какъ только подымаемся на высоту почетныхъ должностей, въ тоже время подвергаемся и опасности тщеславія и гордости. Такъ Саулъ, который, признавая себя сначала недостойнымъ власти, убѣгалъ отъ нея, коль скоро принялъ бразды правленія, тотчасъ и возгордился: ибо, желая пользоваться уваженіемъ въ народѣ, онъ не захотѣлъ снесть публичныхъ укоризнъ отъ того, кто помазалъ его на царство, и въ негодованіи *раздралъ* на немъ *ризу* его (1 Цар. X, 22. XV, 17-25). Такъ и Давидъ, который, по свидѣтельству самаго Бога, почти во всемъ угождалъ Ему, когда прошли дни испытанія его, вскорѣ впалъ въ тяжкій грѣхъ, умертвивъ безжалостно и безчеловѣчно мужа, къ женѣ коего почувствовалъ преступную страсть; и тотъ, который прежде былъ милостивъ и снисходителенъ къ самымъ злодѣямъ, возъимѣлъ потомъ дерзость въ страстномъ омраченіи посягнуть на жизнь мужа добродѣтельнаго (1 Цар. XIII, 14. Псал. LXXXIII, 21. Дѣян. XIII, 22. 2 Цар. XI). До того времени онъ не рѣшался лишать жизни и гонителя своего, врага, который былъ въ его рукахъ; а послѣ того, во вредъ своему войску, находившемуся въ опасности, велѣлъ умертвить и вѣрнаго воина своего! И конечно за этотъ тяжкій грѣхъ онъ былъ бы отчужденъ отъ сонма избранныхъ Божіихъ, если бы новые удары бѣдствій не обратили его на путь покаянія и спасенія.

ГЛАВА IV.

О томъ, что занятія многими дѣлами по управленію нерѣдко развлекаютъ насъ и отвлекаютъ отъ самихъ себя.

Часто бываетъ и такъ, что многообразныя заботы управленія развлекаютъ духъ нашъ до того, что онъ, при множествѣ дѣлъ, не имѣетъ возможности обращать надлежащее вниманіе на каждое изъ нихъ. Посему-то Премудрый подаетъ благоразумный совѣтъ, говоря: *чадо, дѣянія твоя*

да не будутъ о многъ (Спр. XI, 10); ибо когда мы устремляемся мыслію на многіе предметы, то трудно уже бываетъ намъ сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ вполнѣ. А еще хуже то́, когда мы чрезъ мѣру увлекаемся и развлекаемся внѣшними предметами, мало заботясь о внутреннемъ страхѣ за себя самихъ, когда погружаемся всецѣло въ постороннія заботы, а о собственномъ долгѣ и благѣ вовсе не помышляемъ, умѣемъ много разсуждать о другихъ, а самихъ себя не знаемъ и знать не хотимъ. Въ этихъ превышающихъ мѣру заботахъ душа наша, подобно путнику, постоянно развлекаемому посторонними предметами, забываетъ цѣль, къ которой стремится; какъ бы отчужденная отъ своихъ нуждъ и потребностей, она уже не чувствуетъ тѣхъ недостатковъ, которые терпитъ, и не замѣчаетъ тѣхъ упущеній и погрѣшностей, въ которыя впадаетъ. Такъ Езекія, конечно, не воображалъ, что онъ худо дѣлаетъ и грѣшитъ, когда показывалъ иноплеменникамъ всѣ сокровища свои и ароматы; но услышалъ отъ Исаіи, что этотъ легкомысленный поступокъ его навлекъ на него гнѣвъ праведнаго Судіи и обратится въ пагубу его потомству (4 Цар. XX. Исаіи XXXIX). Часто бываетъ съ нами, что когда дѣла наши по занимаемому нами мѣсту служенія умножаются и когда они, по видимому, идутъ стройно и ведутся исправно, такъ что другіе и самые подчиненные намъ удивляются успѣшному теченію ихъ при такомъ множествѣ, въ душѣ нашей въ тоже время совершается свой судъ, обвиняющій и осуждающій насъ, хотя во внѣшнихъ поступкахъ нашихъ и не обнаруживается ничего подобнаго: ибо судія и подсудимый сокрыты въ насъ самихъ. Люди не знаютъ, что́ тамъ дѣлается, не знаютъ, какъ грѣшимъ мы въ сердцѣ своемъ; но однакожъ этотъ неподкупный внутренній судія свидѣтельствуетъ намъ, что мы грѣшимъ. И вавилонскій царь не тогда осужденъ за гордость свою, когда высказалъ ее въ

словахъ: онъ услышалъ изъ устъ пророческихъ это осужденіе еще прежде, нежели обнаружилъ себя. Сначала онъ, можно сказать, даже напередъ заглаждалъ преступленіе своей гордости, рѣшившись всѣмъ подвластнымъ народамъ проповѣдывать Бога всемогущаго, Котораго онъ, по собственному сознанію, оскорбилъ; но потомъ, напыщенный успѣхами своего могущества, въ мнимомъ величіи своемъ вообразилъ себѣ, что онъ превыше всего, и вслѣдъ за тѣмъ съ надмѣнностію воскликнулъ: *нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ сградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моей, въ честь славы моея* (Дан. IV)? Въ этихъ словахъ заключается уже открытое оправданіе того гнѣва Божія, который возженъ былъ тайною гордостію: ибо верховный Судія еще прежде незримо для насъ видѣлъ то́, что́ впослѣдствіи публично осудилъ и наказалъ. Такимъ-то образомъ Онъ и обратилъ сего царя въ безсловесное животное, отдѣлилъ его отъ общества людей и пріобщилъ къ дивнимъ звѣрямъ, извративъ и умъ его, чтобы по праведному суду и по закону справедливаго возмездія престалъ быть человѣкомъ тотъ, кто возмечталъ считать себя выше человѣковъ. Впрочемъ, говоря все это, мы отнюдь не думаемъ порицать самую власть, а только желаемъ предохранить слабыя души отъ домогательства оной, чтобы недостойные не дерзали восхищать высокихъ должностей начальственныхъ, и тѣ, которые не твердо стоятъ даже на ровномъ мѣстѣ, не приближались къ стремнинамъ.

ГЛАВА V.

О тѣхъ, которые образцовыми дарованіями своими могутъ быть полезны на высокомъ посту служенія, но убѣгаютъ онаго ради своего спокойствія.

Но есть люди и надѣленные особенными дарами благодати Божіей, видимо возвышенные предъ другими и для блага другихъ великими способностями, люди чистые и неукоризнен-

ные по своему цѣломудрію, крѣпкіе по своему воздержанію, упитанные, такъ сказать, тукомъ здраваго ученія, пріобыкшіе къ смиренію великодушнымъ перенесеніемъ страданій, носящіе какъ бы на челѣ своемъ печать власти, ко всякому благосклонные при своей кротости и вмѣстѣ строгіе по любви къ правдѣ. И если такіе люди, быв призываемы къ высокому посту служенія, отказываются отъ принятія его; то они сами отъ себя отнимаютъ и губятъ собственныя дарованія свои, которыя получили не для себя только, но и для другихъ. Помышляя о собственныхъ лишь выгодахъ спокойствія своего, а не заботясь о пользѣ ближнихъ, они сами себя лишаютъ тѣхъ благъ, которыя думаютъ найти въ частной жизни своей. Вотъ почему и самая Истина говоритъ ученикамъ своимъ: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя; ниже́ вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть* (Мато. V, 14. 15). Вотъ почему и Петру предложенъ былъ Спасителемъ вопросъ: *Симоне Іонинъ, любиши ли Мя?* и когда Апостолъ не замедлилъ отвѣтить, что любитъ, то тутъ же сказано было ему: *паси овцы моя* (Іоан. XXI, 15—17). Итакъ, если пастырскіе труды служатъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ любви ко Господу; то и наоборотъ, кто отказывается пасти стадо Божіе, имѣя къ тому потребныя способности и самое призваніе, тотъ тѣмъ самымъ явно показываетъ, что онъ не любитъ Пастыреначальника. Потому же и апостолъ Павелъ говоритъ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша: Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. V, 14. 15). Такъ и въ законѣ Моисея постановлено, чтобы остававшійся въ живыхъ братъ бралъ въ замужество жену умершаго бездѣтнаго брата и во имя его приживалъ съ нею дѣтей, такъ что если онъ отказывался взять ее, то она въ

правѣ была плюнуть ему въ лицо, а онъ обязывался снять у себя съ ноги своей сапогъ и вручить ей во свидѣтельство отреченія своего отъ *ужичества*, и затѣмъ мѣсто жительства его прозывалось *домомъ изутаго изъ сапога* (Втор. XXV, 5–10. Руѳ. IV, 7). Нашъ умершій братъ есть Іисусъ Христосъ. Который по воскресеніи своемъ, явившись мироносицамъ, сказалъ: *идите, возвѣстите братіи моей* (Матѳ. XXVIII, 10). Онъ умеръ какъ бы бездѣтенъ, потому что еще не исполнилось число избранныхъ. Его-то жену (uxorem), или лучше невѣсту Его-святую Церковь, обязывается принять къ себѣ и пріютить какъ бы по жребію (sortiri praecipitur) всякій остающійся въ живыхъ братъ, который въ состояніи хорошо править ею и на котораго можетъ быть возложено такое управленіе. А если онъ отказывается отъ сего, то оскорбленная невѣста плюетъ ему въ лице: это значитъ, что святая Церковь, упрекая получившихъ дары не для себя только, а и для другихъ, но не заботящихся объ употребленіи ихъ на пользу ближнихъ, наказываетъ таковыхъ презрѣніемъ и какъ бы плюетъ. Можно сказать, что и у нихъ снимается съ ноги сапогъ, и домъ ихъ можно назвать *домомъ изутаго*; потому что по Апостолу мы должны *обуть ноги* свои *во уготованіе благовѣствованія мира* (Ефес. VI, 15). Посему, когда мы столько же заботимся и о ближнемъ, сколько и о себѣ самихъ; то у насъ обѣ ноги обуты бываютъ. А кто свою только пользу наблюдаетъ, а о пользѣ ближнихъ нерадитъ, у того какъ бы одна нога остается безъ должнаго прикрытія. Итакъ есть, говорю, нѣкоторые люди, осыпанные богатыми дарами благодатными, которые, однакожъ, любя уединеніе и ограничиваясь собою, уклоняются отъ общественныхъ занятій, могущихъ доставить пользу ближнимъ высокимъ ихъ служеніемъ, соотвѣтствующимъ ихъ великимъ дарованіямъ, и, удаляясь на покой, отказываются отъ вся-

кихъ общественныхъ трудовъ. Но, судя безпристрастно, они безъ всякаго сомнѣнія настолько же дѣлаются виновными, насколько могли бы принести пользы, если бы вступили въ общественное служеніе. И какой тутъ смыслъ у того, кто, имѣя возможность содѣлаться полезнѣйшимъ для ближнихъ своихъ и многихъ собратій, предпочитаетъ свою частную выгоду уединенія общей многоплодной пользѣ, когда и самъ Единородный Сынъ Отца Небеснаго явился въ міръ изъ нѣдръ отчихъ не для своихъ какихъ-либо выгодъ, а для спасенія многихъ?

ГЛАВА VI.

О томъ, что уклоняющіеся отъ принятія на себя многотруднаго служенія общественнаго, по своему смиренію, тогда только заявляютъ истинное смиреніе, когда не противодѣйствуютъ судьбамъ Божіимъ.

Правда, есть и такіе, которые убѣгаютъ трудностей общественнаго служенія по одному смиренію, чтобы ихъ не предпочли тѣмъ, коихъ они считаютъ болѣе достойными себя. Но таковое смиреніе, и то соединенное съ другими добродѣтелями, тогда только бываетъ дѣйствительно въ очахъ Божіихъ, когда оно не упорствуетъ непокорнымъ противленіемъ принятію на себя общеполезныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на насъ свыше. Ибо въ томъ нѣтъ уже истиннаго смиренія, кто слышитъ и понимаетъ волю Божію, зовущую и обязывающую его къ начальственному управленію надъ другими, а между тѣмъ пренебрегаетъ этою властію. Истинно смиренный человѣкъ, покоряющійся всѣмъ распоряженіямъ Божіимъ и чуждый всякаго сопротивленія воли Божественной, когда возлагается на него какая-либо должность правительственная, и у него есть на то довольно дарованій, чтобы быть полезнымъ и для другихъ, въ душѣ своей долженъ избѣгать почестей и высокомѣрія, а на дѣлѣ покоряться призванію, хотя бы то противъ воли.

ГЛАВА VII.

О томъ, что иногда похвально бываетъ и самому искать проповѣдническаго служенія, а иногда похвально принять оное и по принужденію.

Смотря однакожъ по различнымъ обстоятельствамъ, иногда похвально бываетъ, когда одни сами желаютъ проповѣдническаго служенія и стремятся къ тому, а иногда тоже похвально бываетъ, когда другіе принимаютъ это служеніе вопреки своему желанію. Это яснѣе поймемъ мы, когда разсмотримъ и сравнимъ обстоятельства двухъ пророковъ,–Исаіи и Іереміи, изъ коихъ одинъ самъ вызвался на дѣло проповѣди, а другой съ трепетомъ отказывался отъ этого служенія. Такъ Исаія на вопросъ Господа: *кого пошлю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ?* въ туже минуту отвѣчалъ: *се азъ есмь, посли мя* (Исаіи VI, 8); а Іеремія, когда посылаемъ былъ на проповѣдь, со смиреніемъ отклонялъ отъ себя это порученіе, извиняясь неспособностію своею такимъ образомъ: *о Сый Владыко, Господи, се не вѣмъ глаголати, яко отрокъ азъ есмь* (Іер. I, 6). Такъ–то различны были словесные отвѣты сихъ двухъ пророковъ; но какъ тотъ, такъ и другой отвѣтъ, оба проистекали изъ одного и того же источника любви. Любовь же заповѣдуется намъ двумя заповѣдями; одною–любить Бога, а другою–любить ближняго (Втор. VI, 5. Лев. XIX, 18. Матѳ. XXII, 37–40). По этому Исаія, желая дѣятельною жизнію своею содѣйствовать спасенію ближнихъ, тотчасъ изъявилъ желаніе и готовность принять на себя должность проповѣдника; а Іеремія, стараясь чрезъ созерцательную жизнь болѣе и болѣе утвердиться въ любви къ Богу, хотѣлъ было уклониться отъ этой должности. Итакъ, чего одинъ съ неукоризненностію искалъ, отъ того другой со страхомъ и глубокимъ смиреніемъ отступалъ: одинъ опасался, чтобы чрезъ принятіе на себя должности проповѣдническаго служенія не лишиться плодовъ безмолвнаго созерцанія; а другой, чтобы безмолвіемъ не по-

терять плодовъ дѣятельной жизни. Но здѣсь въ обоихъ случаяхъ не надобно упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что какъ тотъ, кто отказывался, не воспротивился совершенно (Іер. I, 9), такъ и тотъ, кто вызвался самъ, предварительно уже *очищенъ* былъ *углемъ горящимъ отъ олтаря* (Исаіи VI, 5–7). А этимъ внушается то́, что неочищенный не долженъ приступать къ пастырскому служенію, а тотъ, кого призываетъ къ нему Божественная благодать, не долженъ неуступчивостію своею противодѣйствовать ей подъ предлогомъ смиренія. Но такъ какъ очень трудно знать каждому о себѣ, чистъ ли онъ; то безопаснѣе уклоняться отъ проповѣдническаго служенія; только не должно, какъ мы сказали уже, упорно противиться тому, когда на принятіе этого служенія очевидно высказывается воля Божія. Моисей дивнымъ посольствомъ своимъ выполнилъ и то́ и другое вмѣстѣ, когда и не желалъ быть вождемъ многочисленнаго народа израильскаго и вопреки своему желанію повиновался повелѣнію Божію. Если бы онъ принялъ безтрепетно и съ самонадѣянностію это посольство, то его упрекнули бы, можетъ быть, въ гордости; но онъ не избѣжалъ бы подобнаго упрека, если бы воспротивился назначенію Божію своимъ неповиновеніемъ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи являя смиреніе и благопокорливость, онъ такимъ образомъ и отказывался отъ начальственнаго управленія народомъ Божіимъ, соображая свои недостатки, и принялъ возлагаемое на него порученіе, полагаясь на всесильную помощь Того, Кто его призывалъ. Изъ всего этого да познаютъ и уразумѣютъ тѣ, которые опрометчиво стремятся къ занятію высокихъ должностей, до какой степени предосудительно и непозвинительно домогаться предпочтенія предъ другими, безъ всякаго опасенія и страха, когда и святые мужи боялись и трепетали принимать начальство надъ народомъ, имѣя даже на то́ повелѣніе Божіе. Моисей, призы-

васмый Богомъ, страшится; а какой-нибудь немощный братъ нашъ только о томъ и думаетъ, какъ бы предвосхитить тяжелое бремя власти! Всегда готовый пасть подъ тяжестію и собственныхъ грѣховъ, онъ еще подклоняетъ охотно выю для принятія чужихъ! Не въ силахъ онъ вынести и того, что́ на немъ лежитъ, а онъ еще увеличиваетъ свою ношу!

ГЛАВА VIII.

О тѣхъ, которые домогаются начальственной власти, и въ оправданіе своего прихотливаго стремленія ссылаются и опираются на слова Апостола (1 Тим. III, 1).

Многіе, домогающіеся начальственной власти, въ оправданіе своего прихотливаго стремленія, прибѣгаютъ къ словамъ Апостола, который говоритъ: *аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ* (1 Тим. III, 1), думая найти въ нихъ для себя опору. Но Апостолъ, похваливъ это желаніе, тотчасъ же представляетъ и опасную его сторону, присовокупляя вслѣдъ за тѣмъ къ своимъ словамъ и слѣдующія: *подобаетъ убо* (же) *епископу быти непорочну* (тамъ же 2). А далѣе онъ показываетъ, въ чемъ именно состоитъ эта непорочность, послѣдовательно перечисляя одинъ за другими необходимыя для пастырей и вообще священнослужителей совершенства. Такимъ образомъ Апостолъ и одобряетъ желаніе епископства и устрашаетъ желающихъ его необходимыми для сего требованіями. Онъ какъ бы такъ говоритъ: я хвалю ваше желаніе, но сперва узнайте то́, чего вы желаете; иначе, если вы пренебрежете самоиспытаніемъ, то тѣмъ постыднѣе будетъ для васъ укоризненность вашего недостоинства, чѣмъ поспѣшнѣе взойдете вы на высоту духовныхъ почестей, открытую для взора всѣхъ. Какъ весьма опытный въ дѣлѣ духовнаго управленія, Апостолъ одобреніемъ своимъ побуждаетъ насъ стремиться къ этому высокому служенію, а изображеніемъ трудностей опаго обузды-

ваетъ въ насъ всякую поспѣшность и опрометчивость. Мысль о томъ, какъ непорочна должна быть жизнь епископа, имѣетъ цѣлію у Апостола предохранить всѣхъ и каждаго отъ гордости и самонадѣянности; а тѣмъ, что похваляетъ желаніе этого званія, столь непорочнаго, онъ хочетъ усилить любовь и расположенность къ добродѣтели вообще. Впрочемъ нужно замѣтить, что Апостолъ говорилъ такъ въ то еще время, когда каждый представитель Церкви своей первый дѣлался жертвою мучителей. Значитъ, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что съ нимъ соединялась и явная опасность подвергнуться тягчайшимъ страданіямъ. Имѣя это въ виду, Апостолъ и самую должность епископскую почтилъ названіемъ добраго дѣла, сказавъ: *аще кто епископьства хощетъ, добра дѣла желаетъ* (1 Тим. III, 1—12. Тит. I, 1—9). Такимъ образомъ, всякъ по себѣ можетъ судить безпристрастно, имѣетъ ли его желаніе епископствовать какое-нибудь отношеніе къ истинному епископству, если онъ смотритъ на это званіе не какъ на служеніе доброму дѣлу, а только какъ на средство къ достиженію почестей и славы? Епископское служеніе есть служеніе священное; но этой святости его не только не любитъ, но и вовсе не понимаетъ тотъ, кто, мечтая только о высотѣ сана, восхищается въ тайнѣ мыслію, какъ другіе будутъ предъ нимъ преклоняться, возвеличиваетъ себя собственными похвалами, дышетъ однимъ честолюбіемъ и въ восторгѣ отъ преизбытка всякихъ прибытковъ напередъ помышляетъ не о тяжести предлежащихъ трудовъ, а о нѣгѣ и роскоши среди изобилія благъ земныхъ. Онъ ищетъ мірскихъ выгодъ въ томъ званіи, которое обязано искоренять въ людяхъ всякое пристрастіе къ нимъ. Понятно, что такой человѣкъ, избирающій самое смиренное служеніе средствомъ къ удовлетворенію своей гордости и своимъ личнымъ видамъ, внутри будетъ не то́, чѣмъ будетъ казаться извнѣ: изъ него мо-

жетъ выйти не пастырь овецъ Христовыхъ, а *тать и разбойникъ*, *не дверми входяй во дворъ овчій*, *но прелазяй инудѣ*, который подъ покровомъ пастырской одежды, подобно волку, *расхитить и распудить* стадо Христово (Іоан. X, 1—6).

ГЛАВА IX.

О томъ, что ищущіе власти очень часто обольщаютъ себя воображаемымъ предположеніемъ, что они на занимаемомъ ими высокомъ мѣстѣ служенія произведутъ много дѣлъ хорошихъ.

Но часто и очень часто ищущіе пастырской власти и начальственнаго управленія въ Церкви Божіей ищутъ этого служенія потому, что предполагаютъ совершить на этомъ высокомъ поприщѣ какія-либо важныя и полезныя для ней дѣла: и хотя они ищутъ этого собственно изъ желанія возвыситься, но успокоиваютъ себя тѣмъ, что вотъ-де они много сдѣлаютъ пользы и для Церкви. Такимъ образомъ суетное, но главное, намѣреніе ихъ прикрывается благовиднымъ разсужденіемъ о цѣляхъ второстепенныхъ, чтобы только успокоить себя. Ибо душа наша легко можетъ обмануться и вообразить себѣ, что она любитъ добрыя дѣла, которыя не всегда любитъ, и что она не любитъ мірской славы, которую между тѣмъ не перестаетъ любить. Въ такомъ состояніи человѣкъ, домогающійся власти, бываетъ робокъ, пока еще стремится къ ней; а когда достигаетъ желаемаго, тогда становится онъ дерзновеннымъ. Сперва робость его происходитъ въ немъ отъ опасенія неудачи; но послѣ того, какъ онъ достигаетъ своей цѣли, въ немъ тотчасъ рождается увѣренность, что такъ и должно быть и что онъ имѣлъ на то полное право. Наконецъ, по достиженіи имъ власти, пользуясь и злоупотребляя ею для удовлетворенія суетнымъ желаніямъ своимъ, онъ охотно уже забываетъ свои благочестивыя и богобоязненныя предположенія (quid quid religiose cogitavit). Поэтому,

когда душа увлекается слишкомъ смѣлыми и необычайными предпріятіями, необходимо въ тоже время обратить взоръ на прошедшія дѣла свои: пусть каждый, въ подобномъ состояніи, поразмыслитъ о томъ, какъ онъ поступалъ прежде, находясь въ подчиненіи (subjectus); тогда только узнаетъ, способенъ ли онъ на тѣ добрыя дѣла, которыя предполагаетъ совершить на высокомъ посту начальственнаго служенія (praelatus). Ибо никогда не научится смиренію на высотѣ почестей тотъ, кто и въ низкомъ состояніи не переставалъ гордиться. Не съумѣетъ онъ избѣгать похвалъ, когда онѣ посыплются ему со всѣхъ сторонъ, если онъ жаденъ былъ къ нимъ и тогда, когда ихъ вовсе не было. Никогда не побѣдитъ онъ въ себѣ любостяжанія, имѣя въ рукахъ своихъ способы для поддержанія многихъ, если онъ и прежде одинъ не умѣлъ довольствоваться своимъ состояніемъ. Итакъ пусть каждый разсматриваетъ прежнюю жизнь свою, дабы въ стремленіи къ высокому сану не обольститься ложными мечтами. Среди многочисленныхъ и многообразныхъ заботъ пастырскаго служенія, особенно по управленію, человѣкъ иногда утрачиваетъ и тотъ навыкъ къ добрымъ дѣламъ, который легко сохранялся у него въ тихой частной жизни. Такъ и на морѣ, въ тихую погоду, и малосвѣдущій корабельщикъ можетъ хорошо править кораблемъ; но когда поднимется буря и разъярятся волны, то и самый искусный кормчій можетъ растеряться. А что такое въ самомъ дѣлѣ высокая власть управленія, какъ не мысленная буря? Въ ней корабль души нашей постоянно потрясается бурными волнами разныхъ помышленій, непрестанно ударяется то въ ту, то въ другую сторону, такъ что ежеминутно грозитъ ему опасность разбиться и погибнуть отъ какихъ-нибудь необдуманныхъ рѣчей языка или поступковъ дѣла, подобно тому, какъ на морѣ гибнутъ отъ попадающихся на пути непредусмотрѣнныхъ подводныхъ камней. Между тѣмъ какому же

правилу слѣдовать и какого начала держаться намъ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ не послѣдовать тому, чтобы на высоту пастырскаго служенія, волею-неволею, восходилъ тотъ лишь только, кто богатъ совершенствами добродѣтелей, а кто не обладаетъ потребными для сего качествами, тотъ и не принимался бы за это высокое служеніе, хотя бы его къ тому и принуждали? И потому, кто надѣленъ благодатными дарами, но совершенно отказывается отъ своего призванія; тотъ пусть блюдется, чтобы ему не подпасть осужденію за сокрытіе своего таланта въ землѣ: ибо оставить въ бездѣйствіи и праздности дарованія, полученныя отъ Господа, есть тоже самое, что̀ закопать талантъ въ землю (Мат. XXV, 15–30). А тотъ, кто не только не имѣетъ хорошихъ способностей для управленія, но и подверженъ слабостямъ, между тѣмъ, не смотря на это, домогается власти, пусть не забываетъ того, что онъ своимъ соблазнительнымъ примѣромъ можетъ послужить для ближнихъ только препятствіемъ въ достиженіи царствія небеснаго, подобно фарисеямъ, которые, по словамъ Божественнаго Учителя, и сами не входятъ въ него и другимъ заграждаютъ доступъ (тамъ же XXIII, 13). Равнымъ образомъ надлежитъ ему помнить и то̀, что пастырь духовный, принимающій на себя пастырское служеніе въ Церкви Божіей, есть вмѣстѣ и врачъ душевныхъ недуговъ. Слѣдовательно, если онъ и самъ одержимъ таковыми недугами и страждетъ отъ нихъ; то какъ дерзнетъ онъ врачевать язвы другихъ, нося язвы самъ на лицѣ своемъ?

ГЛАВА X.

Кто можетъ и долженъ приступать къ пастырскому служенію и принимать на себя въ ономъ начальственное управленіе.

Итакъ всемѣрно должно стараться, чтобы на степени пастырей и пастырей-начальниковъ поставляемы были въ об-

разецъ жизни для пасомыхъ и подчиненныхъ / только такіе мужи, которые, умерши для всѣхъ плотскихъ страстей, живутъ уже духомъ, которые отложили всякое попеченіе о мірскихъ благахъ, которые не страшатся никакихъ бѣдствій, которые помышляютъ только о благахъ внутреннихъ. Вполнѣ соотвѣтствуя благочестивымъ намѣреніямъ и стремленіямъ таковыхъ людей, имъ не противорѣчитъ уже ни тѣло ихъ подъ предлогомъ немощи, ни духъ ихъ подъ предлогомъ оскорбленія. Они не посягаютъ на чужое добро; напротивъ, они охотно раздаютъ свое собственное. Они всегда готовы отъ чистаго сердца и сострадательной любви извинять и прощать ближняго, не снисходя впрочемъ преступленіямъ его до слабости, но соблюдая законы правосудія. Они ничего не позволяютъ себѣ противозаконнаго, а противозаконныя дѣйствія другихъ оплакиваютъ, какъ свои собственные грѣхи. Они искренно соболѣзнуютъ чужому несчастію, благосостоянію же ближняго такъ радуются, какъ бы оно составляло ихъ собственное благо. Во всемъ, что̀ ни дѣлаютъ они, являютъ себя предъ другими достойнымъ подражанія примѣромъ, внушая къ себѣ во всѣхъ такое уваженіе, что никто не можетъ упрекнуть ихъ въ жизни ни чѣмъ, за что бы они должны предъ ними краснѣть. Они стараются жить такъ, чтобы и самыя черствыя и закоснѣлыя души ближнихъ могли размягчаться и умиляться исходящимъ изъ устъ ихъ благодатнымъ ученіемъ, оправдываемымъ ими на самомъ дѣлѣ. Они, какъ опытные въ молитвѣ, изъ прежнихъ примѣровъ жизни познали уже, чего могутъ просить и чего не должны просить, и потому могутъ получить отъ Господа все, чего бы они ни попросили; имъ-то, какъ бы въ особенности, и слышится этотъ отрадный гласъ Божій: *и еще глаголющу ти, реку: се пріидохъ* (Исаіи XVIII, 9. LXV, 24). Таковы именно должны быть пастыри и пастыреначальники! Ибо, когда къ намъ кто приходитъ съ просьбою походатайствовать за него предъ тѣмъ или

другимъ начальникомъ, который на него разгнѣвался и недоволенъ, но намъ незнакомъ коротко; то мы тотчасъ же отвѣчаемъ ему: »нѣтъ, любезный, нельзя намъ ходатайствовать за тебя предъ этимъ господиномъ, потому что мы и сами не пользуемся его особеннымъ благоволеніемъ«. Если же, такимъ образомъ, и человѣкъ предъ человѣкомъ, на котораго мало надѣется, не отваживается быть ходатаемъ за кого бы то ни было; то какъ дерзнетъ брать на себя ходатайство предъ Богомъ за грѣхи народа тотъ, кто не знаетъ и не увѣренъ, заслужилъ ли онъ жизнію своею благоволеніе Божіе къ себѣ самому? или какъ онъ будетъ просить у Него прощенія и помилованія для другихъ, если не надѣется отъ Него прощенія и помилованія самому себѣ? Тутъ надобно даже опасаться, чтобы, вмѣсто предполагаемаго умилостивленія, не подвигнуть Господа на большій еще гнѣвъ изъ-за своихъ грѣховъ; ибо всѣ мы хорошо знаемъ, что когда и предъ людьми берется ходатайствовать такое лицо, которое имъ не нравится, то гнѣвъ ихъ чрезъ то лишь больше усиливается. Итакъ, кто еще не отрѣшился совершенно отъ земныхъ страстей, тотъ пусть остерегается принимать на себя званіе посредника или ходатая въ Церкви Божіей: иначе онъ своимъ предстательствомъ можетъ больше и больше возбудить гнѣвъ и раздражить Верховнаго Судію на занимаемомъ имъ мѣстѣ, и вмѣсто примиренія съ Божественнымъ правосудіемъ можетъ повергнуть паству свою въ совершенное разореніе.

ГЛАВА XI.

Кто не долженъ приступать къ пастырскому служенію, а тѣмъ болѣе принимать на себя начальственное въ ономъ управленіе.

Разсмотри же безпристрастно каждый, приступающій къ пастырскому служенію, а тѣмъ болѣе принимающій на себя начальственное въ ономъ управленіе, нѣтъ ли въ тебѣ

какихъ либо предосудительныхъ недостатковъ и даже пороковъ, изобличающихъ твою нечистоту и грѣховность; ибо, повторяю, тому нельзя даже помышлять о ходатайствѣ за грѣхи другихъ, кто не очистился отъ своихъ собственныхъ. Посему-то и Моисею дано было свыше такое повелѣніе: *рцы ко Аарону, глаголя: человѣкъ отъ рода твоего въ родѣхъ вашихъ, аще кому будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ приносити даровъ Божіихъ и ко олтарю да не приближится, яко порокъ имать*; и вслѣдъ за тѣмъ подробно исчисляетъ самые недостатки или пороки, которые не допускались лично въ жрецахъ, именно: *человѣкъ слѣпъ, или хромъ*, или *корносый... или человѣкъ ему же есть сокрушеніе руки, или сокрушеніе ноги, или горбатъ, или гноеточивъ очима, или бѣльмоочецъ, или человѣкъ на немъ же суть красты дивія, или лишаи, или единоятрный* (Лев. XXI, 17–23). *Слѣпъ* же, въ духовномъ смыслѣ, есть тотъ, кому не знакомъ свѣтъ высшаго созерцанія, кто, подавляемый мракомъ настоящей жизни, хотя и видитъ озаряющій его свѣтъ, но не любя его, не знаетъ, куда направить свою дѣятельность. Поэтому Анна, мать Самуила, посвящая первенца своего Господу, въ пророческомъ духѣ, воскликнула: »стопы праведниковъ своихъ оправдаетъ онъ, а нечестивые умолкнутъ во мракѣ и невѣденіи« (1 Цар. II, 9). *Хромъ*–тотъ, кто хотя и знаетъ, куда должно стремиться, но по нетвердости ума и воли не можетъ всегда держаться прямаго пути, который видитъ; потому что доколѣ перемѣнчивость нравовъ и обычаевъ не возвысится до того, чтобы утвердиться въ постоянствѣ къ добродѣтели, дотолѣ стопы наши не могутъ постоянно слѣдовать за добрымъ желаніемъ. Имѣя въ виду это, и апостолъ Павелъ говоритъ: *ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите, и стези правы сотворите ногами вашими, да не хромое совратится, но паче да исцѣ-*

имѣетъ (Евр. XII, 12. 13). *Корносимъ* можно назвать того, кто не способенъ и не умѣетъ хорошо различать добро отъ зла, такъ какъ и тѣлеснымъ органомъ обоняния мы различаемъ благовоніе отъ зловонія тогда только, когда этотъ органъ не поврежденъ у насъ. Посему-то и въ Пѣсни Пѣсней въ похвалу невѣсты – Церкви Христовой говорится: *носъ твой яко столпъ ливанскій* (VII, 4); потому что она издали видитъ грядущія на нее искушенія и напередъ знаетъ, какъ бы чутьемъ, отъ какихъ именно обстоятельствъ грозитъ ей опасность. Сюда же можно отнесть и тѣхъ, которые, не желая казаться тупоумными, по своей гордости, нерѣдко вдаются въ излишнія и ненужныя изслѣдованія, силы ихъ превышающія, и отъ того самаго впадаютъ въ погрѣшности. Таковая неумѣренная, такъ сказать, щепетильность (subtilitas immoderata) въ распознаваніи истины отъ лжи и добра отъ зла чѣмъ болѣе усиливается, тѣмъ болѣе удаляетъ отъ истиннаго и прямаго пути и приводитъ въ замѣшательство всю дѣятельность. Подъ именемъ человѣка, имѣющаго *сокрушеніе въ рукахъ или ногахъ*, конечно, разумѣется тотъ, кто вовсе не въ состояніи шествовать по пути Божію и совершенно не способенъ къ добрымъ дѣламъ; даже и такъ не можетъ держаться, какъ держится хромой, который, хотя не твердо и съ уклоненіями, все-таки движется и стремится впередъ, а этотъ чуждъ всякаго преспѣянія въ усовершеніи себя. Именемъ *горбатаго* назовемъ того, кто согнулся подъ тяжестію земныхъ заботъ, до такой степени, что уже не можетъ возвести взора своего въ горняя, а постоянно устремляетъ его на тѣ только предметы, которые попираются его же ногами. Такой человѣкъ хотя иногда и слышитъ что-нибудь благое о небесномъ отечествѣ, но, подавляемый бременемъ превратныхъ навыковъ, не возносится сердцемъ своимъ къ небу, потому что не въ силахъ измѣнить образа своихъ мыслей, которымъ житейская

суета дала жалкое направленіе. Въ уста таковыхъ Псалмопѣвецъ влагаетъ постоянное какое-то сѣтованіе: *пострадахъ и слякохся*, говоритъ онъ отъ лица ихъ, *весь день сѣтуя хожду* (XXXVII, 7. XLI, 10); а самая Истина произноситъ надъ ними судъ въ слѣдующихъ словахъ: *а еже въ терніи падшее* (сѣмя), *сіи суть слышавшіи* (слово), *и отъ печали и богатства и сластьми житейскими ходяще подавляются, и не совершаютъ плода* (Лук. VIII, 14). Подъ имѣющимъ *гнойные глаза* разумѣется тотъ, у кого умъ хотя и порывается къ познанію истины, но скоро помрачается плотскими дѣлами. Извѣстно, что у *гноеточивыхъ очами* зрачки глазные бываютъ здоровы, но отъ часто истекающей мокроты ослабѣваютъ и притупляются и самыя вѣки (рѣсницы) отяжелѣваютъ и слипаются. Нѣчто подобное бываетъ и въ духовномъ отношеніи съ тѣми людьми, у которыхъ добрыя чувства духовныя погибаютъ отъ плотской нечистоты, которые могли бы постигать умомъ своимъ всякую правду, но нечистыми дѣлами доводятъ себя до совершеннаго омраченія. Итакъ гноеточивый есть тотъ, у кого доброе чувство остро отъ природы, но испорчено дурнымъ поведеніемъ. Такому-то человѣку Господь чрезъ ангела подаетъ благой совѣтъ: *коллуріемъ помажи очи твои, да видиши* (Апок. III, 18), то есть, уврачуй свой умъ добродѣтельною жизнію, чтобы тебѣ лучше узрѣть и познать духовный свѣтъ истинный, подобно тому какъ коллуріемъ мажутъ глаза, чтобы лучше видѣть свѣтъ вещественный. Названіе *бѣльмоочнаго* указываетъ на того, кому гордость и самообольщеніе отъ мнимой мудрости и праведности препятствуютъ видѣть свѣтъ истины. У кого нѣтъ бѣльма на глазу, тотъ легко замѣтитъ и черныя пятна, а бѣльмоочный ничего подобнаго не видитъ. Такъ и въ духовномъ смыслѣ: хорошо видитъ и знаетъ себя тотъ, кто постигъ, что онъ и буій и грѣшникъ; а кто

приписываетъ себѣ небывалый блескъ праведности или мудрости, тотъ далекъ отъ надлежащаго познанія себя, и тѣмъ болѣе удаляется отъ истиннаго свѣта, чѣмъ болѣе о себѣ мечтаетъ, какъ и замѣчено о нѣкоторыхъ въ Писаніи: *глаголющеся быти мудри, обезумѣша* (Рим. I, 22). Человѣкъ, у котораго обнаруживаются на тѣлѣ *красты дивія*, это-безъ сомнѣнія тотъ, кѣмъ всецѣло овладѣваютъ и кто рабски выполняетъ всякія прихоти плоти; ибо какъ у человѣка, имѣющаго пхъ, вся внутренняя порча выходитъ наружу, такъ и у плотоугодника, едва только почувствуетъ онъ малѣйшее искушеніе въ сердцѣ, тотчасъ оно и приводится въ дѣйствіе, не встрѣчая у него для обнаруженія своего никакого обузданія въ мысли. Поэтому апостолъ Павелъ, какъ бы предостерегая отъ сего, говорилъ къ коринѳянамъ: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое* (1 Кор. X, 13), какъ бы такъ говорилъ: человѣку свойственно испытывать искушеніе въ сердцѣ; но поддаваться искушенію и предаваться ему, не выдерживая борьбы, свойственно только діаволу. А у кого тѣло покрыто *лишаями*, это человѣкъ любостяжательный: и какъ лишаи (парши), если не истребить ихъ въ самомъ зародышѣ, умножаясь безъ мѣры, покрываютъ собою все тѣло и безобразятъ его, хотя подвергающійся имъ не ощущаетъ при этомъ никакой боли; такъ и любостяжаніе искажаетъ красоту души, хотя предающіеся ему въ тоже время даже услаждаются, соображая одну прибыль за другою и восхищаясь ими. И какъ отъ этого тѣлеснаго недуга могутъ испортиться всѣ члены, такъ и отъ порока любостяжанія могутъ погибнуть всѣ душевныя добродѣтели, и весь составъ человѣка изуродуется и въ душѣ его прорастутъ всѣ роды грѣховъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ апостолъ Павелъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10). Наконецъ подъ именемъ *единоятрнаго* разумѣется тотъ, кто на самомъ дѣлѣ

не совершаетъ срамныхъ и постыдныхъ дѣлъ плотоугодія (по неспособности своей), но тѣмъ необузданнѣе соуслаждается нечистыми помыслами и противоестественными дѣйствіями въ похотяхъ своихъ. Этотъ порокъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, когда насильно вызываемые внутренніе соки устремляются къ половымъ органамъ, которые отъ того, конечно, вздуваются и отяжелѣваютъ съ постыдною болью и безпокойствомъ. И такихъ-то людей, по свидѣтельству Апостола, *Богъ предаетъ въ похотѣхъ сердецъ ихъ въ нечистоту, во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ* (Рим. I, 24). Истаевая всѣмъ помышленіемъ своимъ отъ похотливаго сладострастія, они *естественную подобу* (употребленіе) *женскаго пола*, оказываясь къ тому малоспособными, *измѣняютъ въ противоестественную* (тамъ же 26 и 27), и чрезъ то самое отъ крайняго и беззаконнаго истощанія силъ своихъ становятся къ правильному и законному употребленію ихъ вовсе неспособными, предаваясь *въ неискусенъ умъ-творити неподобная* (тамъ же 28). Итакъ, кто одержимъ какимъ-либо изъ исчисленныхъ нами душевныхъ недуговъ, тотъ пусть не дерзаетъ приносить дары Богу и да не приступаетъ къ олтарю: ибо не можетъ очищать чужихъ грѣховъ тотъ, кто не очистился отъ своихъ собственныхъ.

Показавъ въ краткомъ очеркѣ, что́ значитъ достойно приступать къ пастырскому служенію, и-какъ опасно домогаться его недостойнымъ, разсмотримъ теперь, какова должна быть жизнь того, кто достойно вступаетъ въ сіе служеніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О томъ, какова должна быть жизнь пастыря, достойно вступающаго въ пастырское служеніе.

ГЛАВА I.

Достигающіе законно пастырскаго служенія каковыми должны являть себя по управленію въ этомъ званіи.

Пастыри, тѣмъ болѣе пастыреначальники, какъ предстоятели и представители паствъ своихъ въ Церкви Божіей, настолько должны превосходить своею жизнію пасомыхъ своихъ, насколько званіе пастыря выше званія пасомаго ими стада. Поэтому пусть они внимательно взвѣшиваютъ и соображаютъ всѣ обязанности пастырскаго служенія, возлагаемыя на нихъ въ отношеніи къ пасомымъ, которые по отношенію къ нимъ называются стадомъ. Всякому пастырю духовному, какъ руководителю словеснаго стада Христова, надлежитъ быть чистымъ въ своихъ помыслахъ и служить лучшимъ примѣромъ въ своихъ дѣйствіяхъ; быть разборчивымъ и въ молчаніи и въ словахъ; на немъ лежитъ долгъ сочувствовать въ состраданіи каждому болѣе другихъ и болѣе всѣхъ погружаться въ уединенное созерцаніе; быть ласковымъ въ обращеніи съ благонравными и стойкимъ ревнителемъ правды предъ порочными; не забывать внутреннихъ нуждъ паствы среди заботъ о дѣлахъ внѣшнихъ, ни внѣшнихъ дѣлъ не оставлять въ заботливости о внутреннихъ, и т. п. Но... объ этомъ, что́ мы намѣтили только, слегка коснувшись, нужно намъ размыслить поглубже.

ГЛАВА II.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть чистъ въ помыслахъ своихъ.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, обязанъ быть всегда чистъ даже и въ мысляхъ своихъ. Ибо никакая грѣховная нечистота не должна осквернять того, кто принялъ на себя обязанность очищать и врачевать души подобныхъ себѣ существъ, точно такъ же, какъ рука, которою омываютъ нечистоты плотскія, необходимо должна быть сама чиста, дабы отъ нечистоты ея не осквернить очищаемаго еще болѣе чрезъ соприкосновеніе. Посему-то Господь говоритъ чрезъ пророка: *очиститеся носящіи сосуды Господни* (Исаіи LII, 11). Сосуды же Господни носятъ тѣ, которые воспріемлютъ на свою отвѣтственность души человѣческія и должны представить ихъ въ вѣчное святилище. Пусть же они, возносящіе на себѣ, подъ своею отвѣтственностію, въ храмъ вѣчности сосуды живые,-пусть размыслятъ, какая чистота требуется отъ нихъ самихъ. Для того и Аарону повелѣно было Богомъ чрезъ Моисея возлагать при облаченіи на перси свои во время священнодѣйствія *слово судное* и *носить суды сыновъ израилевыхъ на персѣхъ всегда* (Исх. XXVIII, 15, 30.), во свидѣтельство того, что душа священнослужителя никогда не должна быть занята суетными помыслами, но должна быть престоломъ слова и разума, и что поставленный въ примѣръ другимъ, по самому положенію своему, всегда и предъ всѣми онъ долженъ заявлять, какъ разумны и возвышенны внутреннія его помышленія и чувства. Не безъ причины присоединено было къ тому и начертаніе именъ двѣнадцати патріарховъ: носить всегда на персѣхъ имена отцовъ значитъ непрестанно размышлять о жизни предковъ. Ибо священнослужитель тогда только можетъ проходить свое служеніе непреткновенно,

когда непрестанно имѣетъ предъ глазами своими примѣры предшествовавшихъ отцовъ, когда неуклонно взираетъ на ихъ благочестіе, послѣдуя ихъ стопамъ, и такимъ образомъ подавляетъ въ себѣ грѣховные помыслы, чтобы не нарушить своихъ обязанностей и не выступить ни на шагъ за предѣлы, отдѣляющіе его званіе отъ другихъ. Не напрасно это *слово* и названо *судными*; потому что пастырь, какъ правящій руководитель въ своей паствѣ, долженъ быть столько же разсудителенъ, сколько и уменъ, чтобы всегда могъ полагать различіе съ отчетливостію между добромъ и зломъ, внимательно обсуживать, что́, чему, когда и въ какой мѣрѣ благоприлично или неблагоприлично, *не искать своихъ-си* (1 Кор. X, 24. Филип. II, 21), а болѣе заботиться и печалиться о благѣ ближнихъ. Поэтому и прибавлены тамъ же слѣдующія слова: *и да возложишн на слово судное явленіе и истину* (уримъ и туммимъ): *и да будетъ на персѣхъ Аарону, егда внидетъ во святое предъ Господа, и да носитъ* онъ *суды сыновъ израилевыхъ на персѣхъ всегда* (Исх. XXVIII, 30). Этимъ постояннымъ ношеніемъ суда сыновъ человѣческихъ на груди своей выражается то́, что пастыри, а тѣмъ болѣе пастыреначальники, какъ священнослужители, къ коимъ относятся эти слова, должны разбирать дѣла имъ подчиненныхъ неиначе, какъ въ виду внутренняго судіи своего, такъ-чтобы къ тѣмъ приговорамъ, которые произносятъ они отъ лица Божія, ничего не примѣшивалось человѣческаго, изъ-за какого-нибудь личнаго пристрастія. Ревнуя же противъ чужихъ пороковъ, они не должны забывать и своихъ; также должны быть строги и къ себѣ, какъ и къ другимъ: иначе или безотчетная ненависть или опрометчивый гнѣвъ могутъ подорвать въ нихъ то спокойствіе и ту прямоту, которыя такъ необходимы для судіи. Пусть же они исполняются страха къ Тому Верховному Судіи, Который превыше всего и все видитъ, пусть

слѣдуютъ неуклонно внутреннему судіи своему, который у насъ есть живой отголосокъ Того Судіи; тогда не безъ трепета будутъ управлять подчиненными: ибо этотъ страхъ такъ смиритъ и очиститъ ихъ, что они не будутъ уже ни надмеваться духомъ, ни растлѣваться плотію, ни омрачаться пристрастіемъ къ стяжанію благъ тлѣнныхъ и скоропреходящихъ. Подобныя слабости, конечно, не могутъ не прилипать и къ ихъ душамъ; но они должны тотчасъ же преподѣждать эти поползновенія непрестанною борьбою, чтобы искушающій порокъ, усладивъ ихъ на минуту своими чарами, вслѣдъ за тѣмъ не восторжествовалъ надъ ними и не убилъ въ конецъ.

ГЛАВА III.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ служить для ней образцомъ въ дѣйствіяхъ своихъ.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, долженъ быть для него передовымъ примѣромъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, такъ-чтобы онъ самою жизнію своею указывалъ пасомымъ путь жизни, а словесное стадо его, послѣдуя гласу и дѣламъ своего пастыря, поучалось и усовершалось болѣе изъ примѣра, нежели изъ словъ его. Ибо если высота занимаемаго имъ мѣста вызываетъ его на соотвѣтственную возвышенность слова, то таже высота требуетъ отъ него и высокихъ подвиговъ. Притомъ, и самая проповѣдь устная удобнѣе и вѣрнѣе проникаетъ въ сердца слушателей, когда слова проповѣдника подтверждаются примѣрною жизнію его: словомъ онъ только убѣждаетъ и побуждаетъ къ дѣлу, а примѣромъ какъ бы помогаетъ и участвуетъ въ дѣлѣ. *На гору взыди высоку, благовѣствуяй Сіону*, говоритъ Господь чрезъ пророка (Исаіи XL, 9.), внушая симъ, что проповѣдующій о небесномъ, долженъ возвыситься надъ уровнемъ дѣлъ земныхъ и какъ бы стать на самомъ видномъ

мѣстѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе можно было ему привлечь слушателей своихъ къ себѣ и возводить ихъ къ совершенству, чѣмъ громче будетъ раздаваться сверху голосъ его святой жизни. Поэтому и въ древнемъ Божественномъ законѣ жрецу при жертвоприношеніи отдѣлялось правое плечо *(рамо десное* Исх. XXIX, 22. 24. 26. 27. Лев. VIII, 25-30), въ знакъ того, что дѣла его должны быть не только полезны и спасительны вообще, но и отличаться особенностію, чтобы правотою ихъ не только выдавался онъ среди порочныхъ, но и добродѣтельныхъ въ паствѣ своей превосходилъ сколько важностію своего сана, столько и чистотою нравовъ. Вмѣстѣ съ правымъ плечомъ отдѣляли для него же еще грудь, и этимъ какъ бы повелѣвалось ему жертвовать Богу отъ себя тѣмъ же самымъ, что́ бралъ онъ отъ жертвы. Такимъ образомъ, пастырь не только долженъ носить правые помыслы въ сердцѣ своемъ, но и дѣлами своими, какъ бы мышцею крѣпкою, призывать и привлекать всякаго, кто взираетъ на него, къ высшему и высшему совершенству; не имѣть пристрастія къ благамъ временной жизни и не страшиться бѣдствій; презирать всѣ прелести міра сего ради внутренняго страха Божія, а всѣ страхи мірскіе ни во что́ вмѣнять ради того душевнаго услажденія, которое ниспосылается свыше. И если затѣмъ, по повелѣнію Божію, оба плеча *(рамена)* жреца, и правое и лѣвое, прикрывались *парамикомъ* (Исх. XXVIII, 7. 25. 27. 29. XXIX, 5); то и симъ не то́ ли внушалось ему, чтобы онъ, украшаясь добродѣтелями, въ тоже время недремленно ограждался ими противъ искушеній и счастія и несчастія? Ибо, и по слову апостола Павла, кто *облаченъ въ оружія правды десными и шуими* (2 Кор. VI, 7. Ефес. VI, 11-17), тотъ, простираясь въ предняя и горняя, никогда не падетъ предъ соблазнами мірской юдоли. Ни счастіе не сдѣлаетъ его надменнымъ, ни несчастіе не поколеблетъ; не обольстятъ его удовольствія и

бѣдствія не доведутъ до отчаянія; ничто для него не страшно; никакія страданія не уничижатъ и не сокрушатъ его, ни самыя благопріятныя обстоятельства не усыпятъ его: онъ жизнію своею открыто заявляетъ міру, что мышцы (рамена) его непобѣдимы подъ щитомъ той ризы, которою онъ прикрывается. И эту *ризу верхнюю* (парамникъ), которою поверхъ всего облаченія прикрывался жрецъ, повелѣвалось *ткать* изъ *злата чиста*, *синети*, *багряницы*, *червленицы* и *виссона* (Исх. XXVIII, 5. 8. 15. 33); чѣмъ выражалось то, какимъ разнообразіемъ добродѣтелей долженъ сіять и отличаться пастырь духовный. И прежде всего въ составъ этой ризы входило *злато*, въ знаменіе того, что пастырь въ особенности долженъ просіявать и озарять другихъ свѣтомъ разума и мудрости; потомъ-*синета*, которая небеснымъ цвѣтомъ своимъ внушала пастырю, чтобы цѣлію всѣхъ познаній и дѣйствій его была не земная слава, а небесная, потому что, гоняясь за людскими почестями, онъ можетъ уклониться отъ истины божественной; далѣе-*багряница*, какъ принадлежность царскаго облаченія, чтобы пастырь, проповѣдуя другимъ о почести вышняго званія, въ тоже время зорко слѣдилъ и за своими недостатками, чтобы искоренялъ и преслѣдовалъ съ царскою властію и въ себѣ и въ другихъ всякую низость пороковъ и душевныхъ и тѣлесныхъ, взирая непрестанно на высоту духовнаго возрожденія своего и святостію жизни своей здѣсь-на землѣ пріуготовляя и себѣ и другимъ жилище тамъ-на небѣ въ царствіи Божіемъ. О семъ-то высокомъ призваніи и Духъ Божій говоритъ чрезъ апостола Петра: *вы-родъ избранъ*, *царское священіе*, *языкъ святъ*, *люди обновленія*, *яко да добродѣтели возвѣстите изъ тьмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. II, 9); о сей-то власти, торжествующей надъ всѣми пороками, проповѣдуетъ и Іоаннъ евангелистъ: *елицы пріяша Его*, *даде имъ область ча-*

домъ Божіимъ быти (Іоан. 1, 12); о сей-то сплѣ и твердости и псалмопѣвецъ размышляетъ, когда говоритъ: *мнѣ же зѣло честни быша други твои, Боже, зѣло утвердишася владычествія ихъ* (Псал. CXXXVIII, 17): ибо святые Божіи духомъ витаютъ въ горнемъ пренебесномъ мірѣ, даже и тогда, когда они въ здѣшнемъ дольномъ мірѣ борются съ претерпѣваемыми ими страданіями. Къ *золоту, синеть и багрянищу* присовокупляется еще слѣдующая принадлежность этой ризы, именно, *червленица прядена* (coccus bis tinctus-темно-красная двойная матерія, въ которой самая пряжа въ нитяхъ и въ ткани окрашивается); а этимъ указывалось на то, что предъ очами внутренняго судіи всѣ добрыя дѣла пастыря должны преукрашаться такою любовію, чтобы все въ немъ, что ни дѣлается съ любовію для людей, одушевлялось любовію и къ Богу, какъ Верховному Судіи и Источнику всякія любви, и наоборотъ. И таковая-то любовь, какъ объемлющая собою и любовь къ Богу и любовь къ ближнему слагается, какъ бы изъ двойной ткани (ex duplici tinctura). Поэтому, кто дышетъ любовію къ Богу такою, что забываетъ и нерадитъ о ближнихъ, или же до того заботится о ближнихъ, что дѣлается равнодушнымъ въ любви къ Богу, тотъ тѣмъ самымъ, что не соблюдаетъ обязанностей своихъ или въ отношеніи къ той или въ отношеніи къ другой любви, даетъ разумѣть о себѣ, что въ украшеніи верхней его ризы (парамника) недостаетъ у него *прядены червленицы* (in superhumerali ornamento habere *coccum bis tinctum* nesci). Но чтобы любовь была совершенна и въ дѣятельности ума и въ дѣятельности воли, необходимо, чтобы и плоть была умерщвляема воздержаніемъ. Поэтому къ *червленицѣ прядены* присоединяется наконецъ и *виссонъ скиный* (byssus lota-въ родѣ узористаго кружева изъ самаго тонкаго льна), который, получая начало свое отъ земли, отличался особенною бѣлизною и чистотою и много

скрашивалъ собою эту верхнюю ризу священную. Что́ же этою принадлежностію ея обозначалось, какъ не то́, что облачающійся въ нее долженствовалъ соблюдать неукоризненно и тѣлесную чистоту и непорочность? Ибо умерщвленіемъ плоти чрезъ воздержаніе пастырь духовный пріобрѣтаетъ самое лучшее украшеніе для души своей-нравственную чистоту или цѣломудріе; потому что цѣломудріе есть прямое слѣдствіе воздержанія. Вотъ почему между разными принадлежностями этой верхней ризы священной, называвшейся *парамникомъ*, который надѣвался поверхъ всего облаченія, красовался въ заключеніе и *виссонъ*, знаменующій собою то́, что между разными добродѣтелями пастырскими много споспѣшествуетъ пастырю и умерщвленіе плоти.

ГЛАВА IV.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть разборчивъ и въ молчаніи и въ словахъ.

Пастырю, правящему духовнымъ стадомъ Христовымъ, надлежитъ быть разборчиву и въ молчаніи и въ словахъ: чтобы не говорить о томъ, о чемъ слѣдуетъ молчать, и не молчать о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить. Ибо какъ необдуманная рѣчь можетъ вводить слушателей въ заблужденіе, такъ неумѣстное молчаніе можетъ оставлять ихъ тоже въ заблужденіи; тогда какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, при благоразумной разборчивости руководящаго пастыря, они могли бы избавиться отъ этого. А между тѣмъ часто случается, что неблагоразумные и непредусмотрительные пастыри, изъ опасенія потерять благоволеніе у своихъ пасомыхъ, боятся и не рѣшаются свободно высказывать истину: но это уже не *пастыри добрые*, которые *душу свою полагаютъ за овцы*, по словамъ самой Истины (Іоан. X, 11-13), а *наемники*, которые какъ бы *бѣгаютъ при видѣ волка грядущаго*, когда укрываются подъ

предлогомъ молчанія. Объ нихъ-то съ упрекомъ говоритъ Господь чрезъ пророка: *пси нѣміи не возмогутъ лаяти* (Исаіи LVI, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *не сташа на тверди, и собраша стада къ дому израилеву, не восташа глаголющіи въ день Господень* (Іез. XIII, 5). *Стоять* же *на тверди* значитъ свободно и безтрепетно защищать духовное стадо отъ всякихъ нападеній и притѣсненій сильныхъ міра сего, и *возставать съ глаголомъ въ день Господень* - вести борьбу изъ любви къ правдѣ со всякимъ грѣшникомъ, кто бы онъ ни былъ, не смотря ни на какія со стороны его сопротивленія и противодѣйствія. А бояться высказывать правду, изъ-за чего бы то ни было, и прикрываться молчаніемъ-не тóже ли для пастыря, чтó для военачальника обратиться въ бѣгство съ поля битвы безъ всякой борьбы? Если же пастырь за стадо свое стоитъ грудью, тогда онъ ставитъ врагу преграду въ защиту и оплотъ стаду дома израилева. О таковыхъ-то недостойныхъ пастыряхъ говорится и у пророка Іереміи, когда онъ оплакиваетъ бѣдственное состояніе народа израильскаго въ плѣну: *пророцы твои видѣша тебѣ суетная и безуміе, и не открыша о неправдѣ твоей, еже возвратити плѣненіе твое* (ut te ad pœnitentiam provocarent - чтобы обратить тебя на путь покаянія); *священницы не рекоша: гдѣ есть Господь? и пастыри нечествоваша на Мя, и пророцы пророчествоваша въ Ваала и идоломъ послѣдоваша* (Іерем. II, 8. Плач. Іерем. II, 14). Пророками же называются иногда въ св. писаніи и учители, у которыхъ все пророчество ограничивается тѣмъ, что они, показывая тлѣнность настоящаго, внушаютъ надежду на будущее. Слово Божіе упрекаетъ ихъ за потворство суетности народа, которую они ясно видятъ, но не хотятъ или боятся указать на нее самимъ грѣшникамъ, усыпляя только ихъ совѣсть своимъ ласкательствомъ. Они не рѣшаются быть

обличителями своихъ подчиненныхъ, чтобы тутъ же не обличить и самихъ себя, тогда какъ пастырское обличеніе служитъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для вразумленія и исправленія даже закоренѣлыхъ грѣшниковъ: ибо, слушая благоразумныя обличенія своего отца духовнаго, со властію пастырскою ихъ обличающаго, они съ сокрушеніемъ сердца и раскаяніемъ сознаются въ своихъ грѣхахъ, нерѣдко и такихъ даже, которые для нихъ самихъ были тайною. Вотъ почему апостолъ Павелъ требуетъ отъ пастыря духовнаго, чтобы онъ *силенъ былъ и утышати во здравымъ ученіи, и противящіяся обличати* (Тит. I, 9). Поэтому и у Малахіи пророка говоритъ Господь: *устнѣ іереовы сохранятъ разумъ, и законъ взыщутъ отъ устъ его: яко ангелъ Господа Вседержителя есть* (Мал. II, 7); и чрезъ Исаію заповѣдуетъ пастырямъ: *возопій крѣпостію, и не пощади, яко трубу возвыси гласъ твой, и возвѣсти людемъ моимъ грѣхи ихъ* (Исаіи LVIII, 1). И дѣйствительно, всякій, кто вступаетъ въ пастырское служеніе, принимаетъ на себя обязанность быть духовнымъ глашатаемъ и выступать предъ народомъ съ громогласною трубою, чтобы приготовить его къ срѣтенію Верховнаго Судіи въ день страшнаго суда. Но если пастырь не силенъ словомъ, и предъ паствою своею остается безгласенъ; то какой изъ него нѣмотствующаго можетъ быть глашатай и провозвѣстникъ славы Божіей? Для сего-то и на первыхъ нашихъ пастырей христіанскихъ (апостоловъ) сошелъ Духъ Святый въ видѣ *огненныхъ языковъ;* и какъ только *исполнились* они *Духа*, тотчасъ стали *проповѣдивать* (Дѣян II, 2-4). И въ въ древнемъ законѣ Моисеевомъ предписывалось, чтобы къ ризамъ первосвященника, когда надлежало ему входить во святилище, привѣшивались *звонцы* (Исх. XXVIII, 33), тоже для того, чтобы непрестанно разносился отъ него гласъ благовѣстія, да не оскор-

бить совершеннымъ безмолвіемъ своимъ присущаго тамъ Господа, какъ вслѣдъ затѣмъ сказано: *да будетъ Аарону, егда служитъ, слышанъ гласъ его, входящу во святое предъ Господа, и исходящу, да не умретъ* (тамъ же-35). Ибо жрецъ Божій, входящій или исходящій, если не слышно отъ него гласа, мертвъ уже становится; потому что онъ возбуждаетъ противъ себя гнѣвъ Судіи Небеснаго, появляясь безъ гласа благовѣстія. Такимъ образомъ самое соединеніе звонцовъ съ одеждою первосвященника и вообще жрецовъ (Исх. XXVIII, 1. 41. 43) служитъ для насъ назидательнымъ урокомъ, выражающимъ собою то́, что на облаченія священнослужителей должны мы смотрѣть, какъ на вывѣску правоты ихъ дѣлъ, по свидѣтельству псалмопѣвца: *священницы твои облекутся правдою* (CXXXI, 9), и что какъ пастыри, такъ и пастыреначальники должны возвѣщать своимъ пасомымъ и подчиненнымъ путь жизни и словомъ и примѣромъ.

Но въ особенности пастырь, приготовляясь къ проповѣди, долженъ внимательно и съ предосторожностію обсуживать, что́ намѣревается предложить своимъ слушателямъ, чтобы какою-нибудь неправославною мыслію или вычурностію рѣчи не возмутить и не оскорбить ихъ совѣсти; въ противномъ случаѣ, стараясь выставить себя мудрѣйшимъ другихъ, онъ расторгнетъ только союзъ единства между собою и слушателями своими и выкажетъ тѣмъ болѣе свое неразуміе. Поэтому-то Спаситель говоритъ ученикамъ своимъ: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Мар. IX, 50). А подъ симъ разумѣется мудрость въ словѣ. Посему, кто хочетъ говорить мудро, тотъ долженъ тщательно остерегаться, чтобы не нарушить словомъ своимъ единства любви и мира въ слушателяхъ, или, какъ говоритъ апостолъ Павелъ: *не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣло-*

мудріи (Рим. XII, 3). И на ризѣ верховнаго жреца (первосвященника), по слову Божію, возлѣ звонцовъ прикрѣплялись гранатовыя яблоки (Исх. XXVIII, 23 и 23; смот. также письм. св. Григорія 25, книг. I). А этими яблоками что̀ выражается, какъ не единство вѣры? Ибо какъ въ гранатовомъ яблокѣ одною внѣшнею корою охватывается и какъ бы ограждается множество внутри зерёнъ: такъ и въ Церкви святой единствомъ вѣры и наружныхъ обрядовъ объемлются и сохраняются многіе народы, по внутреннему составу и устройству своему различные между собою. Итакъ, чтобы предостеречь пастырей отъ необдуманныхъ рѣчей, Іисусъ Христосъ самъ отъ себя взываетъ къ ученикамъ: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Мар. IX, 50); и чрезъ символизмъ одежды жреческой какъ бы такъ говоритъ: »прикрѣпите къ звонцамъ яблоки гранатовыя, чтобы во всемъ, что̀ ни услышитъ отъ васъ народъ, сохранялся и поддерживался въ немъ союзъ вѣры«.

Нужно также старательно заботиться пастырямъ и о томъ, чтобы не только никакимъ образомъ ничего не говорить дурнаго, но и о хорошемъ говорить не безъ мѣры и не безъ разборчивости: ибо часто проповѣдь теряетъ свою силу и дѣйствительность, когда въ сердцахъ слушателей остаются одни безсодержательныя слова болтливости проповѣдника, и самая эта неразборчивая болтливость роняетъ его въ глазахъ слушателей и мѣшаетъ ему быть для нихъ полезнымъ. Хорошо по этому сказано у Моисея: *мужу, ему же аще будетъ изліяніе (сѣмени) отъ тѣла его, изліяніе его нечисто есть* (Лев. XV, 2-4). Ибо въ умѣ слушателей сѣмя имѣющей возродиться мысли зависитъ отъ свойства слова проповѣдника, потому что какое слово воспріемлется слухомъ, такая и мысль раждается въ умѣ. Поэтому и мудрецы міра сего (эпикурейцы и стоики) па-

звали самаго апостола Павла *проповѣдникомъ суесловивымъ* seminiverbius (Дѣян. XVII, 18). Такимъ образомъ и пастырь, предлагающій слушателямъ своимъ изліяніе сѣмени своего неестественнымъ образомъ, является нечистымъ, и послушающіи его, какъ прикасающіеся нечистотѣ, сквернятся; потому что, вдаваясь въ излишнюю и несообразную говорливость, онъ и самаго себя и другихъ оскверняетъ; и тогда какъ онъ, посѣвая сѣмя свое естественнымъ образомъ и съ тактомъ, могъ бы породить въ сердцахъ слушателей своихъ чистыя и правыя мысли, онъ же своею неосторожностію и противоестественною безтактностію всуе расточаетъ только дары своего призванія, но не плодотворитъ, извергая сѣмя свое для одного осквернения. Не лишнимъ при этомъ находимъ привести здѣсь слѣдующее увѣщаніе апостола Павла, которое онъ преподалъ ученику своему Тимоѳею о настойчивости проповѣди слова Божія: *засвидѣтельствую* (заклинаю тебя) *азъ предъ Богомъ*-говоритъ-*и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ, въ явленіи Его и царствіи Его: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ* (2 Тим. IV, 1). Говоря такимъ образомъ, апостолъ не безъ причины поставилъ слово: *благовременнѣ* прежде слова: *безвременнѣ;* потому что проповѣдникъ уронилъ бы собственное достоинство въ глазахъ слушателей, если бы сталъ проповѣдывать неблаговременно, не зная напередъ, что̀ такое благовременная проповѣдь, и не обращая вниманія на ея приложеніе.

ГЛАВА V.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ сочувствовать въ состраданіи каждому болѣе другихъ, и болѣе всѣхъ погружаться въ уединенное созерцаніе.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, долженъ принимать живое участіе въ состраданіи къ каждому ближе другихъ, и болѣе всѣхъ уединяться въ созер-

цательное размышленіе. Такимъ образомъ онъ будетъ съ одной стороны поднимать и облегчать своею любовію немощи чадъ своихъ, а съ другой-и самъ подниматься чрезъ созерцаніе невидимаго на высоту небесную. Стремясь въ горняя, онъ не оставитъ и ближнихъ своихъ, нуждающихся въ его помощи, среди удручающихъ ихъ немощей; а принимая участіе въ состраданіи къ ихъ нуждамъ, онъ не перестанетъ стремиться и въ горняя. Такъ апостолъ Павелъ и возносится духомъ въ рай, созерцая тайны третьяго неба (2 Кор. XII, 2-4), и среди этихъ таинственныхъ созерцаній принимаетъ самое живое участіе въ немощахъ плотскихъ людей, заботясь даже о томъ, какъ имъ лучше устроиться съ своими похотями. *Блудодѣянія ради*, говоритъ онъ къ коринѳянамъ, *кійждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать; жен мужъ должную любовь да воздастъ, такожде и жена мужу*, и за тѣмъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постъ и молитвѣ, и паки вкупѣ собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. VII, 2-6). Вотъ какимъ образомъ могутъ быть совмѣщаемы и самая высокая созерцательность духовная и самое попечительное состраданіе къ плотскимъ немощамъ! Выспреннимъ умомъ своимъ апостолъ возносится до тайнъ невидимаго міра ангельскаго; а жалостнымъ сочувствіемъ сердечнымъ къ слабостямъ человѣческимъ нисходитъ до тайнъ супружескаго ложа. Онъ проходитъ созерцаніемъ небеса и не оставляетъ безъ заботы и попеченія плотскаго ложа земнородныхъ; потому что по взаимному союзу любви и къ горнему и къ дольнему онъ уносится силою мысли въ самомъ себѣ и въ область предметовъ духовныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изнемогаетъ сострадательнымъ сердоболіемъ и къ ближнимъ. *Кто изнемогаетъ*, говоритъ онъ о себѣ къ тѣмъ же коринѳянамъ, *и не изне-*

могаю (съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ)? *кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? или-еще: *быхъ іудеомъ* (для іудеевъ) *яко іудей* (1 Кор. IX, 20). Конечно, является онъ таковымъ, не вѣру измѣняя, но расширяя и свидѣтельствуя любовь свою, чтобы, вообразивъ себя однимъ изъ невѣрующихъ, по собственному, такъ сказать, опыту уразумѣть, до какой степени они достойны сожалѣнія, и потомъ дѣлать для нихъ все, чего бы желалъ себѣ, если бы былъ на ихъ мѣстѣ. Вотъ и еще: *аще изумихомся, Богови; аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ* (2 Кор. V, 13), т. е. онъ умѣлъ вмѣстѣ и духомъ возвышаться къ Богу и чувствомъ кротости и снисхожденія привлекать къ себѣ въ слушателяхъ ближнихъ своихъ. На это же указывала и ветхозавѣтная лѣствица, видѣнная Іаковомъ, которая однимъ концомъ утверждалась на землѣ, а другимъ досягала до престола Божія на небѣ, и по которой восходили и нисходили ангелы Божіи (Быт. XXVIII, 12): точно также и проповѣдники истинные не только возносятся горѣ, мысленно созерцая Божественную главу Церкви, т. е. самаго Господа, но и преклоняются долу, сердобольно сострадая немощнымъ ея членамъ. На тоже указывалъ и Моисей, часто входившій во святилище и исходившій изъ него. Онъ входилъ туда заниматься богомысліемъ, а выходилъ оттуда для устроенія дѣлъ въ народѣ Божіемъ, подкрѣпляя и утверждая словомъ и примѣромъ изнемогающихъ въ немъ. Тамъ размышляетъ о таинственныхъ путяхъ домостроительства Божія, а здѣсь раздѣляетъ съ другими бремя немощей плотскихъ. И если онъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгалъ во святилище и предъ ковчегомъ завѣта обращался къ Господу за совѣтомъ; то этимъ онъ, конечно, подавалъ примѣръ пастырямъ, чтобы и они, когда во внѣшнихъ дѣлахъ будутъ недоумѣвать о чемъ-либо, обращались умомъ своимъ къ Церкви, какъ святилищу своему, и, ру-

ководствуясь священнымъ писаніемъ, какъ предъ ковчегомъ завѣта, молитвенно испрашивали совѣта и уразумѣнія отъ Господа. Такъ и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ-воплотившаяся Истина и явившаяся намъ чрезъ воспріятіе на себя нашего человѣчества-и молится (на горѣ) Отцу Небесному, и творитъ чудеса (въ городахъ), подавая Собою примѣръ добрымъ пастырямъ, что, какъ бы ни любили они заниматься созерцаніемъ, не должны однакоже уклоняться отъ состраданія и благотворительности слабымъ и немощнымъ; потому что любовь тѣмъ болѣе возвышается къ горнему, чѣмъ болѣе расширяется она въ состраданіи и милосердіи къ дольнему, и мы тѣмъ способнѣе становимся возноситься къ Богу, чѣмъ благодѣтельнѣе дѣлаемся для ближнихъ.

Таковыми должны являть себя пастыри и пастыреначальники предъ своими пасомыми и подчиненными, чтобы они не боялись и не стѣснялись повѣрять имъ тайные недуги свои, чтобы во всѣхъ искушеніяхъ, какимъ бы ни подвергались они, прибѣгали къ нимъ, какъ младенцы на материнское лоно, въ виду того, что, въ случаѣ осквернения совѣсти своей грѣховными нечистотами, они могутъ омыть себя предъ ними слезами покаянія и получить отъ нихъ прощеніе и утѣшеніе. Такъ и въ преддверіи храма Соломонова, для омовенія рукъ всякаго входившаго въ него, находилось *морѣ (мѣдяно) лѣяно* или *слѣяно*, утверждавшееся на *двонадесяти волохъ*, конхъ видимы были только переднія части, *задняя же ихъ бяху внутрь* (3 Цар. VII, 23 и 25. 2 Пар. IV, 2 и 4). Не есть ли это море, съ поддерживающими его двѣнадцатью тельцами, служившее для входящихъ во храмъ какъ бы очищеніемъ совѣсти чрезъ омовеніе рукъ,-не есть ли это символъ или выраженіе вообще чина пастырей, коимъ дана власть самимъ Господомъ вязать и рѣшать грѣхи своихъ пасомыхъ (Матѳ. XVIII, 18. Іоан. XX, 23)? На этотъ символизмъ ясно указываетъ и

апостолъ Павелъ, разсуждая объ апостольскомъ служеніи, когда приводитъ слова изъ закона Моисеева: *да не заградиши (обротиши) устенъ вола молотяща*; и тутъ же дѣлаетъ поясненіе, *еда о волѣхъ радитъ Богъ? или насъ ради всяко глаголетъ?* да служащіе олтарю отъ олтаря и питаются и проповѣдающіе благовѣстіе отъ благовѣстія и живутъ (1 Кор. IX, 9. 10. 13. 14. Втор. XXV, 4. 1 Тим. V, 18). Да и пастырей, какъ ветхозавѣтныхъ оныхъ тельцовъ, поддерживавшихъ мѣдное море, мы видимъ, такъ сказать, только спереди, т. е. ихъ наружное благочестіе; а то́, чѣмъ явятся они впослѣдствіи на судѣ Божіемъ, для насъ остается тайною. И они, когда разрѣшаютъ по состраданію и снисхожденію къ ближнимъ грѣхи ихъ, какъ бы держатъ умывальницу въ преддверіи храма для очищенія совѣсти кающихся, чтобы каждый, желающій войти въ двери царствія небеснаго, могъ исповѣдать пастырямъ, на то́ поставляемымъ, свои прегрѣшенія и омыть свои нечистоты душевныя. Нерѣдко, конечно, случается, что пастырь, снисходительно выслушивая чужія прегрѣшенія, и самъ изнемогаетъ подъ тяжестію ихъ; и съ нимъ бываетъ тоже, что́ съ водою въ умывальницѣ, которая по необходимости дѣлается мутною, когда многіе въ ней омываются: пріемля на себя нечистоты другихъ, онъ какъ бы омрачаетъ ими свѣтлость своей чистоты. Но это не должно устрашать пастыря, а пусть уповаетъ онъ на помощь Божію, съ которою тѣмъ надежнѣе избавиться и отъ своихъ грѣховъ, чѣмъ состра-дательнѣе подъемлетъ на себя бремя чужихъ.

ГЛАВА VI.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть ласковымъ въ обращеніи съ благонравными и стойкимъ ревнителемъ правды предъ порочными.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, долженъ ласково и дружелюбно обращаться съ благонравны-

ми и являться строгимъ ревнителемъ правды предъ порочными. Съ благонравными онъ долженъ смотрѣть на себя, какъ на равнаго имъ, нисколько не превозносясь предъ ними ни своимъ положеніемъ, ни своими достоинствами; а предъ порочными-сознавать свою высокую власть и не страшиться пользоваться ея правами. Ибо извѣстно, что природа, какъ замѣчено нами въ книгахъ *Нравоученій* (Moralia) [1]), производитъ всѣхъ людей равными, а только разность личныхъ заслугъ и достоинствъ ихъ дѣлаетъ между ними различіе; и это самое различіе между собою людей, зависящее отъ относительныхъ достоинствъ и недостатковъ ихъ, Божественнымъ промысломъ направляется къ общему взаимному ихъ добру, именно: такъ какъ не всѣ могутъ равно держаться съ одинаковою твердостію, то одни обязываются подчиняться управленію другихъ. Посему всѣ правители прежде всего должны обращать вниманіе не на власть надъ подчиненными по своему положенію, а на равенство съ ними по природѣ своего происхожденія, и утѣшаться не тѣмъ, что они начальствуютъ надъ подобными себѣ, но тѣмъ, что, начальствуя надъ ними, они имѣютъ возможность быть для нихъ полезными. Поэтому въ священныхъ памятникахъ говорится о праотцахъ нашихъ, что они не помышляли о правительственной власти надъ подобными себѣ, а довольствовались быть пастырями стадъ безсловесныхъ. И Господь-Творецъ и Владыка вселенныя, благословляя первыхъ людей, когда говорилъ имъ: *растите́ся и множи́теся, и напо́лните зе́млю, и господ́ствуйте ею и обладайте ею*; то къ этому присовокупилъ и слѣдующія слова: *и стра́хъ и тре́петъ ва́шъ бу́детъ на всѣ́хъ звѣ́рехъ земны́хъ (и на всѣ́хъ ско́тѣхъ земны́хъ), на всѣ́хъ пти́цахъ небе́сныхъ, и на всѣ́хъ движу́щихся по земли́, и на всѣ́хъ ры́бахъ*

---

[1]) Lib. XXI cap. 10.

морскихъ: въ руцѣ ваши вдахъ я (Быт. 1, 28. IX, 1 и 2). Такимъ образомъ Богомъ дозволено имъ наводить страхъ и трепетъ на животныхъ безсловесныхъ, но не на людей-подобныхъ себѣ. Человѣкъ превознесенъ природою только надъ безсловесными животными, а между собою люди по природѣ одинаковы и равны: слѣдовательно, стремиться къ тому, чтобы предъ нами трепеталъ равный намъ человѣкъ, значитъ властвовать противъ природы. За всѣмъ тѣмъ, однакоже, необходимо пастырямъ-какъ правителямъ держать въ страхѣ подчиненныхъ имъ пасомыхъ, какъ скоро замѣтятъ, что кто-либо изъ членовъ пасомаго ими стада духовнаго нимало не страшится Бога; необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ страхомъ человѣческимъ удерживать отъ грѣха тѣхъ, для кого не страшны суды Божіи. Внушая страхъ къ себѣ не ради своего тщеславія и властолюбія, но ради правды Божіей и пользы ближнихъ, они не могутъ быть подвергаемы за то упрекамъ въ гордости. И въ этомъ случаѣ, когда пастыри страхомъ обуздываютъ безразсудную и нечестивую жизнь людей-грѣшниковъ, они уже какъ бы не надъ людьми господствуютъ, а надъ безсловесными животными, и страхомъ должны дѣйствовать на то, что низводитъ ихъ до степени животныхъ.

Къ сожалѣнію, нерѣдко пастыри, а тѣмъ болѣе пастыреначальники, по самому положенію своему въ отношеніи къ пасомымъ и подчиненнымъ, отъ этихъ самыхъ опытовъ высокой власти, впадаютъ въ искушеніе превознощенія и гордости. Когда все предъ ними преклоняется и готово къ ихъ услугамъ, когда и малѣйшія желанія ихъ, не говоря уже о приказаніяхъ, безотлагательно приводятся въ исполненіе, когда всѣ подчиненные, не смѣя противорѣчить имъ ни въ чемъ, превозносятъ ихъ похвалами не только за хорошія дѣла, заслуживающія одобренія, но и за сомнительныя и даже явно-нехорошія, которыя вмѣсто одобренія на-

длежало бы подвергнуть порицанію и осужденію; тогда они, обольщенные таковыми низкими ласкательствами угодниковъ своихъ, воображаютъ себѣ, что въ самомъ дѣлѣ высоко поднялись на пути къ совершенству. Совершенно занятые лестію совнѣ, они уже не слышатъ истины внутри отъ заглушаемой совѣсти своей, и, владая въ самозабвеніе, слушаютъ только другихъ, считая себя именно такими, какими расписываютъ ихъ человѣкоугодники, а не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ они не далеки бываютъ и отъ того, что презираютъ низшихъ себя, имъ подвластныхъ, не признаютъ ихъ равными себѣ и по природѣ; случайно возвысясь надъ ними однимъ званіемъ власти, они думаютъ уже, что превосходятъ ихъ и нравственными заслугами. Имъ кажется, что они на столько мудрѣе ихъ, на сколько сильнѣе ихъ. Воображая себя на какой-то недоступной высотѣ, они не удостоиваютъ и взглядомъ равноправности тѣхъ, съ коими сама природа связала ихъ равноправностію, и такимъ образомъ уподобляются тому, кто, презрѣвъ въ гордости своей общество самыхъ ангеловъ, замечтался до того, по свидѣтельству Писанія, что возъимѣлъ дерзость выразиться о себѣ такъ: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой... буду подобенъ Вышнему* (Исаіи XIV, 13 и 14), тогда какъ въ томъ же Писаніи сказано о немъ: *все высокое зритъ; самъ же-царь всѣмъ сущимъ въ водахъ* [1]) (Іов. XLI, 25). Такъ, по дивному и праведному суду Божію, тотъ, кто мечталъ возвестись превыше всего, очутился за свою гордость въ бездпахъ отверженія и низверженія; такъ и всякъ человѣкъ, который считаетъ для себя за низость уподобляться

---

[1]) Въ подлинномъ же текстѣ св. Григорія послѣдняя половина этого стиха читается такъ: »ipse est rex super universos filios superbiae« *самъ же-царь надъ всѣми сынами гордыни.*

другимъ людямъ, себѣ же подобнымъ, и съ презрѣніемъ относится къ нимъ, не удостоивая ихъ равноправности съ собою, становится подобнымъ богоотступному ангелу. И Саулъ, по началу смиренный, когда достигнулъ верховной власти; то возмечталъ о себѣ слишкомъ много и впалъ въ гордость, чрезъ что́ и лишился благоволенія Божія: ибо за смиреніе онъ былъ превознесенъ, а за гордость подвергся осужденію, по засвидѣтельствованію самаго Господа, какъ сказано въ Писаніи: *еда не малъ былъ еси ты предъ нимъ, и не властелина ли тя постави хоругви колѣна израилева? и помаза тя Господь на царство израилево. Яко уничижилъ еси глаголъ Господень, и уничижитъ тя Господь не быти тебѣ царемъ во израили* (1 Цар. XV, 17 и 26). Сначала онъ самъ сознавалъ себя малымъ; но когда утвердился на престолѣ, то не сталъ уже замѣчать своей малости. Сравнивая себѣ съ подданными, преклонявшимися предъ его могуществомъ, онъ вообразилъ себя великаномъ. А между тѣмъ, дивное дѣло! пока самъ считалъ себя малымъ, въ очахъ Божіихъ былъ онъ великъ; когда же представился себѣ великимъ, то явился предъ Богомъ малъ. Отсюда открывается, что нерѣдко духъ начальника, отъ притока раболѣпныхъ подчиненныхъ, разливается бурнымъ потокомъ гордости, тѣмъ болѣе стремительнымъ, что ему благопріятствуетъ самая высота власти, откуда онъ истекаетъ. И потому, чтобы пастырь, которому вручается власть управленія, могъ хорошо править своею паствою, нужно, чтобы онъ умѣлъ кстати пользоваться сю надъ другими и кстати обуздывать ее въ самомъ себѣ, чтобы зналъ, гдѣ быть строгимъ, а гдѣ быть снисходительнымъ, никогда не забывая того, что и онъ такой же человѣкъ, какъ и его пасомые. Ибо если мы, по слабости своей природы, находимъ довольно предлоговъ къ превозношенію и тогда, когда никакою не бываемъ облечены властію; то не больше ли предстоитъ намъ

опасности возгордиться въ то время, когда къ тому присоединяется еще власть? Но тотъ будетъ право править своею властію, кто съумѣетъ и извлекать изъ нея возможную пользу и побѣждать ея соблазны, въ комъ ощутится даръ и призваніе, при этой власти, и не чуждаться уравненія съ подчиненными своими и являться грознымъ мстителемъ предъ грѣшниками за ихъ неправды.

Но мы еще лучше и съ большею отчетливостію поймемъ эту истину, когда обратимъ вниманіе на примѣры первыхъ пастырей и великихъ учителей христіанской Церкви, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Такъ апостолъ Петръ, прежде всѣхъ призванный съ братомъ своимъ Андреемъ и назначенный въ пастыри ей самимъ Господомъ, когда увидѣлъ, что Корнилій, *мужъ праведенъ и боящся Бога*, срѣтивъ его въ домѣ своемъ, *паде на ногу поклонися ему;* то сейчасъ замѣтилъ, что такая униженность не умѣстна, и, признавъ себя равнымъ ему, поднялъ его и сказалъ: *востани*, не подобаетъ такъ дѣлать, *и азъ самъ человѣкъ есмь* (Дѣян. X, 22. 25. 26). Но тотъ же самый апостолъ, когда открыто было ему всеиспытующимъ Духомъ преступленіе Ананіи и Сапфиры во лжи святотатственной, торжественно показалъ, какимъ могуществомъ власти превознесенъ былъ онъ предъ другими людьми: ибо тогда же силою слова своего пресѣкъ жизнь преступниковъ, являясь верховнымъ въ Церкви карателемъ грѣшниковъ, каковой власти и преимущества, при всемъ страхѣ и благоговѣніи къ нему, не выражалъ онъ предъ людьми добродѣтельными (тамъ же V, 1-10). Тамъ святость жизни внушила ему сознаніе общаго равенства людей по природѣ и расположила къ общительности; здѣсь ревность праведнаго мщенія за грѣховность неправдъ вызвала въ немъ права власти. Такъ и апостолъ Павелъ не выражалъ своего преимущества и достоинствъ предъ отличающимися вѣрою и добродѣтельною

жизнію, когда говорилъ: *не яко обладаемъ вѣрою вашею, но яко споспѣшницы есмы вашей радости*, и къ этимъ словамъ тутъ же присовокупилъ еще и слѣдующія: *вѣрою бо стоите* (2 Кор. 1, 24). Онъ какъ бы такъ изъяснялся: »потому именно и не рѣшаемся мы господствовать надъ вашею вѣрою, что вы сами стоите вѣрою; ибо мы признаемъ себя равными вамъ въ томъ, чѣмъ вы стоите«. Подобнымъ образомъ забывалъ онъ предъ достойными братіями о своихъ преимуществахъ и тогда, когда писалъ къ Ѳессалоникійцамъ: мы могли бы явиться къ вамъ съ важностію, какъ апостолы Христовы; *но бихомъ тиси* [1]) *посредѣ васъ, якоже доилица грѣетъ своя чада* (1 Сол. II, 7), и въ другомъ мѣстѣ къ Коринѳянамъ: *не себе проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа; себѣ же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. IV, 5). Но когда узналъ, что въ Церкви коринѳской произошли нѣкоторые безпорядки, требовавшіе исправленія; то какимъ грознымъ учителемъ вдругъ является онъ! *Что хощете?*-пишетъ къ нимъ-*съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію?* (1 Кор. IV, 21).

Итакъ на всякомъ мѣстѣ управленіе тогда бываетъ хорошимъ, когда правитель или начальникъ господствуетъ и преобладаетъ больше надъ пороками, чѣмъ надъ подчиненными, подобными себѣ братіями по природѣ. Мало того: даже и тогда, когда начальники употребляютъ исправительныя мѣры противъ порочныхъ, они должны еще такъ разсуждать: »по долгу званія, хотя я со всею силою власти разражаюсь надъ виновными и обязанъ быть взыскательнымъ въ отношеніи къ нимъ; но, если бы у меня было побольше смиренномудрія, то, можетъ быть, я увидѣлъ бы, что и самъ-то я столько же грѣшенъ, какъ и эти люди,

---

[1]) Въ подлинникѣ: »sicut parvuli-какъ младенцы«.

мною обличаемые и исправляемые, коимъ я, какъ человѣкъ, подобострастенъ«. Иногда хорошо даже въ тайнѣ предпочитать себѣ тѣхъ, противъ кого мы открыто и громко вопіемъ. Ибо, между тѣмъ какъ мы безъ пощады обличаемъ и поражаемъ ихъ проступки, о нашихъ никто намъ и словомъ не напомнитъ. Стало быть, мы тѣмъ повиннѣе становимся предъ Богомъ, чѣмъ безнаказаннѣе грѣшимъ въ глазахъ людей; тогда какъ подчиненные наши, благодаря нашей строгости, тѣмъ болѣе могутъ надѣяться на милость Верховнаго Судіи, чѣмъ болѣе грѣхи ихъ не остаются здѣсь безъ наказанія. Поэтому начальнику надлежитъ быть и въ душѣ смиреннымъ и на дѣлѣ строгимъ. Но при этомъ надобно тщательно остерегаться, чтобы смиреніе не выходило изъ предѣловъ благоразумія и не обратилось во вредъ власти,- чтобы тотъ, кто превознесенъ властію Богомъ, уничижаясь больше, чѣмъ слѣдуетъ, не сдѣлался безсильнымъ обуздывать подчиненныхъ строгими мѣрами. Пусть же пастыри, какъ правители своихъ паствъ, а тѣмъ болѣе пастыри-начальники, и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ своихъ будутъ внимательны къ тому, что̀ и какъ предпринимаютъ на пользу подчиненныхъ, и внутренно блюдутъ себя отъ того, чтобы не потерять у нихъ уваженія къ себѣ. Тогда и пасомые, какъ подчиненные, будутъ въ тоже время видѣть, что пастыри ихъ столько же смиренны сердцемъ, сколько заботливы и о приличномъ обнаруженіи своей власти, и въ первомъ будутъ подражать имъ, а въ послѣднемъ будутъ съ благоговѣніемъ бояться ихъ. Пусть непрестанно подавляютъ они внутри себя свое могущество, по мѣрѣ того, какъ оно возрастаетъ у нихъ совнѣ, чтобы не восторжествовало надъ ихъ смиренномудріемъ и не увлекло ихъ въ обольщеніе: желаніе власти надъ другими не должно лишать насъ власти надъ собою. Такъ, чтобы пастырь не увлекался и не плѣнялся властолюбіемъ, премудрый говоритъ: *старѣйшину*

ли тя поставиша? не возносися, но буди въ нихъ яко единъ отъ нихъ (Спр. XXXII, 1); и апостолъ Петръ учитъ: *пасите стадо Божіе, не яко обладающе причту, но образи бывайте стаду* (1 Петр. V, 2 и 3). Да и самъ Іисусъ Христосъ не тоже ли внушалъ, когда говорилъ о самоуничиженіи, какъ о самомъ высокомъ достоинствѣ христіанскихъ добродѣтелей? *Вѣсте*, говоритъ Онъ ученикамъ своимъ, *яко князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга, и, иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ. Яко же Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Мато. XX, 25-28). Не съ тою ли цѣлію изобразилъ Онъ и бѣдственную участь, ожидающую того раба, который возгордился ввѣренною ему властію и во зло употребилъ ее? Вотъ что объ немъ говорится. *Аще ли речетъ злый рабъ той въ сердцы своемъ: коснитъ господинъ мой пріити; и начнетъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами. Пріидетъ же господинъ раба того въ день, въ онь же не чаетъ, и въ часъ, въ онь же не вѣсть; и растешетъ его полма, и часть его съ невѣрными* [1]) *положитъ: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (тамъ же XX, 48—51). Изъ этихъ послѣднихъ словъ Господа видно и то, что властолюбіе сопровождается еще тяжкимъ зломъ лицемѣрія и потворства властолюбца въ отношеніи къ безпорядкамъ и безчинію подвластныхъ, потому что властолюбивый правитель большею частію имѣетъ въ виду удовлетвореніе своимъ порочнымъ страстямъ, а не исправленіе другихъ отъ пороковъ. А сколь противно это Богу въ правителяхъ, коимъ вручается власть надъ подчиненными для ихъ блага, а не на пагубу, поучастъ насъ

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: »cum hypocritis-съ лицемѣрами«.

библейскій примѣръ Илія, который за потворство безаконіямъ дѣтей своихъ такъ обличенъ былъ Господомъ: *почто прославилъ ты сыны твоя паче Мене?* и вскорѣ затѣмъ и самъ онъ и дѣти его наказаны были смертною казнію (1 Цар. II, 29. IV, 17 и 18). За такое же нерадѣніе и пренебреженіе власти упрекаетъ Господь пастырей и чрезъ пророка, взывая къ нимъ: *оле пастыри! еда пасутъ пастыри самихъ себе? не овецъ ли пасутъ пастыри? се млеко ядите, и волною одѣвастеся, и овецъ моихъ не пасете... заблуждающаго не обратисте, сокрушеннаго не обязасте...* (Іезек. XXXIV, 3 и 4). *Обратить* же *заблуждающаго* значитъ взыскать падшаго грѣшника пастырскою заботливостію и наставить на путь правый, а *обязать сокрушеннаго* значитъ остановить грѣховный недугъ его пастырскою дисциплиною, когда пастырь врачуетъ духовныя раны духовными средствами, и, подобно врачу тѣлесному, употребляетъ то болѣе легкія, то болѣе крѣпкія перевязки, смотря по обстоятельствамъ болѣзни страждущаго, а иногда рѣшается на самыя строгія мѣры, разсѣкая раны и даже отсѣкая цѣлыя части больныя, чтобы онѣ не сдѣлались смертоносными для всего состава.

Но часто и у врачей тѣлесныхъ отъ неосторожнаго перевязыванія, а еще болѣе сѣченія, болѣзнь не только не ослабляется, но еще пуще усиливается; когда или слишкомъ тугая перевязка чрезъ мѣру сдавливаетъ больное мѣсто, или смѣлое сѣченіе оканчивается неблагополучнымъ исходомъ. Посему и тотъ, кто врачуетъ язвы грѣховныя строгими мѣрами, долженъ наблюдать при этомъ величайшую осторожность, такъ-чтобы въ самой строгости видна была и любовь. Пусть же пастырь духовный будетъ для своихъ пасомыхъ и отцомъ по строгости (disciplinâ) и матерью по любви (pietate); а вмѣстѣ съ тѣмъ пусть тщательно бережется онъ, чтобы строгость не обращалась въ

жестокость, любовь же-въ слабость. Ибо, какъ мы замѣтили и въ книгахъ *Правоучительныхъ* (Moralia) [1]), строгость и снисходительность (disciplina vel misericordia) много теряютъ одна безъ другой. Въ пастыряхъ по отношенію къ пасомыхъ онѣ должны быть нераздѣльны, такъ-чтобы у нихъ и строгость растворялась человѣколюбивою снисходительностію и снисходительность не пренебрегала законною строгостію. Такъ, по словамъ Спасителя (Лук. X, 30-35), добрый самарянинъ, проѣзжая изъ Іерусалима въ Іерихонъ, нашелъ на пути избитаго разбойниками человѣка, оставленнаго ими едва жива, и, сжалившись надъ нимъ, перевязалъ ему раны, *возливая масло и вино*, и привезъ его съ собою въ гостинницу, чтобы позаботиться о немъ: онъ возливалъ *вино*, чтобы раздражить боль, а *масло*-чтобы согрѣть и утишить боль, потому что при врачеваніи ранъ раздражительная сила вина предохраняетъ отъ гніенія, а облегчительное свойство масла способствуетъ къ исцѣленію. Такимъ образомъ надобно соединять строгость и кротость и уравновѣшивать ихъ между собою какъ бы въ одномъ составѣ: тогда подчиненные не будутъ оскорбляться и ожесточаться отъ слишкомъ строгихъ мѣръ и не будутъ вдаваться въ безпечность отъ неумѣренной снисходительности. Такое соединеніе необходимыхъ свойствъ пастыря весьма хорошо, по свидѣтельству апостола Павла, изображалось въ *ковчегѣ завѣта*, который, кромѣ *скрижалей*, заключалъ въ себѣ *жезлъ* и *манну* (Евр. IX, 4); такъ какъ и пастырь долженъ, кромѣ знанія священнаго писанія, носить при себѣ жезлъ прещенія, имѣя въ готовности у себя и манну утѣшенія. Отъ того-то и псалмопѣвецъ говоритъ: *жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста* (Псал. XXII, 4); ибо жезломъ поражаемъ, а палицею подпираемся.

---

[1]) Lib. XX. cap. 8. et. Epist. 25. Lib. 1.

Если есть жезлъ, который разитъ и устрашаетъ; то пусть будетъ и палица, которая подкрѣпляетъ и поддерживаетъ. Итакъ, пастыри, любите своихъ пасомыхъ, но не потворствуйте имъ; будьте къ нимъ строги, но не раздражайте, чтобы строгость ваша не приводила ихъ въ отчаяніе; являйте себя ревнителями правды, но-не до ожесточенія; будьте ласковы и снисходительны, но не сверхъ надлежащаго до поблажки грѣховнымъ наклонностямъ: тогда *милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются* (Псал. LXXXIV, 11) на престолѣ правительственной власти и правосудія; тогда пастыри и пастыреначальники ни грознымъ судомъ не поколеблютъ въ подчиненныхъ благорасположенія къ себѣ, ни судомъ милостивымъ не умалятъ въ нихъ страха къ своей власти.

ГЛАВА VII.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, не долженъ забывать внутреннихъ нуждъ ея среди заботъ о дѣлахъ внѣшнихъ, ни внѣшнихъ дѣлъ не долженъ оставлять въ заботливости о внутреннихъ.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, въ заботахъ о внѣшнихъ дѣлахъ паствы не долженъ забывать и внутреннихъ нуждъ ея, ни среди заботливости о внутреннихъ нуждахъ не долженъ пренебрегать и внѣшними дѣлами: несоблюденіе этихъ условій неизбѣжно поведетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ къ пагубнымъ крайностямъ.

Такъ нерѣдко и бываетъ, что иные пастыри, какъ бы забывая и упуская изъ виду, что они поставлены главнымъ образомъ заботиться о вѣчномъ спасеніи душъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію, всецѣло предаются мірскимъ заботамъ, имѣющимъ цѣлію только временное благополучіе. Когда есть у нихъ такія занятія, то они въ восторгѣ; если же нѣтъ, то ни днемъ, ни почью не даютъ себѣ покоя, думая и передумывая, какъ бы найти ихъ. Что́ для другихъ служитъ

вожделѣннымъ отдохновеніемъ, то́ для нихъ становится томительнѣе и мучительнѣе всякаго труда. И въ этихъ суетныхъ заботахъ они находятъ величайшее наслажденіе, такъ что они собственно тяготятся отсутствіемъ этихъ заботъ, а не тѣмъ, когда они ежеминутно подавляютъ ихъ. Что́ же выходитъ изъ этого? То́, что, увлекшись вихремъ мірскихъ заботъ, они не обращаютъ уже никакого вниманія на главную и существенную обязанность свою-быть духовнымъ руководителемъ своихъ подчиненныхъ. А отъ того и подчиненные, безъ сомнѣнія, охладѣваютъ въ своей жизни ревностію о благочестіи. Иной изъ нихъ и готовъ бы преуспѣвать въ жизни духовной; но въ соблазнительномъ примѣрѣ предстоятеля своего встрѣчаетъ какъ бы преткновеніе на пути къ тому. Ибо когда ослабѣваетъ и опускается голова, то тщетны напряженія членовъ; и воины въ преслѣдованіи врага напрасно усиливаютъ свои переходы, если самъ полководецъ сбился съ надлежащей дороги и направляетъ ихъ не въ ту сторону, куда бы слѣдовало. Не услышитъ паства ни увѣщанія, которое бы облегчило и поддержало труждающихся, ни обличенія, которое вразумило бы виновныхъ: приставникъ и хранитель душъ ихъ превратился въ мірскаго судію; стадо не имѣетъ уже пастыря для охраненія себя. Чада Церкви лишаются возможности просвѣтиться свѣтомъ истины, когда учители ихъ всѣми помыслами своими погружаются въ житейскія заботы, пристрастіе къ коимъ помрачаетъ ихъ глаза. Сіи-то печальныя послѣдствія имѣлъ въ виду предупредить и предотвратить Искупитель рода человѣческаго, когда, увѣщавая насъ быть воздержными въ пищѣ и питіи, остерегалъ и отъ печалей житейскихъ напоминаніемъ страшнаго дня суднаго, въ слѣдующихъ словахъ: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той: яко*

сѣтъ бо прiидетъ на вся живущiя на лицы всея земли (Лук. XXI, 34 и 35); или,-когда говоритъ: *никтоже можетъ двѣма господинома работати... не можетъ Богу работати и маммонѣ* (Матѳ. VI, 24). Подобнымъ образомъ и апостолъ Павелъ, отклоняя благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей отъ пристрастія къ мірскимъ заботамъ и положительно преслѣдуя этотъ недугъ, говоритъ: *никтоже воинъ бывая* (Богови) [1]) *обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (коему обязался служить) (2 Тим. II, 4). И потому пастырямъ и пастыреначальникамъ, какъ правителямъ и учителямъ Церкви, онъ съ одной стороны заповѣдуетъ не обременять себя таковыми заботами, а съ другой-подаетъ благіе совѣты въ указаніи на этотъ разъ средствъ къ удовлетворенію и этимъ потребностямъ, говоря какъ бы въ дополненіе къ тому: *житейская судища* [2]) (тяжбы) *аще имате, уничиженныхъ* (низшихъ членовъ Церкви), *сихъ посаждаете* (1 Кор. VI, 4); то есть: житейскими дѣлами пусть распоряжаются тѣ, кои не надѣлены дарованіями духовными, или еще яснѣе: есть люди, которые не могутъ глубоко постигать духовныхъ предметовъ; они-то пусть и занимаются необходимыми дѣлами житейскими. Такъ и Моисея, собесѣдника Божія, не одобрялъ тесть его, иноплеменникъ Іоѳоръ, за то, что онъ безъ нужды и неблагоразумно утруждаетъ (stulto labor) и себя и другихъ разбирательствомъ тяжбъ народныхъ, выразившись предъ нимъ такъ: *неправо ты творишi*, и тутъ же присовѣтовалъ ему назначить для сего и подоб-

---

[1]) Такъ читается этотъ текстъ у св. Григорія: »nemo militans *Deo* implicat se negotiis saecularibus, ut ei placeat, *cui se probavit*«.

[2]) У св. Григорія въ однихъ изданіяхъ говорится: »saecularia judicia—житейскія тяжбы«, а въ другихъ сказано вообще: »saecularia negotia—житейскія заботы«.

ныхъ тому дѣлъ житейскихъ вмѣсто себя особыхъ мужей, которые бы *всякое слово легкое судили сами*, а о *всякомъ словѣ неудоборѣшительномъ доносили ему*, самому же ему *быть людемъ въ тѣхъ яже къ Богу, и доносить словеса ихъ къ Богу, и свидѣтельствовать имъ повелѣнія Божія и законъ Его, и повѣдать имъ пути Его, ими же пойдутъ, и дѣла, яже сотворятъ*, и тогда онъ *возможетъ настоятельствовати и вси людіе пріидутъ во свое мѣсто съ миромъ* (Исх. XVIII).

Итакъ пастыри, а тѣмъ болѣе пастыреначальники, должны дѣла меньшей важности поручать подчиненнымъ своимъ, низшимъ себя, подъ своимъ наблюденіемъ; а сами заниматься преимущественно дѣлами важнѣйшими, чтобы такъ сказать око, которое должно управлять стопами, не омрачалось прахомъ земнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій начальникъ есть глава своихъ подчиненныхъ; а чтобы ноги ступали прямо, голова должна смотрѣть, конечно, сверху на дорогу: иначе, когда голова преклонится долу-къ землѣ, тогда ноги неизбѣжно уклонятся отъ надлежащаго направленія и собьются съ пути. Да и какъ можетъ пастырь духовный, учитель и руководитель душъ, пользоваться уваженіемъ, подобающимъ его званію, если и самъ онъ осуетится тѣми же житейскими заботами, противъ которыхъ обязанъ вооружаться предъ лицемъ своей паствы? Таковымъ пастырямъ Господь во гнѣвѣ своемъ грозитъ чрезъ пророка Осію праведнымъ возмездіемъ уравненія ихъ съ пасомыми, говоря: *и будетъ якоже людіе тако и жрецъ* (IV, 9); ибо пастырь ничѣмъ не отличается отъ своихъ пасомыхъ тогда, когда и онъ, по долгу званія своего долженствующій учить и руководить другихъ въ жизни духовной и словомъ и примѣромъ, творитъ тоже, что́ и другіе, погружаясь въ дѣла плотской жизни, которыя самъ же осуждаетъ въ подчиненныхъ ему. Тоже самое и пророкъ Іеремія съ великою

скорбію оплакиваетъ въ своемъ плачѣ о разрушеніи храма, когда взываетъ въ немъ: *како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни въ началѣ всѣхъ исходовъ* (IV, 1)! И что́ означается здѣсь златомъ, этимъ превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ металловъ, какъ не превосходство святости? что́-сребромъ добрымъ, какъ не достолюбезная всѣмъ драгоцѣнность благочестивой жизни? что́-камнями святыни, какъ не разные чины священнослужителей Божіихъ? что́-исходами [1]), какъ не тотъ *широкій путь* міра сего, который, по словамъ самой Истины, *вводитъ въ пагубу* (Матѳ. VII, 13)? Итакъ злато темнѣетъ и блескъ свой теряетъ, когда святая и неукоризненная жизнь омрачается суетными мірскими заботами; сребро доброе измѣняетъ свою бѣлизну и чистота его тускнѣетъ, когда доброе о насъ мнѣніе, заслуживаемое добрыми дѣлами, перемѣняется въ худую молву съ перемѣною нашего нравственнаго поведенія; драгоцѣнные камни святыни разсыпаются по распутіямъ, когда и тѣ, которые должны бы всегда пребывать внутри святилища, какъ лучшее украшеніе Церкви, исходятъ на пути широкіе мірской суеты. Ибо эти камни дорогіе для того и хранились во святилищѣ храма, чтобы могли служить украшеніемъ одежды первосвященника. Но, когда служители алтаря своею жизнію не располагаютъ народъ къ прославленію Искупителя своего, какъ могутъ они называться украшеніемъ святыни сего Великаго Архіерея? Эти *камыцы* святыни остаются въ пренебреженіи, какъ уличные камушки, попираемые ногами проходящихъ, когда священнослужители Божіи самоличио предаются суетнымъ дѣламъ мірскимъ, ища въ нихъ ко-

---

[1]) „*Plateae*“, на греческомъ языкѣ πλατος означаетъ вообще *широту*; оттуда и площади, улицы и вообще *широкіе* пути названы *plateae*.

рыстолюбивыхъ прибытковъ и чувственныхъ удовольствій для себя. И надобно замѣтить, что у пророка не просто объ нихъ сказано: *во всѣхъ исходахъ разсыпашася*, но: *въ началѣ всѣхъ исходовъ*: такъ какъ они и среди суетныхъ мірскихъ занятій хотятъ казаться высокими начальниками, чтобы и на широкихъ путяхъ мірской суеты и удовольствій удерживать за собою первенство во имя святости званія своего. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ разумѣть здѣсь подъ камнями святыни и тѣ самые камни, изъ которыхъ построено святилище храма Соломонова. И въ этомъ истолкованіи скорбь и жалость пророка о разбросанныхъ и попираемыхъ на площадяхъ камняхъ не будетъ ли имѣть того же самаго значенія скорби и жалости о томъ, что священныя лица, на которыхъ нѣкогда опиралась слава дома Божія, находятъ удовольствіе исходить на *широкіе пути, вводящіе въ пагубу*, и предаваться суетнымъ житейскимъ заботамъ. Можно еще пастырю иногда терпѣть ихъ, можно по временамъ и обстоятельствамъ принимать участіе въ нихъ изъ сострадапія къ немощной братіи; но привязываться къ нимъ до пристрастія и поставлять въ нихъ все удовольствіе свое,-это и недостойно пастыря и гибельно для него: эти житейскія попеченія могутъ обременить душу до того, что сдѣлаютъ ее неспособною высвободиться изъ бездны ихъ и подняться горѣ.

Съ другой стороны, нельзя одобрить и тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ бы не существуютъ; которые не то, чтобы предпочитать потребности тѣла потребностямъ души, а вовсе уже пренебрегаютъ ими и на удовлетвореніе ихъ не обращаютъ никакого вниманія. Ибо и здѣсь что бываетъ слѣдствіемъ сего? И пасомые, не видя въ нихъ сочувствія къ своимъ нуждамъ, остаются въ свою очередь равнодушны

и къ нимъ, пренебрегая большею частію ихъ пастырскими наставленіями, хотя въ существѣ своемъ и полезными, но слабо дѣйствующими на сердца ихъ, мало къ тому подготовленныя и удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей непривлеченныя. Выслушивая изъ устъ ихъ обличенія своего невѣжества и своихъ проступковъ, но не видя сочувственнаго состраданія къ своимъ немощамъ и нуждамъ настоящей жизни, они не охотно слушаютъ ихъ духовныя бесѣды, а еще менѣе выполняютъ то, что̀ имъ внушается въ нихъ. Для нуждающихся въ вещественныхъ благахъ недѣйствительны бываютъ уроки такого учителя, который не подаетъ имъ руки помощи въ претерпѣваемыхъ ими нуждахъ и не привлекаетъ къ себѣ милосердіемъ. Сѣмя слова Божія легко проникаетъ въ сердца ихъ, возрастаетъ и даетъ плоды тогда только, когда проповѣдникъ орошаетъ и поливаетъ его сострадательнымъ милосердіемъ къ нимъ. Поэтому пастырямъ необходимо заботиться и о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію внѣшняго благосостоянія членовъ своихъ паствъ, если для нихъ вожделѣнно, чтобы и внутреннее ихъ благочестіе тѣмъ болѣе процвѣтало. Пусть же они, ревнуя о послѣднемъ, не пренебрегаютъ и первымъ: иначе насомые ихъ, повторяю, какъ бы въ правѣ будутъ отворачиваться отъ каѳедры проповѣдника, когда онъ отворачивается отъ ихъ насущныхъ потребностей жизни. Посему-то и верховный пастырь Христова стада, апостолъ Петръ, съ отеческою заботливостію увѣщаваетъ: *старцы, иже въ васъ, молю, яко старецъ сый и свидѣтель Христовымъ страстемъ, иже и хотящей славѣ явитися общникъ, пасите еже въ васъ стадо Божіе*; и, чтобы показать, что онъ разумѣетъ подъ этимъ не одно спасеніе души, но и тѣла, тотчасъ присовокупляетъ: *поспѣшающе не нуждею, но волею, и по Бозѣ, нижде неправедними прибытки, но усердно* (1 Пет. V, 1-3). Изъ этихъ словъ усматри-

ваемъ, между прочимъ, и то́, съ какою любовію апостолъ предостерегалъ пастырей отъ гордости, которая нерѣдко выказывается при подаяніи помощи нуждающимся, каковая помощь не столько облегчаетъ ихъ, сколько заставляетъ сильнѣе чувствовать горестное положеніе свое,-предостерегалъ ихъ отъ того, чтобы сами не голодали отъ недостатка духовнаго хлѣба правды, когда насыщаютъ неимущихъ хлѣбомъ вещественнымъ. Такую же заботливость о внѣшнемъ благосостояніи пасомыхъ внушаетъ пастырямъ и другой верховный апостолъ Павелъ слѣдующими словами: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ* (не заботится), *вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Между тѣмъ никогда не надобно забывать того, что вѣра все-таки должна быть предметомъ самой первой важности, по смыслу тѣхъ же словъ самаго апостола, и потому надлежитъ остерегаться и зорко слѣдить, чтобы, при заботливости о внѣшнихъ благахъ, ни въ какомъ случаѣ не упускать изъ виду благъ внутреннихъ-духовныхъ; потому что нерѣдко пастыри духовные впадаютъ въ противоположныя крайности, какъ сказано нами объ этомъ выше, то есть, или предаются всецѣло заботамъ о внѣшнихъ дѣлахъ паствъ своихъ, до того, что совершенно охладѣваютъ въ любви къ занятіямъ съ ними духовными предметами, или преслѣдуютъ одни духовныя нужды ихъ, до того, что вовсе забываютъ о внѣшнихъ потребностяхъ ихъ. Поэтому въ заботливости своей, особенно по отношенію къ благосостоянію внѣшнему пасомыхъ, они должны наблюдать такъ называемую золотую средину (certa necesse est *mensura* teneatur) и являть въ этомъ съ своей стороны величайшее благоразуміе. На это нѣкоторымъ образомъ намекается и у пророка Іезекіиля въ законоположеніяхъ касательно левитовъ и жрецовъ, гдѣ между прочимъ говоритъ Господь къ пророку: *и главъ своихъ да не обрі-*

ютъ, и власъ своихъ да не растятъ, но остригая да подрѣзываютъ ихъ[1]) (Iезек. XLIV, 20). Ибо пастыри духовные потому и называются пастырями, что они поставляются руководителями надъ ввѣряемыми ихъ попеченію духовными паствами. А власы на главѣ представляютъ собою какъ бы внѣшнія испаренія мыслей ума; и какъ власы эти, непостижимымъ и неуловимымъ для насъ образомъ возрастая на нашей головѣ, выражаютъ заботы о жизни настоящей, такъ и самыя эти заботы, появляясь иногда безъ настоятельной потребности и не встрѣчая себѣ никакого противодѣйствія, какъ бы безъ всякаго со стороны нашей участія усиливаются въ насъ. Итакъ, поелику всѣ вообще начальники обязываются по самому званію своему заботиться о внѣшнемъ благосостояніи подчиненныхъ своихъ, съ соблюденіемъ благоразумной умѣренности; то и ветхозавѣтнымъ жрецамъ не напрасно воспрещалось закономъ какъ брить волосы на головѣ до чиста, такъ и отращать ихъ чрезъ мѣру длинными, чтобы такимъ образомъ пастыри не уклонялись вовсе отъ житейскихъ заботъ о внѣшнихъ благахъ своихъ пасомыхъ, ни пристращались къ нимъ всецѣло. Поэтому и заповѣдано имъ: по *остригая да подрѣзываютъ власы свои* (тамъ же), то есть, чтобы на столько удовлетворяли житейскимъ нуждамъ и своимъ и ближнихъ своихъ, на сколько необходимости того требуютъ, а всякій излишекъ отсѣкали. Пусть же священнослужители Божіи, и пастыри и пастыреначальники, какъ руководители своихъ паствъ, споспѣшествуютъ внѣшнему бла-

---

[1]) Послѣднія слова текста, неподведенныя нами подъ курсивъ, въ нашей славянской Библіи, по переводу съ LXX, читаются иначе: *покрывающе покрыютъ главы своя;* у святаго же Григорія, по Вулгатѣ, весь этотъ текстъ читается такъ: sacerdotes caput suum non radent, neque comam nutrient, sed tondentes attondeant capita sua.

госостоянію ихъ въ нуждахъ, а пристрастіе къ житейской заботливости обуздываютъ и въ себѣ и въ другихъ: тогда и власы ихъ сберегутся для покрытія главы, и излишекъ оныхъ отсѣчется, чтобы не закрывалъ и не помрачалъ глазъ [1]).

ГЛАВА VIII.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, не долженъ заботиться о томъ, чтобы нравиться людямъ и человѣкоугодничать имъ, а напротивъ того обязанъ направлять ихъ мысли на то, что они должны полюбить и на что онъ долженъ устремлять свое вниманіе.

Пастырю, правящему духовнымъ стадомъ Христовымъ, кромѣ всего вышесказаннаго, необходимо также всячески беречься, чтобы не занимало его слишкомъ свойственное намъ желаніе нравиться людямъ и не увлекало его до человѣкоугодничества. Ревнуя о дѣлахъ внутреннихъ-духовныхъ и о дѣлахъ внѣшнихъ-житейскихъ своей паствы, онъ не долженъ во всемъ этомъ заискивать у своихъ пасомыхъ больше расположенности къ самому себѣ, чѣмъ внушать имъ любовь къ истинѣ. Иначе, какъ бы ни отдѣлялся онъ подвигами своими отъ міра и какъ бы ни казался великимъ въ глазахъ людей, самолюбіе отчуждитъ его отъ Бога. Ибо тотъ-врагъ Искупителя, кто домогается, хотя бы то и добрыми дѣлами, не столько заслужить любовь Его, сколько восхитить у Его Церкви привязанность и расположеніе къ себѣ: это походитъ на то, какъ если бы какой нибудь слуга, чрезъ котораго женихъ пересылаетъ подарки своей невѣстѣ, вздумалъ предательски привлечь къ себѣ ея сердце и обольстить. Отъ этого самолюбія пастырь

[1]) Позволяемъ себѣ замѣтить здѣсь, что примѣнительное изъясненіе приведеннаго изъ пророка текста слишкомъ щепетильно и мелочно (чтобы не сказать произвольно) у св. отца; оно въ нашей православной Церкви не имѣетъ такого примѣненія.

нерѣдко дѣлается то слишкомъ слабымъ, то слишкомъ жестокосердымъ. Онъ дѣлается слабымъ, когда, опасаясь потерять у своихъ подчиненныхъ расположенность къ себѣ, не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ исправленію нравственныхъ недостатковъ, замѣчаемыхъ въ нихъ, а иногда даже позволяетъ себѣ лестью и угодничествомъ потворствовать тому, что̀ надлежало бы ему порицать и осуждать. Къ таковымъ пастырямъ можно отнести слѣдующія слова пророка: *горе сшивающимъ возглавійцы подъ всякій локоть руки, и сотворяющимъ покрывала надъ всякую главу всякаго возраста, еже развратити души* (Iезек. XIII, 18). Подкладывать же сшиваемыя возглавійцы или подушечки подъ локти значитъ низкою лестію и угодничествомъ потворствовать грѣшникамъ, и безъ того уклоняющимся отъ правоты и ночивающимъ на мягкомъ ложѣ мірскихъ удовольствій. Ибо какъ бы подушками и покрывалами защищаются локти и голова лежащаго отъ жесткости и докучливости, когда избавляется грѣшникъ отъ строгаго обличенія и оказываются ему нѣжныя ласки, чтобы онъ спокойно лежалъ во злѣ, не тревожась никакими упреками. Но такъ обходятся самолюбивые пастыри, безъ сомнѣнія, только съ тѣми, которыхъ они боятся, чтобы не встрѣтить въ нихъ противодѣйствіе стремленію своему къ временной славѣ; тѣхъ же, которые ни въ чемъ не могутъ имъ повредить, напротивъ того, утѣсняютъ съ необыкновенною жестокостію, никогда не обращаются съ ними милостиво и снисходительно, а, забывъ пастырскую кротость, только устрашаютъ силою своей власти. Такихъ пастырей обличаетъ Господь чрезъ того же пророка и въ другомъ мѣстѣ: *властію наказасте я и наруганіемъ* (cum austeritate-сурово) (Iезек. XXXIV, 4). Любя самихъ себя болѣе, нежели Виновника своего могущества, они высокомѣрно надмѣваются предъ пасомыми, стремясь выказать надъ ними

свою власть въ одной силѣ, а не въ томъ, въ чемъ пастырская ихъ власть должна выражаться; нисколько не страшатся будущаго суда, а лишь безстыдно тщеславятся своею временною властію, любуясь, что могутъ безнаказанно дѣлать все, что̀ имъ угодно, и никто изъ подчиненныхъ не осмѣлится возвысить противъ нихъ голоса. Итакъ, кто готовъ на всякое нечестивое дѣло, однакоже лучше желаетъ, чтобы другіе молчали о его беззаконіяхъ, тотъ самъ противъ себя свидѣтельствуетъ этимъ, что онъ ревнуетъ не о любви къ истинѣ, а о себѣ самомъ, когда не допускаетъ упрековъ противъ себя ни въ малѣйшемъ уклоненіи отъ нея. А между тѣмъ найдется ли человѣкъ на землѣ, который бы пожилъ и не согрѣшилъ (Іов. XIV, 4 и 5)? Значитъ, только тотъ ревнуетъ больше о любви къ истинѣ, чѣмъ къ самому себѣ, кто никому не препятствуетъ обличать себя за оскорбленіе истины, и желаетъ даже того для исправленія своихъ погрѣшностей. Такъ и апостолъ Петръ благодушно выслушалъ обличеніе апостола Павла (Гал. II, 11); такъ и царь Давидъ смиренно внималъ упрекамъ подданнаго своего (2 Цар. XII, 7): ибо добрые начальники, чуждые самолюбія, принимаютъ за долгъ послушанія и смиренія выслушивать свободное и правдивое слово даже отъ подчиненныхъ. Впрочемъ, дозволяя пасомымъ таковую свободу въ отношеніи къ себѣ, пастырь долженъ наблюдать и за тѣмъ, чтобы эта свобода не перешла у нихъ въ нахальство и гордость и не послужила имъ самимъ въ ущербъ собственнаго ихъ послушанія и смиренія.

Съ другой стороны, нельзя отвергать и того, что добрые пастыри обязаны не пренебрегать ласковою привѣтливостію и угожденіемъ во многомъ въ отношеніи къ пасомымъ, только отнюдь не изъ самолюбія, но для того, чтобы любезностію заслуживаемаго ими уваженія поддерживать въ нихъ любовь къ истинѣ и таковымъ снисходительнымъ

обращеніемъ какъ бы пролагать путь, по которому ввѣренныя управленію ихъ души должны восходить къ любви Творца своего. Ибо трудно и очень трудно (опять скажу то́же, что́ сказано мною и въ предыдущей главѣ), чтобы охотно слушали и слушались того проповѣдника, къ которому не расположены, хотя бы онъ возвѣщалъ своимъ слушателямъ истинные пути спасенія и со всѣмъ усердіемъ пастыря-проповѣдника. Такимъ образомъ пастырь, какъ руководитель своей паствы, долженъ стараться о снисканіи расположенности и пріобрѣтеніи любви у своихъ пасомыхъ, нисколько не пренебрегая этимъ, если онъ дорожитъ тѣмъ, чтобы его слушали и слушались; но при всемъ томъ не долженъ заискивать и домогаться этой расположенности и этой любви исключительно для себя одного лично, чтобы не оказаться на дѣлѣ измѣнникомъ и похитителемъ правъ у Того, Кому онъ по долгу призванія своего обязанъ служить нелицемѣрно. Эти правила внушаетъ намъ апостолъ Павелъ, когда раскрываетъ тайны своего поведенія, говоря въ одномъ мѣстѣ: *безпреткновени бывайте* (не подавайте соблазна) *іудеомъ и эллиномъ и Церкви Божіей: якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся... всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 22. X, 32 и 33); а въ другомъ: *аще бых еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не бых убо былъ* (Гал. 1, 10). Такъ-то апостолъ Божій и угождалъ людямъ и не угождалъ; и въ томъ, въ чемъ онъ угождалъ имъ, имѣлъ въ виду не свою личность, но-проповѣдуемую имъ истину.

ГЛАВА IX.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть внимателенъ къ поступкамъ и своимъ и другихъ, строго слѣдя за ними, потому что иногда пороки представляются подъ личиною добродѣтелей.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, обязанъ еще вникать въ самые внутренніе изгибы души человѣческой, чтобы въ существѣ своемъ не смѣшивать худыхъ поступковъ съ добрыми и добрыхъ съ худыми. Такъ часто бываетъ, что подъ именемъ бережливости скрывается скупость, а подъ именемъ щедрости прикрывается расточительность; такъ нерѣдко неумѣстныя уступки и послабленія считаются снисходительностію, а необузданный гнѣвъ и нетерпимость принимается за святую ревность; такъ иногда на безразсудную опрометчивость смотрятъ, какъ на необыкновенную быстроту дѣятельности, а неповоротливая медлительность и нерѣшительность въ дѣлахъ представляется глубокою сообразительностію и благоразумною осмотрительностію. Поэтому необходимо пастырю душъ со всею внимательностію различать добродѣтели отъ пороковъ и пороки отъ добродѣтелей, дабы не вообразить себя или другаго бережливымъ, когда обладаетъ имъ скупость, и не превозноситься подъ видомъ состраданія щедростію, будучи на дѣлѣ расточителемъ; или, потворствуя преступленіямъ и щадя самыхъ преступниковъ, вполнѣ заслуживающихъ строгаго обличенія и наказанія, не довесть ихъ чрезъ то до вѣчныхъ мукъ, а немилосердо наказывая претыкающихся, самому не согрѣшать больше ихъ; или же опрометчивымъ рѣшеніемъ дѣлъ, требующихъ зрѣлаго обсужденія, не уронить важности суда несправедливостію его, медленностію же и нерѣшительностію въ управленіи дѣлами не довести ихъ до разстройства, изъ хорошаго состоянія въ худое, а изъ худаго еще въ худшее.

ГЛАВА X.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть весьма разборчивъ въ своихъ обличеніяхъ и въ своей сдержанности, въ ревности и въ снисходительности.

Пастырю, правящему духовнымъ стадомъ Христовымъ, надобно кромѣ того быть свѣдущу и опытну въ томъ, какъ иногда нужно, по требованію благоразумія, прикрыть проступки пасомыхъ, давая впрочемъ въ тоже время замѣтить имъ, что эти проступки прикрываются; иногда даже явные и открытые терпѣть до поры-до времени, а иногда тайные и сокровенные со всею точностію разслѣдовать; иногда кротко обличать, иногда же со всею силою преслѣдовать.

Мы сказали, что въ нѣкоторыхъ проступкахъ благоразуміе требуетъ прикрытія оныхъ; но въ тоже время-давать виновнымъ замѣтить, что эти проступки ихъ прикрываются. Это нужно для того, чтобы грѣшникъ, видя и сознавая, что его проступки замѣчены уже и что только по снисхожденію къ нему они остаются въ тайнѣ безъ огласки, въ ожиданіи отъ него исправленія, тѣмъ самымъ устыдился бы онъ грѣховъ своихъ, и тѣмъ строже самъ осудилъ и наказалъ себя, что пастырь по милости своей и терпѣнію своему пощадилъ его. Такъ точно Господь вразумлялъ народъ іудейскій, когда чрезъ пророка говорилъ: *и солгалъ Ми и не помянулъ еси Мене, ниже пріялъ Мя еси во умъ, ниже въ сердце твое, и Азъ тя видѣ, презираю* (εἰδων παροραω-ego tacens et quasi non videns), *и не убоялся еси Мене* (Иса. LIV. 11). Въ этомъ случаѣ Онъ и прикрывалъ грѣхи іудеевъ, и вмѣстѣ указывалъ на нихъ; ибо и молчалъ противъ грѣшниковъ, и тутъ же высказывалъ о томъ, что молчалъ.

Нѣкоторые же даже явные и открытые проступки нужно терпѣть до поры-до времени, то есть, когда обстоятельства не благопріятствуютъ открытому обличенію. Такъ и тѣлес-

ные нарывы отъ неблаговременнаго разсѣченія лишь больше воспаляются, и вообще всякое лекарство, не во время употребляемое, если и обходится безъ вреда, то навѣрно теряетъ свою цѣлительную силу. При томъ же, перенося тяжесть грѣховъ подчиненныхъ своихъ въ ожиданіи благопріятнаго времени для врачеванія ихъ, тѣмъ самымъ пастырь пріучается къ терпѣнію. Подобное нѣчто говоритъ о себѣ псалмопѣвецъ: *на хребтъ моемъ дѣлаша грѣшницы, продолжиша беззаконіе свое* (Псал. CXXVIII, 3), то есть, другими словами: »когда я не могу почему-либо исправлять грѣшниковъ, то какъ бы ношу грѣхи ихъ на плечахъ своихъ, подъ тяжестію коихъ испытывается терпѣніе мое«; ибо мы обыкновенно носимъ тяжести на плечахъ (на хребтѣ).

Иногда же тайные и сокровенные проступки надобно пастырю разслѣдывать со всею точностію, чтобы по обнаруживающимся признакамъ открыть все, что таится въ душѣ грѣшника, постепенно переходя отъ менѣе важныхъ тайнъ до самыхъ важнѣйшихъ. Такъ Іезекіилю говоритъ Господь: *сыне человѣчь, раскопай стѣну*; *и раскопахъ*, отвѣчаетъ пророкъ, *и се дверь едина*; *и рече ко мнѣ: вниди, и виждь беззаконія злая, яже творятъ сіи здѣ; и внидохъ, и видѣхъ, и се всякое подобіе гада, и скота суетная гнушенія, и всякія кумиры дому израилева написани быша на стѣнѣ всюду около* (Іезек. VIII, 8-10). Здѣсь Іезекіиль изображаетъ собою начальниковъ вообще, и въ частности пастырей съ пастырями-начальниками, а подъ стѣною разумѣется жестокосердіе подчиненныхъ имъ. И потому *раскопать стѣну* не тоже ли значитъ, что проницательнымъ розысканіемъ раскрыть и познать грубость и закоренѣлость души въ скрытныхъ преступникахъ? Когда же онъ раскопалъ ее, то открылась *дверь*: ибо, когда посредствомъ тщательныхъ розысковъ и благовременныхъ убѣжденій, такъ сказать, разсѣкается жестокосердіе грѣшника,

предъ нами какъ бы отворяется дверь души его, чрезъ которую можно уже видѣть всѣ, и самыя внутреннія, его помышленія. Посему и говорится далѣе: *внидѝ, и виждь беззаконія злая, яже творятъ сіи здѣ.* Что́ же именно увидѣлъ пророкъ, вошедши въ дверь, какъ бы послѣ употребленныхъ усилій къ размягченію жестокосердія и раскрытію совѣсти? *И внидохъ и видѣхъ*, продолжаетъ онъ, *и се всякое подобіе гада, и скота сустная гнушенія.* Подъ именемъ гадовъ разумѣются помыслы совершенно земные, а подъ именемъ скота (животныхъ) такіе помыслы, которые хотя нѣсколько возвышаются надъ землею, но все еще никакъ не могутъ отрѣшиться отъ ея благъ и выгодъ; такъ-какъ гады всѣмъ тѣломъ своимъ ползаютъ по землѣ, а животныя, хотя большею частію тѣла подымаются надъ землею, но для удовлетворенія необходимымъ потребностямъ своимъ постоянно преклоняются къ ней. Поэтому гады пресмыкаются въ стѣнахъ нашихъ, когда мысли у насъ вращаются только около земнаго и отъ земли никогда не отрѣшаются; а животность наполняетъ собою нашу храмину, когда мы хотя и возносимся иногда мыслями своими къ долгу справедливости и честности, превыше обыденныхъ стремленій своихъ къ благамъ земнымъ, но не перестаемъ удовлетворять этимъ стремленіямъ: тутъ мы какъ бы двоимся, когда озаряемые свѣтлостію мысли витаемъ горѣ, томимые же голодомъ и жаждою тройственной *похоти* мірской-*плоти*, *очесъ* и *гордости житейской* (1 Іоан. V, 16) преклоняемся долу. И не удивительно, что далѣе пророкъ увидѣлъ *куміровъ* или идоловъ *дому израилева*, *написанныхъ* (изображенныхъ) *на стѣнѣ.* Ибо и апостолъ *лихоимніе* или *лихоимство* (любостяжаніе) назвалъ *идолослуженіемъ* (Кол. III, 5; Еф. V, 3 и 5). Поэтому не безъ причины объ идолахъ (кумірахъ) говорится послѣ животныхъ (скотовъ), потому-что хотя нѣкоторые изъ насъ

какъ бы отдѣляются уже отъ земли, когда трезвенностію мыслей своихъ возносятся горѣ, но въ тоже время, преклоняясь долу подъ бременемъ мірскихъ похотей, предаются и порабощаются землѣ. И не напрасно сказано, что эти кумиры *расписаны* были *на стѣнѣ*; ибо когда образы внѣшнихъ предметовъ воспринимаются внутреннею силою души, то въ ней какъ бы напечатлѣваются эти образы, подъ которыми она воспринимаетъ ихъ мысленно. Вообще же надобно здѣсь замѣтить, что прежде всего появляется брешь (проломъ, дыра, отверстіе) въ стѣнѣ, потомъ дверь, а наконецъ уже тайна сокровенныхъ беззаконій; такъ какъ и всякій грѣхъ обнаруживается сперва во внѣшнихъ признакахъ, за тѣмъ открывается дверь, разоблачающая темную его сторону, а тогда уже является онъ во всей своей наготѣ.

Иные проступки требуютъ обличенія кроткаго и умѣреннаго: потому-что человѣкъ часто грѣшитъ не по злости своей, а или по невѣдѣнію или по слабости, гдѣ самое осужденіе и обузданіе грѣховности, конечно, должно быть въ значительной степени ослабляемо и сдержанно, съ сострадательною для грѣшника пощадою. Ибо всѣ мы, пока остаемся въ этомъ бренномъ тѣлѣ, неизбѣжно подвергаемся слабостямъ нашего поврежденія: поэтому всякій по себѣ можетъ и долженъ судить, какого снисхожденія заслуживаютъ немощи ближняго. Пусть же и пастырь оглядывается на себя, когда съ грознымъ обличеніемъ выступаетъ противъ таковыхъ недуговъ, усматриваемыхъ въ своихъ пасомыхъ, не забывая того, что и онъ-человѣкъ подобострастный другимъ. На этотъ разъ и апостолъ Павелъ подаетъ намъ прекрасный совѣтъ, говоря: *братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. VI. 1): какъ бы такъ говоритъ: «ко-

гда усматриваемыя тобою слабости ближняго твоего огорчаютъ тебя: то размысли при этомъ, что́ ты самъ, и тогда душа твоя воздержится отъ неумѣренной ревности, опасаясь подвергнуться тому же, за что нападаешь на другаго.

А болѣе тяжкія преступленія надлежитъ обличать и преслѣдовать со всею силою, дабы виновные, не понимающіе важности своей вины, могли при этомъ убѣждаться въ томъ, какъ тяжко они грѣшатъ, и, не считая своихъ грѣховъ за проступки маловажные, при строгости осужденія, сами страшились ихъ и позаботились о своемъ исправленіи. Возвѣщая подчиненнымъ пасомымъ своимъ о славѣ небеснаго отечества, пастырь долженъ открывать имъ и тѣ засады, которыя исконный врагъ нашъ повсюду разставляетъ намъ на пути настоящей жизни, и, ревнуя о спасеніи ихъ, съ строгостію военной дисциплины исправлять тѣ преступленія, для предотвращенія которыхъ недостаточно мѣръ кроткихъ: иначе всѣ онѣ вмѣнены будутъ ему самому. По сему-то Господь говоритъ Іезекіилю, а въ лицѣ его и всѣмъ духовнымъ вождямъ: *и ты, сыне человѣчь, возми себѣ плинфу* (дощечку), *и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишеши на ней градъ Іерусалимъ. и да даси окрестъ его ограждение, и да сограждиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ: ты же возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою и между градомъ* (Іезек. IV. 1-3). Здѣсь эти вожди духовные, какъ учители ввѣренныхъ руководительству ихъ душъ, берутъ какъ бы *плинфу* (дощечку), когда воспріемлютъ бренное сердце своихъ слушателей, чтобы образовать его. Эту плинфу они *полагаютъ предъ собою*, когда наблюдаютъ за всѣми изгибами сердца человѣческаго съ постояннымъ вниманіемъ. Далѣе, имъ повелѣвается *написать на ней градъ Іерусса-*

лимъ, то есть, чрезъ благовѣствованіе изобразить и объяснить слушателямъ блага небеснаго отечества ихъ. Но такъ какъ при этомъ необходимо для нихъ знать и тѣ искушенія, какія противопоставляетъ намъ здѣсь на землѣ исконный врагъ нашего спасенія и блаженства; то духовные вожди должны устроить *ограждение окрестъ Іерусалима* и оградить *надъ нимъ забрала*, то есть, должны предупредить ввѣренныя имъ души, ищущія уже горняго отечества, о тѣхъ опасностяхъ, которыми окружены мы, и научить ихъ какими средствами противъ какихъ опасностей защищаться. Когда же съ усиленіемъ обороны увеличиваются со стороны врага и опасности, тогда пастыри духовные должны еще *обложить* подвергающихся искушенію пасомыхъ своихъ *острогомъ*, *поставить окрестъ ихъ полки и учинить поставленія стрѣльницъ*, оградивъ такимъ образомъ для нихъ отвсюду внушенныя имъ блага горняго Іерусалима, то есть, должны употребить съ своей стороны всѣ мѣры для предостереженія ихъ отъ разнообразныхъ козней лукаваго врага и привесть крѣпость ограждаемыхъ въ нихъ добродѣтелей въ неприступное положеніе. Послѣ всего этого, если кто-либо изъ подчиненныхъ, не смотря на таковыя заботы о его спасеніи, дерзновенно станетъ нарушать предписанныя ему обязанности, не въ правѣ ли предстоятель Церкви возстать на него со всею силою пастырской ревности? Вотъ почему и пророку наконецъ сказано: *ты же возми себѣ сковраду желѣзную, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою и между градомъ*. Подъ именемъ сковороды, конечно, разумѣется пламенная ревность пастыря, а подъ именемъ желѣза-сила и мужество пастырскаго обличенія. Да и что̀ можетъ сильнѣе воспламенять и строже обличать, какъ не ревность по Богѣ? Такою ревностію горѣлъ апостолъ Павелъ, когда отъявленныхъ грѣшниковъ *предавалъ сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спа-*

сется (1 Кор. V, 5; 1 Тим. I, 20), или когда о самомъ себѣ говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю* (съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ)? *кто соблазняется, и азъ не разжигаюся* (за кого бы я не воспламенялся)? (2 Кор. XI, 29). Такъ и о самомъ Спасителѣ псалмопѣвецъ въ пророческомъ духѣ выразился, замѣтивъ, что »ревность по домѣ Божіемъ снѣдала Его« (Псал. LXVIII, 10; Іоан. II, 17). И эта сковрада желѣзная полагается между пророкомъ и градомъ какъ бы стѣною желѣзною или оплотомъ, такъ-какъ пастыри, заявляя въ здѣшней жизни мужественно ревность свою по долгу своего званія, удержатъ за собою и въ будущей жизни туже ревность, какъ нѣкую опору, въ отношеніи своемъ къ пасомымъ, чтобы тамъ не подпасть отвѣтственности, если бы здѣсь пребыли небрежны въ исполненіи обязанностей своего служенія.

Между тѣмъ намъ пастырямъ не надобно упускать изъ виду и того, что въ обличеніяхъ, при увлеченіи, весьма трудно бываетъ удержаться, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго и неудобовыносимаго. Не рѣдко одно неосторожное, слишкомъ рѣзкое слово обличителя, вмѣсто того, чтобы уврачевать грѣшника, убиваетъ его, повергая въ отчаяніе. По этому, когда мы замѣтимъ, послѣ обличительной проповѣди, что поразили слушателей своихъ чрезъ мѣру, болѣе надлежащаго, тотчасъ должны съ сознаніемъ прибѣгнуть къ покаянію и со слезами просить у Господа прощенія въ томъ даже, что отъ неосмотрительной ревности по Его святомъ законѣ согрѣшили, прося иногда извиненія и у тѣхъ, кого этимъ можетъ быть обидѣли. Это заповѣдуется намъ Господомъ прообразовательно въ слѣдующихъ словахъ Моисея: *иже аще пойдетъ съ подругомъ своимъ въ лѣсъ собирати дрова, и поползнется рука его съ сѣкирою сѣкущаго дрова, и спадши сѣкира съ топорища улучитъ подруга его, и умретъ, сей да убѣжитъ во единъ отъ градовъ сихъ*

(*трехъ*), *и живъ будетъ; да не погнавъ ужикъ крове въ слѣдъ убившаго, яко разгорится сердце ему, и постигнетъ его, аще должайшій будетъ путь, и убіетъ душу его, и умретъ: и сему нѣсть суда смертный, понеже не бѣ ненавидя его и бѣ невѣдя* (Втор. XIX, 2-6). Когда мы пускаемся въ обличеніе грѣховъ ближняго, мы какъ бы входимъ въ лѣсъ съ *подругомъ*: и, пока мы исправляемъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, мы просто посѣкаемъ дрова. Но вотъ мы погорячились чрезъ мѣру, забылись, увлеклись въ своемъ обличеніи сверхъ надлежащаго, и *сѣкира* слова нашего, соскочивъ съ своей рукоятки, отъ неумѣренной ревности, смертельно поражаетъ нашего *подруга*. Въ этомъ положеніи, если мы сами не хотимъ пасть жертвою мести *ужика крове* убитаго и предъ Верховнымъ Судіею хотимъ замолить свой грѣхъ невѣдѣнія, намъ необходимо бѣжать во *единъ* изъ отведенныхъ для сего (*трехъ*) *градовъ убѣжища*, ища въ нихъ для себя спасенія, и, укрываясь подъ покровомъ сихъ *трехъ*-вѣры, надежды и любви, омывать грѣхъ свой слезами во *единомъ* таинствѣ покаянія. И какъ мститель убитаго не трогалъ убійцу, когда находилъ его во градѣ *убѣжища*: такъ и Верховный Каратель всякаго зла, будучи Сыномъ Божіимъ и содѣлавшійся Сыномъ человѣческимъ чрезъ воспріятіе естества нашего, не вмѣнитъ намъ въ вину содѣяннаго нами ненамѣреннаго грѣха, когда увидитъ насъ подъ защитою покаянія и покровомъ вѣры, надежды и любви.

ГЛАВА XI.

Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ постоянно заниматься священнымъ писаніемъ и углубляться въ него размышленіемъ.

Пастырь, правящій духовнымъ стадомъ Христовымъ, да вѣдаетъ, наконецъ, что всѣмъ вышеизъясненнымъ нами

требованіямъ можетъ онъ вполнѣ удовлетворить тогда только, когда одушевляемый страхомъ Божіимъ и Божественною любовію ежедневно и нелѣпостно будетъ заниматься священнымъ писаніемъ и углубляться въ него размышленіемъ. Слово Божіе придастъ ему силы для совершенія многообразныхъ трудовъ, соединенныхъ съ званіемъ его служенія, будетъ освѣжать въ немъ чувство благочестія, которое такъ скоро черствѣетъ отъ обращенія въ семъ свѣтѣ, и, наперекоръ вліянію житейской суеты, преждевременно приводящей насъ къ дряхлости и сокращающей нашу жизнь, будетъ окрылять духъ его изображеніемъ славы небеснаго отечества нашего, а сердечнымъ сокрушеніемъ и тоскою по немъ будетъ укрѣплять его въ любви къ нему. Кому неизвѣстно, какъ разсѣеваются мысли и желанія наши въ мірскихъ бесѣдахъ, какъ внѣшнія заботы житейскія отвлекаютъ насъ отъ заботы о душѣ? Тѣмъ необходимѣе для насъ бесѣда съ Богомъ, тѣмъ прилежнѣе должны мы изучать Божественное Слово Его. Посему-то и апостолъ Павелъ, поставивъ ученика своего Тимофея пастыремъ духовнаго стада, говорилъ ему: *дондеже пріиду, внемли чтенію и ученію; не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества; въ сихъ поучайся; внимай себѣ и ученію, и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спасешися, и послушающія тебе* (1 Тим. IV, 13—16). Посему и царь Давидъ восклицалъ: *коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть* (Псал. CXVIII, 97)! Посему же и Моисею заповѣдалъ Господь придѣлать къ *четыремъ странамъ* (угламъ) *Кивота* Завѣта *четыре златыя кольца и вложить въ* сіи *кольца носила отъ древа ветіющаго и позлащенныя златомъ чистымъ, и въ кольцахъ да будутъ носила не зыблющеся*, чтобы можно было тотчасъ *переносить на нихъ Кивотъ*, куда потре-

бустся (Исх. XXV, 10-15). Что же прообразовалъ собою Кивотъ Завѣта, какъ не святую Церковь? А четыре кольца ея не суть ли четыре Евангелія, чрезъ проповѣданіе которыхъ она распространяется и какъ бы разносится по четыремъ странамъ свѣта? Носила же ея, на которыхъ подымали Кивотъ, представляютъ собою самыхъ проповѣдниковъ и учителей, которые должны быть тверды и несокрушимы, какъ древо негніющее, должны сіять пастырскими добродѣтелями своими, какъ златомъ чистымъ, и, какъ почивающіе на законѣ Божіемъ, должны служить проводниками его для народа, постоянно заботясь о благѣ Церкви Христовой и никогда не оставляя ее безъ попеченія своего. И такъ какъ пастыри и пастыреначальники, по долгу своего званія, должны всегда стоять какъ бы на стражѣ проповѣди Слова Божія; то прежде всего сами должны тщательно изучать его постояннымъ чтеніемъ и размышленіемъ, чтобы всегда быть готовыми къ исполненію своего долга: ибо безславно было бы для пастыря, а тѣмъ болѣе пастыреначальника, и для пасомыхъ безполезно, если бы онъ тогда только принимался за изученіе какого-либо вопроса церковнаго, когда требовалось бы уже отъ него самое рѣшеніе этого вопроса по нуждамъ паствы его. Нѣтъ, онъ долженъ заблаговременно изучить и постоянно содержать въ умѣ своемъ все, что относится къ Слову Божію и можетъ касаться пастырскихъ его обязанностей, чтобы безотлагательно быть готовымъ къ отвѣту на всякіе вопросы. Такъ и первозванный пастырь Церкви Божіей увѣщевалъ прочихъ пастырей и всѣхъ увѣщеваетъ: будьте *готови присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе* (требующему у васъ отчета) *о вашемъ упованіи* (1 Пет. III, 15); онъ какъ бы такъ говоритъ по ветхозавѣтному смыслу: «ничто не должно останавливать завѣта, и носила не должны выходить изъ колецъ своихъ, но всегда должны быть въ готовности».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

о томъ, какимъ образомъ пастырю, законно достигшему пастырскаго служенія и сообразно своему сану живущему, надлежитъ поучать и назидать свою паству

ГЛАВА I.

Эта глава состоитъ изъ предисловія (prologus) къ цѣлой части, въ которомъ показывается, какого разнообразія требуетъ проповѣдническое искуство пастыря духовнаго въ его поученіяхъ по отношенію къ пасомымъ.

Изъяснивъ необходимыя качества добраго пастыря, покажемъ теперь, какъ онъ долженъ учить и наставлять своихъ пасомыхъ. Ибо не всѣмъ, какъ замѣтилъ еще задолго до насъ блаженной памяти Григорій Назіанзенъ (въ первомъ словѣ своемъ), соотвѣтствуетъ одинаковое поученіе, при неодинаковыхъ условіяхъ состоянія людей. Часто полезное для однихъ бываетъ вредно для другихъ. Такъ и многія изъ травъ, которыя однихъ животныхъ питаютъ, другихъ убиваютъ; и одинъ и тотъ же свистъ объѣзженнаго коня усмиряетъ, а молодаго бѣситъ; даже лѣкарство, которое одну болѣзнь облегчаетъ и болящаго исцѣляетъ, другую можетъ только усилить и больнаго повергнуть въ безвыходное положеніе; наконецъ и самый хлѣбъ, укрѣпляющій жизнь взрослыхъ, разстроиваетъ здоровье младенцевъ. Итакъ всякое слово учителей должно быть приспособлено къ качествамъ и свойствамъ состоянія слушателей, такъ чтобы каждому изъ нихъ предлагаемо было свое, ему свойственное, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отступало отъ общихъ требованій назидательности. Ибо что такое напряженные умы слушателей, какъ не струны-если могу такъ выразиться-натянутыя на музыкальномъ инструментѣ, къ которымъ различно прикасается рука искуснаго игрока, чтобы отъ различныхъ соприкосновеній образовалась одна стройная, гармоническая, музыкальная пѣснь? И струны издаютъ мелодическіе звуки

потому именно, что приводятся въ движеніе однимъ орудіемъ, но не одинаковыми ударами. Такимъ образомъ и всякій пастырь Церкви, какъ учитель и руководитель своей паствы, чтобы пригоднымъ быть для всѣхъ и каждаго къ созиданію ихъ спасенія, долженъ трогать и назидать сердца слушателей своихъ однимъ ученіемъ, но не однимъ и тѣмъ же тактомъ или размѣромъ.

ГЛАВА II.

Перечень различныхъ состояній слушателей, съ которыми проповѣдникъ долженъ сообразоваться въ своихъ поученіяхъ.

Такъ:—

Иначе должно наставлять мужчинъ, а иначе женщинъ.

Иначе юношей, иначе старцевъ.

Иначе бѣдныхъ, иначе богатыхъ.

Иначе веселящихся, иначе опечаленныхъ и сѣтующихъ.

Иначе подчиненныхъ, иначе начальствующихъ.

Иначе слугъ, иначе господъ.

Иначе мудрецовъ міра сего, а иначе буіихъ (неразумныхъ, скудоумныхъ, невѣждъ).

Иначе распутныхъ и безстыдныхъ, а иначе благонравныхъ и стыдливыхъ.

Иначе самонадѣянныхъ и дерзкихъ, а иначе малодушныхъ и робкихъ.

Иначе нетерпѣливыхъ, иначе терпѣливыхъ.

Иначе доброжелательныхъ, иначе завистливыхъ.

Иначе простодушныхъ и откровенныхъ, а иначе хитрыхъ и лукавыхъ.

Иначе здоровыхъ, иначе больныхъ.

Иначе тѣхъ, которые удерживаются отъ злыхъ дѣлъ по страху наказаній, а иначе ожесточенныхъ во злѣ, на которыхъ и наказанія не дѣйствуютъ.

Иначе многомолчаливыхъ, а иначе многоглаголивыхъ.

Иначе слишкомъ медлительныхъ, а иначе слишкомъ поспѣшныхъ.

Иначе кроткихъ, иначе гнѣвливыхъ.

Иначе смиренныхъ, иначе гордыхъ.

Иначе упорныхъ и непреклонныхъ, а иначе легкомысленныхъ и непостоянныхъ.

Иначе невоздержныхъ, иначе воздержныхъ.

Иначе тѣхъ, кои благотворятъ своимъ добромъ другимъ; а иначе тѣхъ, кои и чужое отнимаютъ у ближняго.

Иначе тѣхъ, которые не простираютъ рукъ своихъ на чужое, но не выпускаютъ изъ нихъ и своего; а иначе тѣхъ, которые хотя и дѣлятся добромъ своимъ съ другими, однакоже падки и на чужое.

Иначе враждолюбивыхъ, иначе миролюбивыхъ.

Иначе посѣвающихъ раздоры, иначе миротворцевъ.

Иначе тѣхъ, кои, не понимая надлежащимъ образомъ священнаго Писанія, мечтаютъ о себѣ, что они постигаютъ его, какъ слѣдуетъ; а иначе тѣхъ, кои, хотя и понимаютъ его хорошо, но, гордясь своимъ знаніемъ, тщеславятся имъ предъ другими: (общій ихъ недостатокъ, который долженъ имѣть въ виду проповѣдникъ, есть недостатокъ смиренія:

Иначе тѣхъ, которые могли бы хорошими быть проповѣдниками, но, по излишнему смиренію, боятся и уклоняются; а иначе тѣхъ, коихъ должна бы удержать отъ принятія на себя этого служенія мысль о ихъ несовершенствѣ или молодости, но которые, по своей опрометчивости, домогаются его.

Иначе тѣхъ, кои достигаютъ всего, чего ни домогаются въ мірѣ семъ; а иначе тѣхъ, кои тоже гоняются за мірскими благами, но во всемъ терпятъ неудачи.

Иначе тѣхъ, которые ведутъ супружескую жизнь, иначе ведущихъ жизнь безбрачную.

Иначе предающихся плотскому грѣху половаго смѣшенія (внѣ супружескаго союза); а иначе дѣвственниковъ и дѣвственницъ, вовсе не познавшихъ таковаго смѣшенія.

Иначе оплакивающихъ грѣхи свои, совершенные на самомъ дѣлѣ; а иначе оплакивающихъ грѣхи помышленій.

Иначе тѣхъ, которые каются въ своихъ грѣхахъ, но не отстаютъ отъ нихъ; а иначе тѣхъ, которые перестаютъ грѣшить, но не раскаяваются въ содѣянныхъ грѣхахъ.

Иначе тѣхъ, кои живутъ беззаконно и тѣмъ еще тщеславятся; а иначе тѣхъ, кои осуждаютъ пороки, между тѣмъ проводятъ жизнь порочную.

Иначе согрѣшающихъ по внезапному увлеченію, иначе стремящихся намѣренно и обдуманно ко грѣху.

Иначе тѣхъ, которые дозволяютъ себѣ, хотя не большіе, проступки, но притомъ часто; а иначе тѣхъ, которые остерегаются и маловажныхъ, но за то иногда впадаютъ въ тяжкія преступленія.

Иначе и не начинающихъ даже дѣлъ добрыхъ; иначе начинающихъ только, но никогда не оканчивающихъ.

Иначе должно наставлять такихъ, которые совершаютъ зло въ тайнѣ, а добро творятъ явно и открыто; иначе же тѣхъ, кои, наоборотъ, добрыя дѣла свои скрываютъ, а сознаютъ предъ другими однѣ слабости свои [1])...

Но что́ пользы отъ перечисленія всего этого вмѣстѣ, если мы не раскроемъ, съ возможною краткостію, самаго способа наставленій и не представимъ особыхъ программъ для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности?

---

[1]) Всѣмъ этимъ пунктамъ или темамъ въ послѣдующихъ за симъ главахъ ведется особый счетъ подъ названіемъ »Admonitiones«, то есть, *наставленій*, которыя въ подлинникѣ и обозначаются по порядку при каждой главѣ.

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ нужно наставлять мужчинъ и какъ женщинъ: какъ юношей и какъ старцевъ.

Наставленіе 1.

Итакъ, иначе должно наставлять мужчинъ, а иначе—женщинъ. На первыхъ надобно возлагать бремена болѣе тяжелыя, а на послѣднихъ болѣе благія и легкія, чтобы такимъ образомъ тѣмъ доставить поприще для упражненія ихъ *мужественныхъ* силъ, какъ сосудамъ болѣе крѣпкимъ, а этихъ утверждать въ добрѣ кротостію, обращаясь съ ними снисходительнѣе, какъ съ болѣе *немощнымъ сосудомъ женскимъ* (1 Пет. III, 7).

Иначе должно наставлять юношей, иначе—старцевъ; потому что юношей всегда почти удобнѣе бываетъ направить къ совершенству строгостію предостереженій, а старцы скорѣе вразумляются уважительнымъ и почтительнымъ увѣщаніемъ. Такъ и Писаніе говоритъ: *старцу не твори пакости, но утѣшай* (старца не укоряй, но умоляй), *якоже отца* (1 Тим. V, 1).

ГЛАВА IV.

Какимъ образомъ должно наставлять бѣдныхъ и какъ богатыхъ.

Наставленіе 2.

Иначе должно наставлять бѣдныхъ, иначе—богатыхъ. Бѣднымъ обязаны мы подавать утѣшеніе и отраду, чтобы не упадали они духомъ подъ тяжестію бѣдствій и уничиженія; а въ богатыхъ—поселять страхъ, чтобы они не гордились и не превозносились. И Господь душѣ бѣднаго говоритъ чрезъ пророка: *не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси* (Иса. LIV, 4); а за тѣмъ, какъ бы желая показать ей свое сожалѣніе объ участи ея и обласкать ее, присовокупляетъ: *смиренная и колеблемая*

не имѣла еси утѣшенія[1]) (тамъ-же 11); наконецъ указываетъ ей это утѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: *изъялъ тя изъ пещи убожества* (—XLVIII, 10). Напротивъ, о богатыхъ вотъ что́ пишетъ апостолъ Павелъ ученику своему: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ запрещай* (præcipe-заповѣдай) *не высокомудрствовати, ниже уповати на богатство погибающее* (in incerto divitiarum suarum-на невѣрность богатствъ своихъ) (1 Тим. VI, 17). Стóитъ замѣтить здѣсь, что учитель смиренія, когда дѣло коснулось богатыхъ, не сказалъ: проси, убѣждай, уговаривай, но говоритъ: *запрещай* или *заповѣдай*; потому что сколько слабый и униженный имѣетъ право на снисхожденіе наше, столько сильный и высокомѣрный не заслуживаетъ пощады. Прямая истина тѣмъ прямѣе должна быть высказываема таковымъ людямъ, чѣмъ болѣе они надмеваются горделивыми помышленіями о своихъ тлѣнныхъ благахъ. Къ нимъ-то обращены эти горькія слова Спасителя въ Евангеліи: *горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего* (*яко воспріемлете утѣшеніе ваше*) (Лук. VI, 24). Они получаютъ утѣшеніе въ настоящей жизни, наслаждаясь своимъ довольствомъ во всемъ; но за то они не вкусятъ радостей вѣчныхъ. Поэтому бѣдныхъ, искушаемыхъ какъ бы очистительнымъ огнемъ въ горнилѣ убожества и нищеты, надлежитъ утѣшать; а на богатыхъ, пресыщающихся наслажденіемъ временныхъ благъ, наводить страхъ, чтобы одни познали, что богатствомъ, котораго они отчуждены, могутъ обладать и они, другіе же уразумѣли бы, что тоже богатство, которымъ они наслаждаются здѣсь, рано или поздно должны оставить они.

Впрочемъ не рѣдко нравы людей принимаютъ обратное направленіе, такъ что и богатый бываетъ кротокъ и бѣдный

[1]) Въ подлинникѣ это мѣсто текста выражено такъ: »paupercula tempestate convulsa«—*бѣдненькая невзгодою пораженная.*

горделивъ. Въ такомъ случаѣ слово проповѣдника опять должно сообразоваться съ состояніемъ и образомъ жизни слушателя: превозношеніе бѣднаго тѣмъ строже надобно обличать, что и самое убожество не смиряетъ его, а смиренію богатаго тѣмъ большую придавать цѣнность, что онъ не надмевается и при богатствѣ, которое такъ легко располагаетъ къ гордости.

Иногда же нужно бываетъ проповѣднику и съ гордымъ богачемъ бесѣдовать ласково. Такъ, часто и жестокія раны врачуются легкими припарками, и неистовство помѣшанные укрощаются привѣтливымъ словомъ врача, по мѣрѣ того, чѣмъ съ ними ласковѣе и ласковѣе обращаются. Недаромъ замѣчено и въ Писаніи, что когда духъ лукавый нападалъ на Саула, то Давидъ принимался за гусли, и, прогоняя игрою своею бѣшенство его, возвращалъ царю спокойствіе (1 Цар. XVIII, 10). Что же изображаетъ здѣсь состояніе Саула, какъ не превозношеніе сильныхъ? И что выражаетъ состояніе Давида, какъ не смиренную жизнь святыхъ мужей? Итакъ, подражая примѣру Давида, который, какъ только духъ нечистый овладѣвалъ Сауломъ, тотчасъ начиналъ играть на гусляхъ и своею усладительною игрою обуздывалъ его бѣсованіе, и мы исполнимъ пастырскій долгъ свой, если не убоимся ниже устрашимся и сильныхъ земли, превозносящихся до изступленія, усмирять и вразумлять, для спасенія ихъ души, ласковымъ и кроткимъ увѣщаніемъ, какъ бы сладкогласіемъ гуслей.

А иногда, когда рѣшаемся выступить съ обличеніемъ противъ сильныхъ міра сего и беремъ на себя тяжелую обязанность вразумить ихъ и навесть на путь раскаянія, весьма полезно бываетъ начать рѣчь свою притчею или аллегорическимъ уподобленіемъ, предлагая имъ на разсужденіе какъ бы чужіе поступки; и, когда они произнесутъ надъ ними, какъ чуждыми имъ, свой строгій и безпристрастный

судъ, тогда-то съ ораторскимъ искусствомъ и обратить этотъ судъ на нихъ самихъ, такъ-чтобы надмѣвающійся временнымъ могуществомъ умъ изобличаемаго не могъ возстать на обличителя, казнивъ собственнымъ приговоромъ свою гордость, и не пытался даже защищаться, связавъ наперед самъ себя своимъ же осужденіемъ. Вотъ почему и Наѳанъ пророкъ, пришедши обличить царя Давида въ тяжкомъ его преступленіи, просилъ у него суда якобы по дѣлу объ обидѣ, нанесенной богатымъ убогому, не указывая личности ни того ни другаго, въ формѣ приточной аллегоріи, и когда царь самъ произнесъ приговоръ по этому дѣлу, *яко сынъ смерти есть мужъ сотворивый сіе*, тогда уже пророкъ объявилъ ему и обидѣвшаго и обиженнаго: *ты еси мужъ сотворивый сіе*, возвысилъ онъ голосъ, *Урію Хеттеанина убилъ еси, и жену его поялъ еси себѣ въ жену* (2 Цар. XII, 5. 7. 9). Такимъ образомъ и царь выслушалъ отъ пророка обличеніе во грѣхѣ своемъ, припявъ это обличеніе со смиреніемъ, такъ какъ не могъ уже противорѣчить собственному приговору своему, произнесенному противъ самого себя, и пророкъ достигъ своей цѣли, возбудивъ въ согрѣшившемъ раскаяніе предъ Богомъ, которое онъ тутъ же и выразилъ пророку: *согрѣшихъ ко Господу*: вслѣдствіе чего и получилъ чрезъ того же пророка помилованіе отъ Господа: и *Господь отъя*-были слова къ нему пророка-*согрѣшеніе твое* (тамъ-же 13). Такъ-то святый мужъ Божій, видя предъ собою въ лицѣ Давида и грѣшника и царя, дивнымъ образомъ распорядился сперва довесть могущественнаго подсудимаго до сознанія и признанія повинности своей во грѣхѣ собственнымъ его же самого осужденіемъ, а потомъ уже позаботился объ исцѣленіи его отъ грѣховнаго недуга доведеніемъ до сердечнаго сокрушенія и раскаянія для полученія отъ Верховнаго Судіи Небеснаго помилованія и прощенія. Онъ скрылъ на время отъ царя лич-

ность его; но какъ только уловилъ въ немъ благопріятную для своей цѣли минуту, то сейчасъ же воспользовался ею. Конечно, пророкъ не имѣлъ бы такого успѣха, если бы онъ съ первыхъ словъ открылъ царю вину его и тутъ же вздумалъ бы разить его обличеніями и упреками; но подъ покровомъ притчи онъ съумѣлъ мастерски изострить мечь, до времени скрываемый, для вѣрнаго направленія его къ желаемой цѣли. Онъ, какъ искусный и опытный врачъ, пришелъ къ больному, видѣлъ, что нужно разсѣчь рану, но сомнѣвался въ терпѣливой рѣшимости больнаго. Поэтому скрылъ подъ полой платья своего спасительное желѣзо, и потомъ внезапно вонзилъ его въ рану, такъ-что больной почувствовалъ его дѣйствіе прежде, нежели увидалъ его; ибо если бы онъ заранѣе подмѣтилъ его, то едва ли согласился бы испытать на себѣ дѣйствіе его.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ должно наставлять веселыхъ; какъ—печальныхъ и сѣтующихъ.

Наставленіе 3.

Иначе должно наставлять веселящихся, а иначе-опечаленныхъ и сѣтующихъ. Веселымъ надобно напоминать о той скорби, которою будутъ сопровождаться вѣчныя мученія; а печальнымъ-о той радости, какая обѣщана въ царствіи небесномъ. Пусть веселящіеся по строгости и силѣ угрозъ уразумѣютъ, что и имъ есть чего страшиться; пусть скорбящіе утѣшатся мыслію о радостяхъ и наградахъ, коихъ они могутъ ожидать. Ибо первымъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук VI, 25); а послѣдніе отъ того же Учителя слышатъ: *и вы печали имате нынѣ; паки же узрю*

вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ (Іоан. XVI, 22). Нѣкоторые впрочемъ бываютъ веселы или печальны не отъ успѣха или неудачи въ дѣлахъ, а отъ природнаго темперамента (per conspersionem[1]). Таковымъ надобно внушать, что каждому темпераменту, по особенному свойству онаго, свойственны и близки особые пороки. Такъ веселые легко могутъ вдаваться въ роскошь, а печальные предаваться унынію и увлекаться гнѣвомъ. По этому необходимо предпринимать мѣры предосторожности не только противъ слабости, которая уже заключается въ самомъ темпераментѣ, но и противъ того опаснѣйшаго зла, которое можетъ развиться отъ этой слабости: иначе, не противоборствуя тому, что́ уже насильственно владычествуетъ надъ нами, мы можемъ подпасть и другому тирану, отъ котораго пока еще свободны.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ должно наставлять подчиненныхъ и какъ начальствующихъ.

Наставленіе 4.

Иначе должно наставлять подчиненныхъ, а иначе-начальствующихъ. Тѣмъ надобно напоминать, чтобы не сокрушались своимъ подчиненіемъ, а симъ внушать, чтобы

---

[1]) Per *conspersionem*. Св. Григорій подъ выраженіемъ »conspersio« —*окропленіе*, *орошеніе*, *оживленіе*, *расположеніе* разумѣетъ здѣсь природное свойство тѣла и души, сложеніе, устройство или такъ называемый *темпераментъ*, какъ это видно изъ самаго контекста рѣчи; въ такомъ смыслѣ употреблено оно и подъ конецъ сей же части въ главѣ XXXIX.

не гордились своею властію; тѣмъ, чтобы даваемыя имъ приказанія исполняли въ точности, а симъ, чтобы не давали таковыхъ приказаній сверхъ должнаго; тѣмъ подтверждать, чтобы они начальствующимъ повиновались безпрекословно, а симъ подавать совѣты, чтобы они управляли подчиненными съ кротостію. Ибо слѣдующія слова Апостола можно нѣкоторымъ образомъ относить и къ подчиненнымъ: *чада, послушайте родителей своихъ во всемъ: сіе бо угодно есть Господеви;* а слѣдующія-и къ начальствующимъ: *отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ* (Кол. III, 20 и 21). Да познаютъ же и первые т. е. подчиненные, какъ должны они вести себя въ отношеніи къ властямъ, и послѣдніе т. е. начальствующіе, какъ должны они обращаться съ подвластными, *да всяка душа властямъ предержащимъ повинуется Господа ради: аще царю, яко преобладающу* (какъ верховной власти), *аще ли же княземъ* (правителямъ), *яко отъ него посылаемымъ, въ отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ; яко дана есть отъ Господа держава имъ и сила отъ Вышняго*, Который потребуетъ отъ нихъ тѣмъ большей отвѣтственности, чѣмъ высшее занимали они мѣсто въ обществѣ (Рим. XIII, 1. 1 Петр. II, 13 и 14. Прем. VI, 3–7).

И потому въ особенности должны знать и памятовать начальники, что они, когда дѣлаютъ или даже допускаютъ какія-либо беззаконія, то каждый разъ казнятъ себя, подавая чрезъ то гибельные примѣры соблазновъ и подчиненнымъ своимъ. По сему имъ необходимо тѣмъ болѣе остерегаться грѣховныхъ поступковъ, что всякій грѣхъ ихъ убиваетъ не одну ихъ душу, но и души многихъ, увлекающихся ихъ примѣрами. Значитъ, подчиненнымъ надобно внушать, что они могутъ подвергнуться болѣе строгому наказанію, если не съумѣютъ совладѣть даже самолично съ собою; а начальникамъ,-что они будутъ еще отвѣчать за

преступленія своихъ подчиненныхъ, хотя бы сами за себя и спокойны были. Подчиненные обязаны тѣмъ внимательнѣе смотрѣть за собою, что на нихъ не лежитъ никакой заботы надзирать за другими; начальники же сколько должны заботиться о другихъ, столько не забывать и себя, и такъ ревновать о собственномъ благѣ, чтобы не сдѣлаться равнодушными къ охраненію блага и своихъ подчиненныхъ. Первымъ, когда кто изъ нихъ не умѣетъ управиться и самъ съ собою, говорится у Премудраго въ назиданіе: *иди ко мравію, о лѣниве, и позавидуй, видѣвъ пути его*; *или, иди ко пчелѣ, и увѣждь, коль сѣтательница есть: и буди мудрѣйшій ихъ* (et disce sapientiam-и поучись у нихъ мудрости) (Прит. VI. 6 и 8). А послѣднимъ дѣлается такая угроза: *сыне, аще споручишися за твоего друга, предаси твою руку врагу* (apud extraneum-постороннему); *сѣть бо крѣпка мужу свои устнѣ, и пленяется устнами своихъ устъ* (et illaqueatus es verbis oris tui, et captus propriis sermonibus-ты запутываешь себя въ сѣти устъ своихъ и закрѣпляешь себя собственными словами) (тамъ-же 1 и 2). Ибо поручиться за друга значитъ взять чужую душу на свою отвѣтственность или на свой страхъ. Поручитель какъ бы передаетъ себя въ распоряженіе врага (apud extraneum-въ распоряженіе другаго); потому-что ручательство постоянно связываетъ его, отчего прежде онъ былъ свободенъ. Онъ связалъ себя, какъ бы сѣтью, обязательною порукой своею, закрѣпилъ такъ сказать себя, какъ плѣнникъ и рабъ, собственными устами своими въ томъ, что, уча по обязанности добру тѣхъ, кто ему порученъ, онъ прежде всего будетъ подавать имъ собою живой примѣръ добраго согласія между ученіемъ и жизнію, наблюдая и за ними и строго преслѣдуя въ нихъ всякое разногласіе въ томъ. По сему-то Премудрый и увѣщеваетъ его,-далѣе,-не упадать духомъ среди такихъ трудныхъ обязанностей: *твори, сыне, яже*

азъ заповѣдаю ти, и спасайся: идеши бо въ руцѣ злыхъ за твоего друга; буди не ослабѣвая, поощряй же и твоего друга, его же испоручилъ еси; не даждь сна твоима очима, нижѣ да воздремлеши твоима вѣждома (тамъ-же 3 и 4). И конечно, тотъ, кому ввѣряется надзоръ за другими, обязанъ не только самъ бодрствовать, но и возбуждать ближняго отъ грѣховнаго сна: для него, какъ начальника, не достаточно подавать собою добрый примѣръ, если въ тоже время оставляетъ онъ на произволъ своихъ подчиненныхъ. Премудрый не удовольствовался словами: *не даждь сна твоима очима*, но къ нимъ присовокупилъ еще и слѣдующія: *нижѣ да воздремлеши твоима вѣждома*. Ибо дать сонъ очамъ значитъ для начальника совершенно пренебречь заботу о подчиненныхъ и не обращать на нихъ никакого вниманія; а воздремать вѣждями значитъ какъ бы видя не видѣть проступковъ въ подчиненныхъ и пропускать ихъ сквозь пальцы безъ всякаго обузданія. Вполнѣ спитъ тотъ начальникъ, который и не знаетъ и не исправляетъ своихъ подчиненныхъ; но тотъ не спитъ, а только дремлетъ, который хотя и знаетъ и видитъ ихъ недостатки и пороки, требующіе обличенія и искорененія, но по своей безпечности, соединенной съ какимъ-то тупоуміемъ и равнодушіемъ, не употребляетъ надлежащихъ мѣръ къ исправленію. Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что отъ дремоты не далекъ переходъ и къ совершенному засыпанію, такъ что не рѣдко начальникъ, не обращающій вниманія на безпорядки, ему извѣстные, и не принимающій противъ нихъ никакихъ мѣръ исправительныхъ, доходитъ до такого небреженія о своемъ долгѣ, что уже ни знать ни слышать не хочетъ о безпорядкахъ въ своемъ управленіи.

Итакъ, надобно увѣщевать начальствующихъ, чтобы они постоянно и неусыпно бодрствовали, обращая взоры свои повсюду и внутрьуду и внѣуду, подобно апокалипсическимъ

животнымъ небеснымъ (Апок. IV, 6 и 8. Iезек. гл. I), о которыхъ Писаніе говоритъ, что онѣ *исполнены* были *очесъ спреди и созади*, то есть, смотрѣли и внутрь своего круга и окрестъ. Такъ должны быть они внимательны и къ себѣ и къ другимъ. Надлежитъ выяснить имъ, что самое достоинство ихъ, постъ занимаемый ими въ обществѣ, самое положеніе ихъ,-все это требуетъ отъ нихъ, какъ начальниковъ, чтобы они въ одно и тоже время и за собою смотрѣли, прислушиваясь къ голосу внутренняго судіи своего, и за подчиненными своими наблюдали, подавая имъ напередъ примѣръ своею жизнію, какъ должно вести себя.

Подчиненнымъ же надобно внушать, чтобы они не осуждали опрометчиво жизни своихъ начальниковъ, если въ нихъ случится имъ замѣтить какой-либо недостатокъ или даже порокъ; потому что это осужденіе, хотя бы оно и справедливо было, можетъ иногда раздражить гордость начальника и повести къ тому, что онъ можетъ сдѣлаться чрезъ это еще хуже. Пусть они особенно остерегаются при этомъ высказывать противъ нихъ какія либо дерзости, и, если уже нельзя молчать противъ явныхъ ихъ пороковъ, пусть тогда судятъ и разбираютъ эти слабости, но не осуждаютъ личности ихъ, между собою такъ, чтобы это не препятствовало имъ быть почтительными къ ихъ сану, ради страха Божія, нисколько не выходя изъ подчиненія. Этотъ урокъ лучше всего можетъ быть уясненъ примѣромъ Давида. Когда врагъ и преслѣдователь его, Саулъ, вошелъ въ пещеру для *испражненія* (ad purgandum ventrem); въ то время Давидъ съ приближенными своими находился тамъ,-Давидъ, котораго давно уже и такъ не справедливо преслѣдовалъ царь. *Мужи Давидовы* тотчасъ стали разжигать въ немъ мщеніе и убѣждали его воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы *убить Саула*. Но Давидъ отвергъ предложеніе ихъ, *еже наnести руку на Христа* (*помазанника*) *Господня*.

Онъ только подошелъ къ царю, не давая себя замѣтить, и *отай отрѣзалъ воскрыліе одежды его* (1 Цар. XXIV, 4. 5. 7. 8. 11. 12). Что же знаменуетъ здѣсь собою Саулъ, какъ не худыхъ начальниковъ? и что Давидъ, какъ не добрыхъ подчиненныхъ? Какъ ни беззащитно было положеніе Саула, Давидъ устрашился однако же поразить его мечемъ: такъ и всякій подчиненный долженъ питать уваженіе къ начальникамъ и воздерживаться отъ всякихъ укоризнъ и порицаній, не дерзая уязвлять личности мечемъ языка своего, когда касается слабостей ея. Давидъ позволилъ себѣ только *отай* отрѣзать край одежды Саула: подобно сему и подчиненные могутъ скромно и безвредно для начальника судить о его дѣлахъ, но не осуждать его самого, какъ бы *отай* касаясь только ризы его; могутъ даже высказываться предъ нимъ, но съ кротостію и смиреніемъ Давида (тамъ же 9-17), рѣшаясь на это не безъ трепета, подобно тому же Давиду, о которомъ въ Писаніи замѣчено при этомъ: *и бысть по сихъ, и востреста Давиду сердце его, яко отрѣза воскрыліе одежды Саула* (тамъ же стих. 6). Такимъ образомъ начальниковъ не должны осуждать подчиненные, хотя бы дѣла ихъ и достойны были осужденія. Если же языкъ нашъ иногда погрѣшаетъ въ этомъ, то сердце наше должно искупить этотъ грѣхъ покаяніемъ, чтобы намъ самимъ не подпасть суду Того, отъ Кого *предержащія власти* установлены. Ибо возставать противъ начальниковъ значитъ возставать противъ Того, Кто даровалъ имъ власть и поставилъ ихъ начальствовать надъ нами: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. XIII, 1 и 2). Посему то и Моисей, когда узналъ, что народъ ропщетъ на него и Аарона, сказалъ: *мы же что есмы? не на насъ бо роптаніе ваше, но точію на Бога* (Исх. XVI, 8).

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ должно наставлять слугъ и какъ господъ.

Наставленіе 5.

Иначе должно наставлять слугъ, иначе-господъ. Учите слугъ всегда имѣть въ виду смиренную долю ихъ состоянія; учите владыкъ и господъ не забывать, что и они, по природѣ, такіе же люди, какъ ихъ рабы и слуги. Слугамъ и рабамъ надобно внушать, что они оскорбляютъ Бога гордымъ противленіемъ Его волѣ, если презираютъ своихъ господъ и владыкъ неповиновеніемъ своимъ; а владыкамъ и господамъ напоминать, что и они также оскорбляютъ Бога гордымъ злоупотребленіемъ Его дара, если не признаютъ и не допускаютъ равенства себѣ по природѣ въ тѣхъ, которые подчинены имъ и надъ которыми господствуютъ они по случайнымъ и условнымъ обстоятельствамъ. Первые должны помнить, что они-слуги и рабы своихъ господъ и владыкъ; а послѣдніе не должны забывать, что они-нечуждые своимъ слугамъ и рабамъ, а ближніе ихъ, имѣющіе по природѣ право на братолюбивое съ ними обращеніе. Ибо какъ однимъ сказано: *рабы, послушайте по всему плотскихъ господій вашихъ* (повинуйтесь во всемъ господамъ вашимъ по плоти), *не предъ очима точію работающе* (служа имъ), *аки человѣкоугодницы, но въ простотѣ сердца, боящеся Бога* (Кол. III, 22), и еще: *рабы, повинуйтесь во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (1 Пет. II, 18), и: *елицы суть подъ игомъ рабы, своихъ господій всякія чести да сподобляютъ* (1 Тим. VI, 1); такъ и другимъ повелѣвается: *и вы господіе, таяжде творите къ нимъ, послабляюще имъ прещенія, вѣдуще, яко и вашъ самыхъ и тѣхъ Господь есть на небесѣхъ* (Ефес. VI, 9).

ГЛАВА VIII.

Какимъ образомъ должно наставлять мудрыхъ міра сего и какъ скудоумныхъ.

Наставленіе 6.

Иначе должно наставлять мудрыхъ міра сего, иначе-скудоумныхъ. Первыхъ увѣщавайте не тщеславиться и не зазнаваться тѣмъ, что́ они знаютъ: а послѣднихъ-познать то́, чего они не знаютъ. У тѣхъ прежде всего разрушьте въ умѣ ихъ предубѣжденія въ томъ, что они мудры; а у этихъ прямо назидайте сердца знаніемъ мудрости верховной, такъ какъ они готовы къ воспринятію ея, будучи чужды всякой гордости. Тѣхъ научите сдѣлаться мудробуйными, не гоняться за глупою мудростію вѣка, а полюбить и изучить мудрое юродство Божіе; этихъ же убѣждайте отъ мнимаго юродства перейти къ истинной мудрости и сродниться съ нею поближе. Ибо тѣмъ Писаніе говоритъ: *аще кто мнится мудръ б ти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ; премудрость бо міра сего буйство у Бга есть* (1 Кор. III, 18 и 19); а объ этихъ въ томъ же Писаніи сказано: *немнози премудри по плоти, буйи міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (тамъ же I, 26 и 27). Тѣ удобнѣе вразумляются доводами отъ ума; на этихъ болѣе дѣйствуютъ наглядные примѣры. На тѣхъ тогда только можно дѣйствовать съ успѣхомъ, когда опровергаются и разбиваются доказательства ихъ умствованія, и такимъ только образомъ они, видя себя обезоруженными, могутъ сдаться побѣжденными; а для этихъ достаточно иногда бываетъ указать на похвальныя дѣла подобныхъ имъ людей. Посему-то и апостолъ Павелъ, этотъ великій учитель Церкви, который *долгомъ* своимъ считалъ *благовѣствовать* и *мудрымъ и неразумнымъ* (невѣждамъ) (Рим. I, 14 и 15), когда писалъ посланіе къ Евреямъ, изъ которыхъ одни считались

мудрецами, а другіе скудоумными, первымъ, доказывая исполненіе Ветхаго Завѣта, говорилъ между прочимъ: *внегда же глаголетъ, новъ, обветши перваго; а обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія* (Евр. VIII, 13), и такимъ образомъ побѣждалъ ихъ мудрость; а послѣднихъ, надѣясь лучше убѣдить въ вѣрѣ наглядными примѣрами, такъ и убѣждалъ, и въ томъ же посланіи, послѣ перечисленія множества образцовыхъ примѣровъ таковыхъ, въ заключеніе говорилъ имъ: *друзіи же* (святые) *руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша, ихъ же не бѣ достоинъ* (весь) *міръ.... поминайте же наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (тамъ же XI, 36-38. XIII, 7). Такимъ образомъ апостолъ надъ одними торжествовалъ посредствомъ умозрительныхъ доводовъ, а на другихъ дѣйствовалъ наглядными примѣрами, увлекая ихъ послѣдовать чрезъ подражаніе великимъ мужамъ древности.

ГЛАВА IX.

Какимъ образомъ должно наставлять распутныхъ и безстыдныхъ; какъ благонравныхъ и стыдливыхъ.

Наставленіе 7.

Иначе должно наставлять распутныхъ и безстыдныхъ; а иначе-благонравныхъ и стыдливыхъ. На распутныхъ и безстыдныхъ надобно дѣйствовать строгими и жесткими мѣрами, чтобы обзудать укоренившіеся въ нихъ пороки; а благонравныхъ и стыдливыхъ нужно располагать къ исправленію въ погрѣшностяхъ скромнымъ увѣщаніемъ. Первые не отстанутъ отъ своихъ пороковъ дотолѣ, доколѣ не будутъ

учащены настоятельныя противъ нихъ обличенія и обузданія; а для исправленія послѣднихъ достаточно напомнить только имъ о ихъ погрѣшностяхъ. Тѣхъ нужно разить прямо и открыто для лучшаго достиженія цѣли; а этихъ довольно слегка и какъ бы стороною касаться для бо́льшаго успѣха. Такъ и Господь, обличая безстыдство и распутство преступницы-іудейской націи, открыто упрекалъ ее чрезъ пророка въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдитися* (Іерем. III, 3). Когда же она являлась цѣломудреннѣе и стыдливѣе, тогда и Господь обращался къ ней мягче съ согрѣтыми любовію словами: *не бо́йся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси; понеже срамоту юности твоея забудеши, и укоризны вдовства твоего не помянеши ктому: яко Господь сотворивый тя и избавивый тя*-съ тобою[2]) (Исаіи LIV, 4 и 5). Такъ и апостолъ Павелъ открыто порицалъ явно погрѣшавшихъ галатянъ противъ его благовѣствованія, пиша къ нимъ въ своемъ посланіи: *чуждуся, яко тако скоро прельщаетеся отъ звавшаго вы благодатію Христовою во ино благовѣствованіе... О несмысленніи галате! кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ?... Тако ли несмысленни есте, начеше духомъ, нынѣ плотію скончаваете?* (Гал. 1, 6. III, 1 и 3). А скромнымъ и благонравнымъ филиппійцамъ, которыхъ называетъ въ посланіи *вѣнцомъ* проповѣди своей, сдѣлалъ только легкій намекъ о той винѣ ихъ, какую допустили они въ отношеніи къ нему, по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, и то съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ: *возрадовахся о Господѣ вельми*, говоритъ онъ имъ, *яко уже* вновь *воспомянусте пещися о мнѣ; понеже и печастеся, но неудобнымъ временемъ обдер-*

---

[2]) Текстъ этотъ удержанъ болѣе по подлиннику.

жастеся (Филип. IV, 1 и 10). Тамъ была важная погрѣшность,-и она поставляется на видъ безъ всякой пощады; здѣсь замѣчается о не такъ важной и притомъ какъ бы невольной винѣ,-и она прикрывается однимъ ласковымъ напоминаніемъ, даже оправдывается ее Апостолъ обстоятельствами.

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ должно наставлять самонадѣянныхъ и дерзкихъ; какъ—малодушныхъ и робкихъ.

Наставленіе 8.

Иначе должно наставлять самонадѣянныхъ и дерзкихъ; а иначе-малодушныхъ и робкихъ. Первые, слишкомъ много думая о себѣ, презираютъ и уничижаютъ другихъ; а послѣдніе, чрезъ мѣру живо сознавая свои немощи, часто впадаютъ въ отчаяніе. Тѣ во всѣхъ поступкахъ своихъ видятъ одну только хорошую сторону; а эти всѣ дѣла свои признаютъ ничего не заслуживающими, кромѣ презрѣнія, и потому сокрушаются безнадежностію.

Что касается до самонадѣянныхъ и дерзкихъ, то проповѣдникъ въ обличеніи своемъ съ большимъ искуствомъ долженъ разбирать дѣла ихъ, дабы показать имъ, что всѣ ихъ поступки, коими они столько услаждаются, оскорбительны для Бога. И мы удобнѣе можемъ исправить такого рода людей, когда раскроемъ предъ ихъ взоромъ всю нечистоту дѣйствій, въ которыхъ они привыкли видѣть одно только доброе и совершенное, и покажемъ имъ въ назиданіе, что все то, въ чемъ они поставляютъ свою славу, сопровождается и послужитъ для нихъ безчестіемъ. Если же они не сознаютъ своей дерзости въ самонадѣянности, считая себя правыми; то для удобнѣйшаго обращенія ихъ можно указывать имъ на таковые же поступки другихъ лицъ, проступки коихъ сдѣлались уже извѣстными чрезъ оглашеніе,

и такимъ образомъ, въ лицѣ другихъ изобличая ихъ же самихъ, заставить ихъ сознаться, что они неправы въ томъ, въ чемъ защищаютъ себя. Такъ апостолъ Павелъ, замѣтивши, что между коринѳянами явился духъ рвенія, распрей и самонадѣянной дерзости, такъ что одинъ говорилъ: *азъ есмь Павловъ*, другой: *азъ Аполлосовъ* или *Кифинъ*, иной: *азъ же Христовъ* (1 Кор. I, 12),-представилъ имъ преступленіе кровосмѣсителя, совершившееся у нихъ же и оставленное ими безъ исправленія. Онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: *слышится въ васъ блужденіе, и таково блуженіе, яковоже ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчую; и вы разгордисте, и не паче плакасте, да изметься отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе* (тамъ же V, 1 и 2). Онъ какъ бы такъ говорилъ: не дерзко ли вы поступате, называя себя послѣдователями то того, то другаго, тогда какъ вы же сами своимъ нерадѣяніемъ показываете, что никому не слѣдуете?

Напротивъ того, малодушныхъ и робкихъ мы можемъ расположить къ лучшей жизни тогда, когда представимъ имъ добрыя ихъ качества въ лицѣ другихъ, съ тѣмъ-чтобы, обличая въ нихъ дурные поступки, присоединить къ тому проникнутую любовію похвалу и за добрые; потому что похвала ободрятъ слабыя души, а строгое обличеніе повергаетъ ихъ въ уныніе. Иногда же полезно бываетъ указать имъ даже прямо на ихъ добрыя дѣла. А что́ касается до погрѣшностей, замѣчаемыхъ въ нихъ; то мы не должны нападать на оныя, какъ на дѣйствительныя, а должны только предохранять отъ нихъ, какъ отъ возможныхъ, такъ чтобы и достойное одобренія поддерживалось и возрастало въ нихъ нашимъ участіемъ, и заслуживающее порицанія ослаблялось и наконецъ вовсе искоренялось при нашемъ скромномъ напоминаніи. Посему-то тотъ же апостолъ Павелъ, узнавши, что ѳессалоникійцы, не смотря на то́, что твердо держались

ученія вѣры, имъ преподаннаго, стали предаваться унынію въ ожиданіи якобы скораго пришествія Господня и кончины міра,-какъ было возвѣщаемо имъ,-сперва обращаетъ вниманіе на ихъ твердость вѣры и похваляетъ ихъ за нее, а потомъ уже съ благоразумною осторожностію обращается къ ихъ слабости и укрѣпляетъ ихъ. Онъ напередъ говоритъ имъ: *благодарити должни есмы Бога всегда о васъ, братіе, якоже достойно есть, яко превозрастаетъ вѣра ваша и множится любовь единаго коегождо всѣхъ васъ другъ ко другу; яко самымъ намъ хвалитися о васъ въ церквахъ Божіихъ о терпѣніи вашемъ и вѣрѣ* (2 Сол. I, 3 и 4). Похваливши такимъ образомъ ихъ вѣру и любовь, онъ переходитъ затѣмъ къ главному предмету наставленія своего: *молимъ же вы, братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и нашемъ собраніи о Немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума* (не спѣшить колебаться умомъ), *ни ужасатися, ниже́ духомъ, ниже́ словомъ, ни посланіемъ яко отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ* (тамъ же II, 1 и 2). Такъ св. апостолъ, какъ богомудрый учитель, прежде восхваляетъ въ нихъ добрую сторону, а потомъ уже предлагаетъ имъ въ ихъ слабостяхъ наставленіе, чему они должны слѣдовать. Зная о малодушіи унывающихъ и видя ихъ смущеніе, онъ не прибѣгаетъ къ обличенію въ нихъ этихъ слабостей, а только, какъ бы не зная того, предохраняетъ ихъ отъ страха и тревоги, какъ могущихъ имѣть на нихъ вредное вліяніе; иначе, если бы онъ высказалъ имъ, что ему извѣстно это состояніе ихъ, тогда они еще болѣе смутились бы, признавая себя тѣмъ болѣе достойными порицанія, чѣмъ болѣе скрывали это отъ него.

ГЛАВА XI.

Какимъ образомъ должно наставлять нетерпѣливыхъ и какъ терпѣливыхъ.

Наставленіе 9.

Иначе должно наставлять нетерпѣливыхъ, иначе-терпѣливыхъ. Нетерпѣливымъ, которые обыкновенно бываютъ вспыльчивы, раздражительны, сердиты, надобно ставить на видъ, что въ этомъ состояніи, какъ состояніи неестественномъ, они могутъ увлекаться въ бездну многихъ преступленій, о которыхъ и не помышляютъ; ибо ярость гнѣва влечетъ душу нашу къ тому, къ чему она въ обыкновенномъ состояніи вовсе не расположена, и мы безъ сознанія совершаемъ то, о чемъ послѣ, пришедши въ сознаніе, скорбимъ и жалѣемъ. Надобно представить имъ и то, что мы, совершивши что либо въ разгарѣ гнѣва, часто едва можемъ припомнить, что было съ нами въ семъ состояніи. Во гнѣвѣ мы часто забываемъ и тѣ добрыя дѣла, которыя совершены нами въ спокойномъ состояніи духа, и то, что стоило намъ великихъ и продолжительныхъ трудовъ, мы вдругъ разрушаемъ. Чрезъ нетерпѣніе мы теряемъ даже любовь, которая по справедливости признается матерію и хранительницею всѣхъ добродѣтелей; ибо любовь, по слову Апостола, *долготерпитъ* (1 Кор. XVII, 4). Чрезъ нетерпѣніе мы теряемъ и разумъ, которымъ поддерживается самая любовь; ибо *долготерпѣливъ мужъ*, по словамъ Премудраго, *многъ въ разумѣ* (Прит. XIV, 29). Итакъ, кто не терпѣливъ, тотъ не имѣетъ любви, и чѣмъ меньше кто терпѣливъ, тѣмъ меньше въ немъ разума. И тотъ пастырь-учитель не много принесетъ пользы для своей паствы, кто въ жизни не умѣетъ и не можетъ терпѣливо переносить скорби и огорченія. Чрезъ нетерпѣніе человѣкъ часто дѣлается высокомѣрнымъ и гордымъ; ибо, не терпя презрѣнія и униженія, онъ старается выказать предъ всѣми, что есть въ немъ

добраго, чтобы только выставить себя на показъ, и такимъ образомъ отъ нетерпѣнія переходитъ къ тщеславію. Посему-то сказано: *благъ терпѣливый паче высокаго духомъ* (Еккл. VII, 9); потому что мужъ терпѣливый лучше согласится терпѣть зло, нежели тщеславиться добромъ, тогда какъ гордый духомъ всегда готовъ превозноситься даже мнимымъ добромъ, только бы ему не потерпѣть ни малѣйшаго зла, будучи не въ состояніи терпѣливо переносить его. Итакъ, поелику мы, теряя терпѣніе, разрушаемъ и другіе добродѣтели, то не напрасно повелѣно Іезекіилю сдѣлать *углубленіе* въ жертвенникѣ храма (Іезек. XLIII, 13), чтобы удобнѣе сохранялись возлагаемыя на него жертвы. Ибо если бы жертвенникъ не имѣлъ углубленія, то находящіяся на немъ жертвоприношенія удобно могли бы быть разносимы вѣтромъ во время всесожженія. Что же такое жертвенникъ Господень, какъ не душа праведника? Что такое приношенія, здѣсь упоминаемыя, если не дѣла добрыя благочестивой души, которыя творя каждый разъ возлагаетъ она на себя, какъ жертву на жертвенникъ, предъ взоромъ Божіимъ? Что такое углубленіе въ жертвенникѣ, если не терпѣніе праведнаго, терпѣніе которое, смиряя человѣка въ несчастіи, дѣлаетъ какъ бы углубленіе въ его душѣ? Пусть же будетъ углубленіе въ жертвенникѣ, чтобы вѣтеръ не разсѣялъ предложенной на немъ жертвы, то есть, пусть избранные будутъ терпѣливы, чтобы нетерпѣніе не разсѣяло, подобно вѣтру, добрыхъ дѣлъ ихъ. Что же значитъ, далѣе, самая мѣра этого углубленія-лакоть единъ (fossa unius cubiti тамъ же), какъ не взаимное единеніе душъ, происходящее отъ терпѣнія и любви? Посему и апостолъ Павелъ говоритъ: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 2). Ибо законъ Христовъ есть любовь единенія, и сей законъ исполняютъ только тѣ, которые не ослабѣваютъ и среди тягчайшихъ бѣдствій. Пусть

же не воздерживающіеся отъ гнѣва послушаютъ, что говоритъ еще Премудрый: *лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго, удерживаяй же гнѣвъ паче вземлющаго градъ* (Прит. XVI. 32)., И дѣйствительно, брать города не такъ важно, какъ удержать побѣду надъ гнѣвомъ силою терпѣнія: ибо тамъ побѣждается то, что внѣ насъ, а здѣсь то, что въ насъ самихъ: здѣсь душа наша силою терпѣнія саму себя покоряетъ и беретъ въ свою же власть. Пусть услышатъ они слова самой Истины, вѣщающей своимъ избраннымъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI 12). И мы такъ видно созданы, что въ насъ разумъ управляетъ душею, а душа-тѣломъ. Но душа лишается власти надъ тѣломъ, если сама не подчиняется разуму. Посему Господь стражемъ нашего благосостоянія поставилъ терпѣніе, въ которомъ собственнымъ примѣромъ научилъ насъ владѣть самими собою. Сколь же велика посему вина-потерять терпѣніе! Это значитъ-потерять власть надъ собою. Пусть еще услышатъ нетерпѣливые, что́ говоритъ Господь чрезъ Соломона: *весь гнѣвъ свой произноситъ безумный; премудрый же скрываетъ по части* (Прит. XXIX, 11), предоставляя дѣло будущему. Ибо душа нетерпѣливаго, въ безуміи своемъ, изрыгаетъ всю злобу свою тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безсильнѣе въ немъ разумъ; напротивъ того мудрый обуздывая въ себѣ всякій гнѣвъ, воздерживается отъ него и ждетъ будущаго: онъ не желаетъ мщенія ближнему, хотя бы и потерпѣлъ отъ него какую-либо обиду, но терпѣливо переноситъ ее и всегда готовъ прощать его, зная, что на будущемъ судѣ Божіемъ всѣмъ и каждому воздастся по дѣломъ.

На терпѣливыхъ же должно дѣйствовать инымъ путемъ: имъ надобно внушать, чтобы они при внѣшнемъ терпѣніи имѣли и внутреннее, не давая тайной скорби гнѣздится въ душѣ своей; иначе-ихъ жертва, снаружи чистая, приправленная мукою и солью, будетъ отравлена внутри заразою

злобы. Положимъ, что это укроется отъ людей, но предъ взоромъ испытующаго сердца и утробы грѣхъ сей явится во всей наготѣ, и скрываемая скорбь будетъ тѣмъ преступнѣе, чѣмъ большею добродѣтелію казалась она для людей-эта мнимая жертва наша. Итакъ тѣ, которые терпѣливо переносятъ обиды, пусть вмѣстѣ съ этимъ стараются оказывать и любовь свою къ обидѣвшимъ ихъ; иначе-терпѣніе ихъ, не сопровождаемое любовію, можетъ обратиться въ ожесточенную ненависть. Поэтому апостолъ Павелъ, сказавши: *любы долготерпитъ*, тотчасъ же прибавляетъ: (любы) *милосердствуетъ* (1 Кор. XIII, 4). Чрезъ это онъ показываетъ, что исполненное любви сердце не только переноситъ обиды по терпѣнію, но и никогда не перестаетъ любить по милосердію. Оттого-то тотъ же учитель, побуждая учениковъ своихъ къ терпѣнію и взаимной любви, послѣ сказанныхъ имъ словъ: *всяка горечь, и гнѣвъ, и ярость и кличь, и хула да возмется отъ васъ*, прибавляетъ и сіи: *со всякою злобою* (Ефес. IV, 31). Такъ, онъ сперва указалъ на внѣшнее воздержаніе, а потомъ обращается къ внутреннему; ибо тщетно сталъ бы кто-нибудь воздерживаться отъ всякихъ внѣшнихъ обнаруженій гнѣва, если внутри его господствуетъ злоба-этотъ источникъ пороковъ, подобно тому, какъ тщетно стали бы мы отсѣкать испорченныя вѣтки дерева снаружи, если порча его кроется внутри въ самомъ корнѣ. Не потому ли и сама Истина небесная изрекла: *любите и враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы, и молитеся за творящихъ вамъ обиду* (Лук. VI, 27 и 28)? Итакъ въ глазахъ людей терпѣніе-добродѣтель, а предъ Богомъ добродѣтель-любовь; ибо Ему благоугодна только та жертва, которую возжигаетъ предъ Его взоромъ пламень любви на алтарѣ добрыхъ дѣлъ. Поэтому Спаситель и въ другомъ мѣстѣ обращается къ тѣмъ, которые лицемѣрно являютъ терпѣніе, а въ сердцѣ своемъ

не имѣютъ любви, съ такими словами: *что же видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бревна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (Мат. VII, 3. Лук. VI, 41)? Здѣсь подъ сучкомъ въ глазѣ можно разумѣть возмущеніе или проявленіе (perturbatio) нетерпѣнія, а подъ бревномъ въ глазѣ-злобу въ сердцѣ. Первое зависитъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ искушенія, а послѣднее заключается въ закоренѣлости и неизмѣнности самой злобы. И потому кстати далѣе затѣмъ сказано: *лицемѣре, изми первѣе бревно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (тамъ же 5 и 42). Этими словами какъ бы такъ сказано питающему и скрывающему внутри себя скорбь злобы, а наружу заявляющему себя чистымъ и неукоризненнымъ подъ видомъ притворнаго терпѣнія: изгони прежде изъ себя тяготѣющаго надъ тобою духа злобы, и тогда обличай другихъ въ слабости ихъ нетерпѣнія; иначе, если ты не постараешься избавиться отъ него, преодолѣвъ въ себѣ лицемѣріе, то для тебя будетъ еще хуже брать на себя тяжелое бремя чужихъ грѣховъ. Нерѣдко еще случается съ нами, что мы въ то время, когда терпѣливо переносимъ бѣдствія и огорченія, никакой скорби не питаемъ въ себѣ и блюдемъ чистоту сердца отъ всякой злобы; но потомъ, приводя себѣ на память то, что́ мы вынесли и претерпѣли, начинаемъ скорбѣть о нашемъ минувшемъ уже бѣдственномъ состояніи, даже иногда стыдимся своей терпѣливости, какъ будто робости или слабости, изыскиваемъ средства къ мщенію и прежнюю кротость превращаемъ въ злобу. Въ этомъ случаѣ пастырь-проповѣдникъ наилучшую можетъ оказать услугу поучаемымъ терпѣливцамъ своимъ, если раскроетъ и объяснитъ имъ, что́ за причина таковой съ нами перемѣны. Онъ долженъ тутъ указать имъ главнымъ образомъ на исконнаго врага нашего спасенія, съ которымъ мы должны вести постоянную борьбу. Ибо этотъ коварный врагъ,

котораго самъ Спаситель называетъ *человѣкоубійцею искони* (Іоан. VIII,44), всегда старается вооружать одного изъ васъ противъ другого, возбуждая въ одномъ вражду, а въ другомъ мщеніе Но, побѣдивъ одного-враждующаго и наносящаго обиду, этотъ врагъ часто побѣждается другимъ-терпѣливо переносящимъ наносимую ему обиду и воздерживающимся отъ мщенія враждующему. Тутъ-то врагъ, побѣдитель одного, надъ которымъ успѣлъ восторжествовать, не одержавши побѣды надъ другимъ, мужественно отразившимъ его на открытой брани, начинаетъ противъ него брань тайную, болѣе опасную, выжидая благопріятнаго времени для обольщенія. Проигравши сраженіе въ открытомъ полѣ, онъ прибѣгаетъ къ тайнымъ и сокровеннымъ козиямъ, разставляетъ ему сѣти повсюду, а самъ укрывается въ засадѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе уловить свою жертву. По окончаніи явной борьбы, во время покоя и тишины, онъ прокрадывается въ душу своего побѣдителя, приводитъ ему на память или потери вещественныя или обиды нравственныя, и все причиненное ему, выставляя въ видѣ преувеличенномъ, представляетъ дѣломъ нестерпимымъ и не выносимымъ, такъ что нерѣдко приводитъ побѣдителя своего въ такое смущеніе, что тотъ стыдится уже своей терпѣливости, смотря на нее не какъ на добродѣтель, а какъ на слабость и малодушіе, и такимъ образомъ изъ побѣдителя дѣлается побѣжденнымъ, скорбитъ о томъ, что оставилъ оскорбителя своего безъ отмщенія, а наконецъ ищетъ случая воздать ему сугубо. Таковыя терпѣливцы похожи бываютъ на тѣхъ воиновъ, которые мужествомъ своимъ въ открытой борьбѣ побѣждаютъ, но потомъ въ стѣнахъ города ими же занятаго, чрезъ свою оплошность, сами попадаютъ въ сѣти и уловляются. Они похожи еще на тѣхъ, которыхъ острыя болѣзни не сокрушаютъ; но медленно дѣйствующіе лихорадочные припадки (leniter veniens recidiva febris) и часто повторяю-

щіеся убиваютъ ихъ. Поэтому ихъ надобно предостерегать, чтобы они, одерживая побѣду надъ врагомъ, не предавались безпечности, но зорко смотрѣли за нимъ и не переставали ограждать себя отъ его нападеній вражескихъ; чтобы не забывали того, что врагъ, побѣжденный въ борьбѣ открытой, не останавливается на томъ, а вступаетъ въ болѣе опасную борьбу закрытую; чтобы они страшились не столько тяжкихъ болѣзней, но рѣдкихъ и скоропреходящихъ, сколько слабыхъ недуговъ, но за то продолжительныхъ и возвращающихся: иначе лукавый врагъ въ концѣ концовъ можетъ восторжествовать надъ своимъ противникомъ, и тѣмъ съ большею гордостію и тщеславіемъ, чѣмъ продолжительнѣе и упорнѣе велась борьба.

ГЛАВА XII.

Какимъ образомъ должно наставлять доброжелательныхъ и какъ завистливыхъ.

Наставленіе 10.

Иначе должно наставлять доброжелательныхъ, иначе-завистливыхъ. Учите первыхъ-сорадоваться благосостоянію ближнихъ столько же, сколько и сами они желаютъ себѣ того же. Пусть они восхваляютъ съ любовію добрыя дѣла другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пусть подражаютъ имъ въ распространеніи и пріумноженіи оныхъ, чтобы не пришлось имъ, оставаясь на поприщѣ настоящей жизни хотя доброжелательными и благорасположенными къ подвигамъ чужимъ, но праздными зрителями оныхъ, остаться въ послѣдствіи безъ награды, которая предоставляется только подвизавшимся, и потомъ сокрушаться при видѣ побѣдныхъ пальмъ, полученныхъ тѣми, на подвиги коихъ они прежде смотрѣли праздно. Конечно, мы много погрѣшаемъ, если

не любимъ добрыхъ дѣлъ ближнихъ своихъ; но съ другой стороны мы не заслуживаемъ и награды- когда не подражаемъ, по возможности, тѣмъ добрымъ дѣламъ, которыя любимъ и превозносимъ въ другихъ. Таковыхъ людей надобно наводить на мысль, что если они не подражаютъ добрымъ дѣламъ, которыя сами одобряютъ и восхваляютъ въ другихъ; то они уподобляются на этотъ разъ праздным жителямъ пустыхъ увеселеній зрѣлищныхъ: для нихъ святость добродѣтелей есть тоже, что для сихъ суетность представленій на зрѣлищѣ, гдѣ любители этихъ зрѣлищъ вообще любятъ глазѣть на нихъ, удивляются искуству какихъ-нибудь фокусниковъ и комедіантовъ и превозносятъ ихъ похвалами, но не желаютъ подражать имъ и послѣдовать ихъ примѣру. Имъ надобно внушать, чтобы они, смотря на добрыя дѣла другихъ, были по внимательнѣе и къ себѣ, чтобы, любя и прославляя ихъ, не уклонялись и сами отъ подраженія имъ; потому что чрезъ таковое уклоненіе они тѣмъ большему подвергаются осужденію, чѣмъ больше любятъ и восхваляютъ то, чему не хотятъ подражать.

Завистливыхъ же вразумляйте, разсуждая съ ними о томъ, какъ слѣпы тѣ, которые томятся духомъ зависти при видѣ благо получія другихъ- чахнутъ отъ скорби при возвышеніи ихъ; какъ несчастны тѣ, которыхъ счастіе ближняго дѣлаетъ худшими: они и не замѣчаютъ того, что. сокрушаясь скорьбію при видѣ возрастающаго благосостоянія другихъ, они сами себя губятъ пагубою своей завистливой души. И что несчаснѣе этихъ страдальцевъ, когда счастіемъ ближняго своего они огорчаются и печалятся, и это самое огорченіе, эта самая печаль, какъ заслуживаемое ими наказаніе, повергаетъ ихъ въ худшее и худшее состояніе? Имъ надобно внушать и убѣдить ихъ въ томъ, что если бы они возлюбили достохвальныя дѣянія ближнихъ и ихъ

самихъ, съ которыми они сравниться не могутъ; то чрезъ это самое сдѣлались бы они участниками въ ихъ дѣлахъ. Ибо вѣрующіе соединяются между собою, подобно многимъ членамъ въ одномъ тѣлѣ, которые хотя и различаются между собою по своему назначенію, но не смотря на то согласными дѣйствіями своими составляютъ одно тѣло цѣлое, взаимно служа и помогая другъ другу; такъ: ноги видятъ при помощи глазъ, а глаза ходятъ при помощи ногъ; устамъ языка служитъ слухъ ушей, и взаимно съ слухомъ ушей сообразуется языкъ устъ; желудокъ поддерживаетъ руки, а руки работаютъ для желудка (1 Кор. XII, 12–27). Такимъ образомъ самое устройство тѣла нашего поучаетъ насъ, что и какъ должны мы дѣлать; и не безразсудно ли послѣ этого уклоняться отъ прямаго назначенія своего? Дѣла ближнихъ нашихъ, если только мы любимъ ихъ,-становятся нашими собственными дѣйствіемъ любви; и дѣла наши-ихъ собственными дѣйствіемъ той же любви. Пусть же размышляютъ завистливые, что́ значитъ любовь и какъ велика сила любви; когда, при помощи ея, мы безъ труда можетъ усвоивать себѣ то, что другимъ стоило трудовъ. А вы, пастыри, внушите имъ, что, не воздерживаясь и не охраняя себя отъ зависти, они предаются исконной злобѣ лукаваго врага, о которомъ сказано въ Писаніи: *завистію діаволею смерть вниде въ міръ* (Прем. Солом. II, 24). Ибо этотъ духъ злобы, потерявши небо, позавидовалъ человѣку, созданному для неба, и, погибши самъ, усугубилъ еще свое осужденіе погубленіемъ человѣка. Представте имъ сколько возможно нагляднѣе, чтобы они познали и уразумѣли, какимъ подвергаются они паденіямъ при розверзающейся предъ ними и постоянно разширяющейся безднѣ злодѣяній: ибо, не изгоняя зависти изъ сердца своего, они предаются и явнымъ преступленіямъ. Такъ, если бы Каинъ не позавидовалъ Авелю, котораго жертва была принята Бо-

гомъ, а его отвергнута; то онъ не рѣшился бы убить брата своего, какъ сказано въ Писаніи: *и призрѣ Богъ на Авеля и на дары его*, на Каина же и на *жертвы его не-взялъ*; *и опечалился Каинъ зѣло, и испаде лице его.... и воста Каинъ на Авеля брата своего, и уби его* (Быт. IV, 4. 5. 8). Значитъ, зависть была зародышемъ братоубійства; и Каинъ, видя Авеля превознесеннымъ, а себя униженнымъ, старался какимъ бы то ни было образомъ избавиться отъ него. Не мѣшаетъ завистливымъ указать и на то́, что эта внутренняя зараза, которою они снѣдаются, убиваетъ и уничтожаетъ въ нихъ и все то, что́ есть у нихъ добраго, какъ это подтверждаютъ слѣдующія слова Писанія: »здравіе сердца (души) оживляетъ и плоть, зависть же сокрушаетъ кости« (Прит. XIV, 30)[1]). Что́ же означаетъ здѣсь *плоть*, если не слабость и малодушіе? и что́ разумѣть подъ *костями*, какъ не дѣла, въ которыхъ видна твердость и сила? И очень часто случается, что одни, у которыхъ душа незлобива, въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ своихъ кажутся слабыми и робкими; другіе же, отличаясь въ глазахъ людей твердостію и силою, при видѣ счастія и перевѣса надъ ними другихъ, истаеваютъ отъ зависти, внутри разъѣдающей ихъ, и снѣдаются отъ злобы, силящейся всплыть наружу. Такъ оправдываются вышеприведенныя слова: *здравіе души оживляетъ плоть*; ибо если невинность души охраняется у насъ, то тѣмъ самымъ и свойственныя намъ немощи укрѣпляются, и-слѣдующія за ними: а *зависть сокрушаетъ кости*; потому что когда

[1]) Въ подлинномъ текстѣ св. Григорія, по Вульгатѣ, это мѣсто читается такъ: »vita carnium sanitas cordis, pulredo ossium invidia«, каковое чтеніе удержано и въ переводѣ нашемъ; въ нашей же славянской Библіи, по LXX-ти, выраженъ этотъ текстъ въ слѣдующихъ словахъ: *кроткій мужъ сердцу врачъ*; *моль же костемъ сердце чувственное.*

зависть овладѣваетъ нами, то и тѣ добрыя дѣла наши, въ которыхъ пріобрѣтается твердость и сила и которымъ люди удивляются, въ очахъ Божіихъ если не погибаютъ вовсе, то теряютъ свою цѣну и значеніе, такъ какъ *сокрушать кости* и значитъ сокрушать крѣпкое и здоровое.

ГЛАВА XIII.

Какимъ образомъ должно наставлять простодушныхъ и откровенныхъ; какъ-хитрыхъ и лукавыхъ

Наставленіе 11.

Иначе должно наставлять простодушныхъ и откровенныхъ; а иначе-хитрыхъ и лукавыхъ. Однихъ можно похвалять за то, что они за правило себѣ ставятъ-никогда не лгать; но вмѣстѣ съ тѣмъ можно имъ совѣтовать, чтобы и съ истиною умѣли иногда помолчать. Ибо какъ ложь всегда вредна говорящимъ ложное; такъ и сама истина, не въ пору возвѣщенная, можетъ иногда вредить слышащимъ ее. Посему и Господь, умѣряя рѣчь свою предъ учениками молчаніемъ, сказалъ имъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12). Такимъ образомъ простодушнымъ и откровеннымъ надобно предлагать и напоминать, чтобы они столькоже были осторожны для пользы другихъ въ высказываніи истины во время и кстати, сколько съ пользою для себя и безъ вреда для другихъ воздерживаются они отъ всякой лжи. Пусть же они къ доброму качеству простоты своей присоединяютъ и необходимую доблесть благоразумія, такъ чтобы безопасность самой простоты обезпечивалась осторожностію мудрости. Сюда относятся слова апостола и учителя языковъ: *хощу васъ мудрыхъ убо быти во благое, простыхъ же въ злое* (Рим. XVI, 19), то есть, чтобы вы были мудры на добро, а просты на зло, и въ дру-

гомъ мѣстѣ: братіе, *не дѣти бывайте умы; но злобою младенчествуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. XIV, 20), то есть, на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни. И самая вѣчная Истина поучаетъ избранныхъ своихъ такъ: *будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Матѳ. X, 16), то есть, въ сердцахъ избранныхъ простотѣ должна содѣйствовать мудрость, свойственная зміямъ, а эта мудрость, въ свою очередь, должна быть умѣряема простотою, свойственною голубямъ; иначе одна безъ другой онѣ могутъ впадать въ заблужденія и погрѣшности.

Напротивъ того другимъ, т. е. хитрымъ и лукавымъ надобно уяснять и внушать, сколь тяжкія заботы и крушенія подъемлютъ они, когда, боясь обличенія своихъ коварствъ, изыскиваютъ ложныя и безсовѣстныя оправданія, испытывая притомъ каждый разъ безпокойныя подозрѣнія лицемѣрія своего. Между тѣмъ кто не знаетъ, что для защиты нѣтъ ничего безопаснѣе прямоты и неукоризненности, равно какъ и говорить правду ничего нѣтъ легче? а защищать ложь какихъ стоитъ трудовъ! *Трудъ устенъ ихъ покрыетъ я* (Псал. CXXXIX, 10), говоритъ Писаніе. Ибо этотъ трудъ, наполняющій теперь душу защищающаго неправду, въ свое время покроетъ его: теперь эта тяжесть тревожитъ душу пока заманчивымъ и привлекательнымъ безпокойствомъ; а будетъ время, когда она подавитъ ее всею строгостію возмездія. И у пророка Іереміи говорится: *научиша языкъ свой глаголати лжу, неправдовати* [1]), *и не восхотѣша обратитися* (Іер IX, 5). Здѣсь пророкъ какъ бы такъ говоритъ: тѣ, которые безъ труда могли быть друзьями истины, трудятся для лжи и неправды, и, не желая жить

[1]) Въ подлинникѣ: »ut inique agerent laboraverunt« — трудящася для неправды.

въ простотѣ сердца, сами измышляютъ себѣ путь къ смерти. И часто случается, что такіе люди, бывъ замѣчены въ преступленіи, но желая избѣжать обличенія и обнаруженія того, что̀ скрывается у нихъ въ душѣ, прибѣгаютъ къ обману и лжи, и такимъ образомъ подобно туману закрываютъ истину отъ взора правосудія, препятствуя ему открыть правду въ неправдѣ. А пророкъ Исаія, подъ именемъ Іудеи, мѣтко выражается о всякой душѣ согрѣшающей и во грѣхахъ своихъ изыскивающей оправданія: *тамо возгнѣздится ежъ* (Исаіи XXXIV, 15), говоритъ онъ. Здѣсь подъ именемъ ежа надобно разумѣть душу лукавую и скрытную, обладающую хитростію при защищеніи себя. И дѣйствительно! когда хочешь схватить ежа, то видишь и голову и ноги и все тѣло его; но какъ скоро схватишь его, то онъ тотчасъ прячетъ ноги, скрываетъ голову и весь какъ бы превращается въ шаръ, такъ что въ рукахъ оказывается какъ бы не то̀, что̀ видѣли глаза. Точно также поступаютъ и души лукавыя: когда замѣчаешь въ нихъ преступленія, то видишь, такъ сказать, и голову ихъ т. е. начало преступленія, и ноги т. е. какими путями оно совершается, и все преступленіе кругомъ; но коль скоро станешь обличать ихъ, то онѣ не замедлятъ прикрыть и ноги свои т. е. всѣ слѣды преступленія, и голову свою, измышляя разныя хитросплетенія, въ оправданіе себя, и запутывая ими все дѣло до того, что не находишь возможности уловить въ немъ ни начала ни конца, такъ что въ рукахъ обличителя являются они на подобіе замкнутаго и закрытаго въ себѣ ежеваго шара, съ острыми вокругъ иглами, къ коимъ и прикасаться не безопасно, чтобы самому себя не поранить. Такимъ образомъ гнѣздится ежъ въ хитрыхъ и лукавыхъ, у которыхъ злоба и коварство, сосредоточиваясь въ ихъ душѣ, скрывается какъ бы во мракѣ.

Пусть же еще выслушаютъ и тѣ и другіе, что̀ сверхъ

того говоритъ объ нихъ Писаніе. Такъ о первыхъ говоритъ Премудрый: *иже ходитъ просто, ходитъ надѣялся* (Прит. X, 9); а этотъ залогъ спокойствія душевнаго и безопасности нашей и составляетъ простота нашихъ дѣйствій. И въ другомъ мѣстѣ: *Духъ Святый наказанія отбѣжитъ льстива* (Прем. I, 5). И еще: »съ чистыми и непорочными сердцемъ бесѣда Его« (Прит. III, 32 [1]); бесѣдовать же Творцу съ твореніемъ своимъ значитъ открывать ему свои божественныя тайны чрезъ явленіе своего присутствія, и-бесѣдовать съ чистыми и непорочными сердцемъ душами человѣческими значитъ озарять и просвѣщать ихъ свѣтомъ сверхъестественнаго откровенія о путяхъ божественнаго домостроительства своего, какъ способныхъ къ воспріятію его, коихъ никакая тѣнь лукавства не помрачаетъ, тогда какъ все несчастіе лукавыхъ и состоитъ въ томъ, что они не способны къ тому. Превратными и коварными дѣйствіями своими обманывая другихъ, они еще тщеславятся этимъ, думая, что умомъ своимъ всѣхъ другихъ превосходятъ, и, не помышляя о строгости мздовоздаянія, эти несчастные восхищаются причиняемыми ими обидами другимъ и невоображаемымъ ими несчастіемъ своимъ. Противъ сихъ-то послѣднихъ пророкъ Софонія гремитъ правосудіемъ божественнаго наказанія, какое ожидаетъ ихъ: *близъ день Господень великій*, говоритъ пророкъ, *близъ и скоръ зѣло, гласъ дне Господня горекъ и жестокъ; силенъ день гнѣва, день той, день скорби и нужды, день безгодія и исчезновенія, день тмы и мрака, день облака и мглы,*

[1]) По Вулгатѣ и у св. Григорія этотъ текстъ читается такъ: »cum simplicibus sermocinatis Ejus«, то есть, съ простосердечными бесѣда его; а въ нашей славянской Библіи-иначе: *нечистъ предъ Господемъ всякъ законопреступникъ, и съ праведными не сочетавается.*

день трубы и вопля на грады твердыя и на углы высокія (Соф. 1, 14-16). Что же разумѣть здѣсь подъ *городами твердыми*, если не хитрыхъ и лукавыхъ людей, которые, сколько ни обличай ихъ, всегда ограждаютъ себя обманчивымъ и лживымъ оправданіемъ, какъ валомъ или стѣною, чтобы отразить отъ себя стрѣлы истины? И что означаютъ *высокіе углы*, какъ не двоедушное коварство тѣхъ же самыхъ людей (ибо въ углѣ всегда соединяются двѣ стѣны), которые, уклоняясь отъ прямоты и единичности истины, укрываются нѣкоторымъ образомъ сами въ себѣ по кривымъ и лживымъ путямъ двуличности, и, что еще хуже, воображая себя въ обольщеніи и мудрыми и опытными въ настоящей жизни, превозносятся постыдными дѣлами своими? И такъ настанетъ день мщенія и наказанія Господня надъ этими городами твердыми и углами высокими; ибо гнѣвъ послѣдняго суда ниспровергнетъ гордыню этихъ людей и разрушитъ ихъ упорное коварство противъ истины. Тогда въ *день гнѣва* падутъ эти *грады твердые* и обрушатся эти *углы высокіе*,-всѣ лукавые и двоедушные, по приговору вѣчной правды, погибнутъ отъ лица Божія.

ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ должно наставлять здоровыхъ и какъ больныхъ.

Наставленіе 12.

Иначе должно наставлять здоровыхъ, иначе-больныхъ. Здоровымъ надобно непрестанно напоминать, чтобы они пользовались тѣлеснымъ здоровьемъ съ пользою и для души; иначе, если они станутъ употреблять во зло этотъ даръ Божій, то сдѣлаются недостойными и могутъ лишиться его. Мало того, чѣмъ щедрѣе будутъ расточать его на зло, тѣмъ большимъ и тягчайшимъ подвергнутся за то наказаніямъ

и по тѣлу и по душѣ. Надобно постоянно подтверждать имъ, чтобы не пренебрегали благосостояніемъ здоровья, которымъ всегда должно пользоваться во благо. Такъ и въ Писаніи сказано: *се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. VI, 2). Не мѣшаетъ имъ подавать совѣтъ и внушать, чтобы творили они безотлагательно добрыя дѣла, Богу угодныя, пока въ силахъ и обстоятельства тому благопріятствуютъ; а не тогда принимались за это, когда трудно уже будетъ для нихъ, а можетъ быть и невозможно, хотя бы и хотѣли. По этому-то премудрость Божія оставляетъ въ послѣдствіи тѣхъ, которыхъ прежде призывала долго отвергавшихъ призваніе, и какъ бы съ соболѣзнованіемъ говоритъ: *понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя совѣты, и моимъ обличеніямъ не внимасте: убо и азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба* (Прит. I, 24 и слѣд.). И далѣе: *будете бо егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ; взыщутъ мене зліи, и не обрящутъ* (тамъ же 28). Такимъ образомъ когда здоровьемъ тѣлеснымъ пренебрегаютъ для дѣлъ добрыхъ; то цѣнность этого дара познается и чувствуется уже послѣ потери его. И безполезны уже тогда всѣ заботы о немъ, если въ свое время не употребили его въ пользу. Вотъ почему таже Премудрость Божія продолжаетъ говорить устами Соломона: *да не предаси иным*ъ »чести и славы твоей« (honorem tuum[1]), *и твоего житія* »врагу непріязненному« (crudeli adversario [2]); *да не насытятся инїи твоея крѣпости, твои же труды въ домы чуждыя внидутъ, и раскаешися напосль-*

---

[1]) Въ славянской библіи: *живота твоего*.

[2]) Въ той же Библіи: *немилостивымъ*.

докъ твой, егда истлѣются плоть тѣла твоего, и речеши: не послушахъ гласа наказующаго мя, и ко учащему мя не приклонихъ уха моего (тамъ же V, 9 и слѣд.). Кто же это *чуждые* намъ, какъ не духи злобы, отчужденные отъ отечества небеснаго? Въ чемъ состоитъ наша *честь и слава*, какъ не въ томъ, что, будучи созданы изъ персти земной, мы сотворены по образу и по подобію Творца нашего? И кто этотъ *врагъ непріязненный*, какъ не тотъ отпадшій ангелъ, который чрезъ гордость свою и самъ погубилъ себя на смертельныя мученія, и, погубивши самаго себя, погубилъ и родъ человѣческій, привнесши и въ него смерть? И такъ *честь и славу* свою предаетъ инымъ и притомъ *чуждымъ* тотъ, кто, будучи сотворенъ по образу и по подобію Божію, служитъ не Богу, а похотямъ духовъ злобы; и все *житіе* свое предастъ *безчеловѣчному врагу* своему тотъ, кто по волѣ этого человѣкоубійцы нескоднаго располагаетъ жизнію своею. Какъ кстати слѣдуютъ за симъ дальнѣйшія слова: *да не насытятся нищ твоея крѣпости, твои же труды въ домы чуждія внидутъ*. Ибо каждый изъ тѣхъ, кто надѣленъ отъ природы хорошимъ состояніемъ здоровья и здоровымъ смысломъ, но не занимается упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ, а погрязаетъ въ тинѣ пороковъ, тотъ умножаетъ горькими *трудами* своими не свой *домъ*, но обиталища *чуждыхъ* ему, то есть умножаетъ дѣла нечистыхъ духовъ своимъ невоздержнымъ *житіемъ* и своею гордостію, такъ что онъ, предавшись своему сунастату, увеличиваетъ собою число сыновъ погибельныхъ. А подъ конецъ, какъ бы въ заключеніе, говорится: *и раскаешися напослѣдокъ твой, егда иструтся плоти тѣла твоего*. Да большею частію такъ и бываетъ, что этотъ даръ тѣлеснаго здоровья нуждается порочною жизнію; но когда оно неожиданно подрывается, когда *плоть тѣла* нашего, такъ сказать, *истирается* (истощается)

отъ неизбѣжныхъ при этомъ потрясеній (molestiis) и тѣлесныхъ и душевныхъ, когда уже душа силится выйти изъ этого состоянія, тогда только пробуждается въ ней какъ бы для установленія надлежащаго порядка жизни потребность вожделѣннаго здоровья, находящагося уже въ худомъ положеніи и въ конецъ разстроеннаго. И тогда-то напослѣдокъ начинаютъ люди скорбѣть и *раскаеваться*, что не хотѣли служить Богу,-тогда, когда слабымъ служеніемъ своимъ не въ состояніи уже вознаградить тѣхъ потерь, какія допустили они своимъ нерадѣніемъ и своею безпечностію. Такъ и у Псалмопѣвца говорится: *егда убиваше я, тогда взискаху Его* (Псал. LXXVII, 34).

Напротивъ того больнымъ и немощнымъ надобно внушать мысль, что испытуемыя ими наказанія посылаются имъ для ихъ же вразумленія и служатъ имъ ручательствомъ въ томъ, что они-сыны Божіи. Ибо если бы у Бога не было въ предположеніи допустить къ наслѣдію царствія небеснаго только избранныхъ, прошедшихъ школу земнаго испытанія и очистившихся въ ней отъ всякія скверны, то Онъ не вѣлъ бы ихъ этимъ скорбнымъ и тѣснымъ путемъ воспитанія. Такъ Господь говоритъ чрезъ ангела къ тайновидцу Іоанну: *Азъ, ихже аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. III, 19). И въ другихъ мѣстахъ пишется: *сыне мой, не пренебрегай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣвай отъ него обличаемый: его же бо любитъ Господь, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Прит. III, 11. 12. Евр. XII, 5. 6). Такъ и Псалмопѣвецъ говоритъ: *многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. XXXIII, 20). И блаженный Іовъ также въ язвѣ лютой восклицалъ: *аще нечестивъ буду, лютъ мнѣ, аще же буду праведенъ, не могу возникнути* (въ латинскомъ текстѣ, читаемомъ у св. Григорія, выражено: »non levabo caput-не вознесу главы, т. е. не возгоржусь«), *испол-*

ненъ бо есмь бесчестія (Іов. X, 15). Нужно имъ разъяснить, что если они убѣждены въ томъ, что отечество ихъ на небесахъ; то непзбѣжно должны они переносить въ сей жизни, какъ пришельцы въ ней, разныя испытанія и тѣлесныхъ болѣзней и душевныхъ скорбей. И какъ при построеніи храма Соломонова золото, серебро, мѣдь, камень, дерево и всякій матеріалъ,-все приготовлялось внѣ, такъ что на самомъ мѣстѣ сооруженія его не слышно было звуковъ ни млата, ни топора, ни какого-либо орудія (3 Цар. VI, 7): такъ и мы здѣсь-на мѣстѣ временнаго пришельствія пріуготовляемся чрезъ многоразличныя испытанія, чтобы затѣмъ удостопться тамъ-въ вѣчности войти въ составъ нерукотвореннаго *храма Божія* и *церкви Бога жива*, очистивъ себя въ горнилѣ сей жизни, какъ очищается металлъ огнемъ, *въ честь и славу во откровеніи Іисусъ-Христа* (1 Кор. III, 9-17. 2 Кор. VI, 16. 1 Пет. I, 3-7). Можно еще предложить имъ на размышленіе и то, что если мы для полученія тлѣннаго и гибнущаго наслѣдства готовы бываемъ на самыя трудныя со стороны нашей пожертвованія; то какъ важны, какъ благодѣтельны и спасительны должны быть для насъ тѣ свыше посылаемыя намъ испытанія, чрезъ которыя достигаемъ наслѣдія вѣчнаго и нескончаемаго, избавляясь навсегда и самыхъ наказаній. Тоже и апостолъ Павелъ говоритъ: (аще) *плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся; не много ли паче повинемся Отцу духовъ, и живи будемъ? Они бо въ мало дней, якоже годѣ имъ бѣ, наказоваху насъ; а Сей на пользу, да причастимся святыни Его. Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣдиже наученымъ тѣмъ* (чрезъ него) *воздастъ плодъ миренъ правды* (праведности) (Евр. XII, 9-11).

Итакъ болящіе и немощные да познаютъ, сколь бла-

готворны для спасенія души тѣлесныя страданія, которыя приводятъ ее въ самосознаніе, и какъ часто цвѣтущее состояніе здоровья тѣлеснаго устраняетъ самую мысль и напоминаніе о немощахъ душевныхъ, такъ что душа, восхищаясь и гордясь прочностію и крѣпостію своей храмины, какъ бы не находитъ нужды и подумать о томъ, въ какомъ она сама находится состояніи, тогда какъ страданія тѣлесныя пробуждаютъ отъ усыпленія душу. Это хорошо выражаетъ собою Валаамъ (хотя онъ съ покорностію исполнилъ слово Божіе) въ самомъ замедленіи пути его. Валаамъ спѣшитъ достигнуть своего предположенія, но его желаніе задерживается безсловеснымъ животнымъ. Ослица, на которой онъ ѣхалъ верхомъ, сперва совращавшаяся съ пути, а потомъ вовсе остановившаяся, видитъ предъ собою Ангела съ мечемъ въ рукѣ, заграждавшаго ей путь, котораго Валаамъ не видитъ (Числ. XXII, 21 и дал.). Такъ часто и немощная плоть наша, подъ тяжестію скорбей и страданій, не въ состояніи будучи слѣдовать внушеніямъ духа, въ этомъ испытаніи своемъ указываетъ ему на посѣщеніе Божіе, котораго душа, управляющая ею, и не прозрѣваетъ, такъ что заботливость духа, стремящагося къ преуспѣяніямъ въ семъ мірѣ, плоть какъ бы задерживаетъ и останавливаетъ на пути, доколѣ духъ не ощутитъ присутствія этой невидимой силы, предваряющей его и какъ бы идущей ему навстрѣчу. Объ этомъ апостолъ Петръ говоритъ: *оставльше правый путь заблудиша, послѣдовавше пути Валаама, иже... обличеніе имѣ своего беззаконія: подъяремникъ безгласенъ, человѣческимъ гласомъ провѣщавше, возбрани пророка безуміе* (2 Пет. II, 15 и 16). И дѣйствительно, *безуміе* человѣка *обличается безсловеснымъ подъяремникомъ*, когда гордость ума его вразумляется удрученною плотію о томъ благѣ смиренія, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить. Но Валаамъ не воспользовался предло-

женнымъ ему вразумленіемъ, потому что онъ, продолжая путь для проклятія Израиля, измѣнилъ только языкъ свой, а въ душѣ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Пусть они (болящіе и немощные) размыслятъ, какой это даръ-скорби тѣлесныя, которыя и содѣянные нами грѣхи омываютъ и отъ могущихъ быть допущенными обуздываютъ насъ и воздерживаютъ: проистекая отъ внѣшнихъ страданій, онѣ наводятъ и на потрясенную ими душу ту печаль, *печаль по Бозѣ*, которая производитъ неизмѣнное *покаяніе во спасеніе* (2 Кор. VII, 10). Такъ и у Премудраго сказано: *раны и сокрушенія сритаютъ злыхъ* (по тексту Григорія »abstergunt mala-очищаютъ непотребства«), *язвы же въ сокровищахъ чрева* (Прит. XX, 30); потому что болѣзни тѣлесныя и скорби душевныя подъ ударами испытанія и содѣянныя неправды заглаждаютъ и отъ задумываемыхъ предотвращаютъ. Подъ названіемъ же чрева или утробы обыкновенно разумѣется душа, которая, подобно чреву воспринимающему и переваривающему пищу, чрезъ размышленіе вырабатываетъ свои думы. А что утроба называется духомъ, то это подтверждается слѣдующими словами того же Премудраго: *свѣтъ Господень дыханіе человѣкомъ, иже испытаетъ тайная утробы* (тамъ же ст. 27). Въ нихъ какъ бы такъ говорится: когда свѣтильникъ вдохновенія Господня озаряетъ душу человѣка, тогда этотъ свѣтъ освѣщаетъ и раскрываетъ ее предъ нею же самою, показывая, что она до наитія Духа Святаго могла только питать въ себѣ худыя помышленія и не умѣла здраво судить. Вотъ почему сказано: *раны и сокрушенія сритаютъ злыхъ* (очищаютъ непотребства наши), *язвы же въ сокровищахъ* (внутри) *чрева*; потому что когда совнѣ поражаютъ насъ несчастія, тогда мы съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ приводимъ себѣ на память поступки наши, сознаемъ всѣ содѣянныя нами прегрѣшенія и такимъ образомъ чрезъ

внѣшнія страданія болѣе и болѣе печалимся и скорбимъ во глубинѣ души о своихъ грѣхахъ, обращаясь на путь *покаянія во спасеніе*: при внѣшнихъ страданіяхъ тѣлесныхъ еще болѣе очищаютъ насъ внутреннія страданія душевныя, потому что внутренняя скорбь и *печаль*, *яже по Богѣ*, исцѣляетъ насъ отъ всѣхъ недуговъ нашихъ.

Пусть же эти страдальцы, для поддержанія своего терпѣнія, непрестанно размышляютъ о томъ, сколько страдалъ и всѣ страданія свои терпѣливо перенесъ Спаситель нашъ отъ тѣхъ, которые получили отъ Его творческихъ рукъ и бытіе и жизнь; Который столько претерпѣлъ отъ нихъ самыхъ уничижительныхъ поношеній; Который, ежедневно исторгая изъ-подъ власти исконнаго врага души плѣнныхъ, воспринималъ отъ ругавшихся надъ Нимъ заушенія; Который, омывая наши грѣховныя нечистоты животворною водою спасенія, не укрывалъ лица своего отъ оплеваній невѣрующихъ; Который, избавляя насъ своимъ ходатайствомъ и заступничествомъ отъ вѣчныхъ наказаній, безпрекословно и съ глубочайшимъ смиреніемъ переносилъ бичеванія и мученія; Который, воздавая намъ честь и хвалу среди хоровъ ангельскихъ, не отвращался отъ наносимыхъ Ему ударовъ ланитныхъ; Который, спасая насъ отъ мучительныхъ истязаній за грѣхи наши, самъ не отказался подклонить главу свою подъ терновый вѣнецъ за грѣхи чужіе; Который, напоя насъ сладостію вѣчной жизни, воспріялъ, томимый жаждою, горечь желчную; Который, будучи равенъ по божеству Отцу своему, молился Ему за насъ, и достопоклоняемый, среди насмѣшекъ и посмѣяній, въ послѣдній разъ обратившись къ Богу Отцу съ ходатайствомъ за своихъ распинателей (Лук. XXIII, 34) въ предсмертныхъ мукахъ на крестѣ, умолкъ и испустилъ духъ; Который, предъуготовляя жизнь вѣчную смертнымъ, самъ-источникъ всякія жизни, пріобщился смерти. И такъ что́ же немилосердаго

и жестокосердаго видятъ въ страданіяхъ, посылаемыхъ Богомъ людямъ за ихъ грѣхи,-страданіяхъ, въ которыхъ они, какъ въ горнилѣ, очищаются отъ своихъ недуговъ и душевныхъ и тѣлесныхъ, когда Богъ [1]) столько страдалъ и такія перенесъ мученія отъ людей за ихъ же грѣхи для удовлетворенія правдѣ Божіей и спасенія ихъ? Или кто не погрѣшитъ противъ здраваго смысла, заявляя негодованіе и ропотъ на испытуемыя нами страданія, когда и самъ Спаситель нашъ не избѣжалъ ихъ въ сей жизни, не будучи причастенъ грѣху?

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые удерживаются отъ злыхъ дѣлъ по страху наказаній; какъ напротивъ тѣхъ, которые ожесточены во злѣ до того, что на нихъ и наказанія не дѣйствуютъ.

Наставленіе 13.

Иначе должно наставлять удерживающихся отъ злыхъ дѣлъ по страху наказаній; а иначе-ожесточенныхъ во злѣ, на которыхъ и наказанія не дѣйствуютъ. Тѣмъ, которые руководятся однимъ страхомъ наказаній, полезно и необходимо разъяснять, что ни благамъ временнымъ не слѣдуетъ придавать большаго значенія, потому что этими благами, какъ сами они видятъ, наслаждаются и нечестивые, ни бѣдствій настоящихъ не должно страшиться, какъ бы испытаній невыносимыхъ, потому что эти бѣдствія, какъ не безъизвѣстно имъ самимъ, составляютъ здѣсь-на землѣ, по пре-

---

[1]) Здѣсь у св. отца ненамѣренно, конечно, но неосторожно допущена догматическая невѣрность: въ Бого-человѣкѣ страдало не божество, а человѣчество; и потому лучше и точнѣе вмѣсто »Богъ« сказать »Спаситель«, или »Искупитель«, или же по крайней мѣрѣ »Бого-человѣкъ«.

имуществу, удѣлъ людей добродѣтельныхъ. И если они поистинѣ желаютъ избавиться отъ бѣдствій и наказаній, то пусть страшатся вѣчныхъ мученій, но не пребываютъ навсегда въ этомъ страхѣ, а изгоняютъ его любовію, возрастая и утверждаясь въ ней силою благодати. Ибо и Писаніе такъ говоритъ: *совершенна любы вонъ изгонятъ страхъ* (I Іоан. IV, 18); и въ другомъ мѣстѣ: *не пріясте духа работы въ боязнь, но пріясте духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII, 15); и еще: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 17). Посему, кто воздерживается отъ злыхъ дѣлъ только страхомъ, у того нѣтъ свободы; ибо если бы онъ не боялся наказанія, то безъ сомнѣнія творилъ бы зло. Итакъ связанный рабскимъ страхомъ не вѣдаетъ благодатной свободы. Мы должны любить и творить добро потому, что оно добро, а не по страху наказанія. Кто же руководится страхомъ, тотъ хочетъ только удалить отъ себя предметъ страха, чтобы ему тѣмъ безпрепятственнѣе и дерзновеннѣе предаваться влеченію постыдныхъ страстей своихъ. Ясно, какъ свѣтъ Божій, что онъ не правъ предъ Богомъ и грѣшитъ предъ Нимъ въ душѣ своей.

Какъ же, далѣе, должно поучать тѣхъ, которые закоснѣли во злѣ и не исправляются даже страхомъ наказанія? Ихъ настоитъ надобность обличать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ ожесточеніе; но обличать такъ, чтобы изображеніе жалкаго ихъ состоянія внушало имъ страхъ и въ тоже время наставленіе подавало имъ надежду. Итакъ лучше всего представить имъ грозные суды Божіи, чтобы они при видѣ страшныхъ наказаній и нескончаемыхъ мученій, ихъ ожидающихъ, опомнились и размыслили о своемъ состояніи. Пусть выслушаютъ со вниманіемъ, не на нихъ ли исполняются слова Премудраго: *аще біеши безумнаго посредъ сонмища, сраляя его, не отъимеши безумія его* (Прит.

XXVII, 22)? не на нихъ ли Пророкъ жалуется Господу: *билъ еси ихъ, и не поболѣша, сокрушилъ еси ихъ, и не восхотѣша пріяти наказанія; ожесточиша лица своя паче камене, и не хотѣша обратитися* (Іерем. V, 3)? не потому ли и Господь говоритъ чрезъ Пророка: *и людіе не обратишася, дондеже язвени быша, и Господа не взыскаша* (Исаіи IX, 13)? не къ нимъ ли можно отнести и слѣдующія пророческія слова: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ* (Іерем. II, 9)? Вавилонъ врачевали и старались исцѣлить его, но онъ не вразумлялся; ожесточенный во злѣ, онъ слышитъ слова обличенія, переноситъ удары вразумленія и обузданія, но не перестаетъ идти по своимъ путямъ гибельнымъ и не обращается на путь спасенія. Пусть послушаютъ они, какъ укоряетъ Господь народъ израильскій, отведенный въ плѣнъ, но не оставившій неправдъ своихъ: *се быша мнѣ домъ Израилевъ смѣшани вси съ мѣдію, и съ оловомъ, и съ желѣзомъ, и съ свинцемъ, средѣ пещи смѣшани суть* (in scoriam-какъ изгарь) (Іезек. XXII, 18). Какъ бы такъ говоритъ Господь: »я хотѣлъ очистить ихъ (израильтянъ) огнемъ посылаемыхъ на нихъ бѣдствій, и ожидалъ, что они сдѣлаются *серебромъ* и *златомъ*; но въ пещи испытаній они стали *мѣдью, оловомъ, желѣзомъ, свинцемъ*: ибо и среди бѣдствій они не обратились къ добродѣтели и не отстали отъ своихъ пороковъ, но еще болѣе и въ нещастіи предались имъ, съ которыми такъ сказать сроднились«! *Мѣдь*, при ударѣ въ нее, издаетъ звукъ громче сравнительно съ другими металлами; посему и тотъ, кто, будучи пораженъ бѣдствіями, начинаетъ роптать, становится въ пещи испытанія *мѣдью*. *Олово*, искуственно отдѣланное, представляется на видъ подобнымъ серебру; посему и тотъ, кто и въ несчастіи не оставляетъ своего притворства и лукавства, является въ горнилѣ *оловомъ*. *Желѣзомъ* во-

оружается злоумышляющій на жизнь ближняго; посему не оставляющій своей злобы и во время испытанія своего превращается въ *желѣзо*. *Свинецъ* отличается особенно тяжестію; посему и обремененный тяжестію грѣховъ до того, что и пещь испытанія не можетъ очистить и освободить его отъ земныхъ пожеланій и влеченій, уподобляется *свинцу*. »Много, много поднято было заботъ и трудовъ ради него (Іерусалима); но и огонь не очистилъ его отъ *ржавчины*« [1]) (Іезек. XXIV, 12). И намъ ниспосылается въ различныхъ видахъ испытаній очистительный огонь, чтобы уврачевать и исцѣлить насъ отъ ржавчины грѣховныхъ недуговъ; но и этотъ спасительный огонь не уничтожаетъ въ насъ той ржавчины, которая проникла все существо наше, когда и подъ ударами бѣдствій мы упорствуемъ и не хотимъ разстаться съ своею порочною жизнію и по тѣлу и по душѣ. Такъ, вѣрны слова Пророка: *вси непослушни ходящіи строптиво; мѣдь, и желѣзо, вси растлѣни суть Оскудѣ мѣхъ отъ огня, истлѣ олово: всуе ковачъ сребро куетъ, лукавства бо ихъ не истяшя. Сребро отриновено нарцыте ихъ, яко Господь отверже ихъ* (Іерем. VI, 28. 30).

Впрочемъ непадобно упускать изъ виду и того, что иногда строгость обличенія и страхъ наказанія можно и полезно растворять любовію и кротостію, съ несомнѣнною надеждою на помилованіе подъ условіемъ искренняго раскаянія и покаянія; ибо нерѣдко тѣ, на которыхъ не дѣйству-

---

[1]) Въ славянской Библіи этотъ текстъ читается такъ: *да смирится ядъ его, и не изыдетъ изъ него многій ядъ его, и посрамится ядъ его*; а въ подлинномъ текстѣ св. Григорія читаемъ: »multo labore sudatum est, et non exivit de ea (urbe) nimia rubigo ejus neque per ignem«, которому и послѣдовали мы въ переводѣ.

ютъ строгія мѣры, поддаются въ исправленіи кроткому увѣщанію-подобно тому, какъ многихъ больныхъ, не получающихъ облегченія отъ сильныхъ лѣкарствъ, часто исцѣляетъ умѣренная теплота воды, и на многія раны, неизлѣчимыя никакими хирургическими сѣченіями, благодѣтельно дѣйствуютъ припарки елея. И твердость алмаза не поддается острію желѣза, а между тѣмъ размягчается мало-по-малу кровію козлею[1]).

ГЛАВА XVI.

Какимъ образомъ должно наставлять многомолчаливыхъ и какъ многоглаголивыхъ.

Наставленіе 14.

Иначе должно наставлять многомолчаливыхъ, иначе-многоглаголивыхъ. Молчаливымъ надобно внушать, чтобы они обращали вниманіе на то, что, избѣгая малыхъ погрѣшностей и пороковъ гласно и открыто, они могутъ подвергаться втайнѣ и сокровенно гораздо большимъ. Ибо, запечатлѣвая уста свои гробовымъ молчаніемъ, они испытываютъ въ душѣ своей болѣе тягостный говоръ и шумъ, такъ что помыслы и страсти тѣмъ болѣе волнуются въ ней и приходятъ въ движеніе, чѣмъ съ бо́льшимъ насиліемъ тѣснитъ ихъ неумѣренное молчаніе, и тѣмъ съ бо́льшею силою бушуютъ, чѣмъ болѣе считаютъ они себя безопасными, скрываясь во глубинѣ души отъ взоровъ обличителей. Такимъ образомъ, не опасаясь обличенія, душа ихъ нерѣдко предается гордости и съ презрѣніемъ смотритъ на тѣхъ, которые не хранятъ, подобно имъ, упорнаго молчанія, какъ на слабыхъ и не умѣющихъ владѣть собою. Такъ, заключая уста свои, молчаливый не сознаетъ, какой ши-

[1]) Подлинныя слова св. Григорія: »Et durus adamas incisionem ferri minime recipit, sed leni hircorum sanguine mollescit«.

рокій путь открываетъ онъ другимъ страстямъ и порокамъ своею гордостію. Языкъ держитъ въ тискахъ, а худымъ помысламъ и дѣламъ даетъ полный просторъ. Не обращая надлежащаго вниманія на нечистоту собственной души, онъ осуждаетъ другихъ, и притомъ-тѣмъ свободнѣе, чѣмъ замкнутѣе. Поэтому многомолчаливымъ нужно подтверждать, чтобы они заботились не только о томъ, каковы должны быть по внѣшности, но и-преимущественно-о томъ, каково должно быть внутреннее ихъ состояніе, такъ чтобы они боялись со стороны ближнихъ болѣе осужденія за внутренніе поступки душевные, нежели порицанія за внѣшніе-слова языка. Премудрый говоритъ: *сыне, моей премудрости внимай, къ моимъ словесемъ прилагай ухо твое, да сохранишн мысль благу* (Прит. V, 1 и 2). Ибо ничего нѣтъ въ насъ увертливѣе и уклончивѣе нашего сердца, которое каждый разъ измѣняетъ намъ и оставляетъ насъ, какъ только совращается съ прямаго пути на распутія худыхъ помысловъ и увлеченій. Посему и царь-пророкъ Давидъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ такъ: *сердце мое оставилъ* (Псал. XXXIX, 13); а въ другомъ, пришедши въ себя, такимъ образомъ: *обрѣте рабъ твой сердце свое, еже помолитися къ тебѣ* (2 Цар. VII, 27). Итакъ, когда мысль, чрезъ хорошій надзоръ, отрезвляется; тогда и сердце, которое у насъ такъ склонно къ разнымъ увертками и уклончивости, какъ бы ни удалилось *на страну далече*, на страну чуждую, снова возвращается и *обрѣтается* (Лук. XV, 13. 24. 32).

Надобно при томъ замѣтить, что чрезъ мѣру молчаливые, подвергаясь какому-либо несчастію, испытываютъ гораздо бо́льшую скорбь отъ того, что не хотятъ излить ее въ словахъ предъ другими, тогда какъ скорбныя чувствованія, изливаясь въ тихой и спокойной бесѣдѣ, не тѣснились бы такъ въ ихъ душѣ, не сжимали бы такъ ихъ

сердца, а облегчались бы чрезъ взаимное общеніе. Такъ и раны, будучи закрыты, причиняютъ жестокую боль; напротивъ того, открытыя, онѣ легко испаряются и вскорѣ заживаютъ. Пусть же знаютъ и не забываютъ слишкомъ молчаливые, что молчаніемъ своимъ въ несчастіяхъ они усиливаютъ только скорбь свою. Далѣе, если, они любятъ ближнихъ своихъ, какъ самихъ себя; то, получая иногда отъ нихъ оскорбленія, пусть не молчатъ, а прямо высказываются предъ ними объ ихъ несправедливости. Въ семъ случаѣ слово, какъ спасительное врачевство, благодѣтельно дѣйствуетъ и на оскорбившихъ и на оскорбленныхъ: въ первыхъ оно удерживаетъ стремленіе вредить другимъ, а въ послѣднихъ умѣряетъ скорбныя чувствованія. Напротивъ, если кто, при видѣ неправдъ въ ближнемъ, молчитъ, тотъ чрезъ это, какъ бы отнимаетъ врачевство у больнаго, и становится виновникомъ его смерти, не позаботившись спасти отъ яда, отъ котораго могъ избавить ближняго своего. Итакъ языкъ должно обуздывать благоразумно, но и не связывать его неразрѣшимо; ибо и Писаніе говоритъ: *человѣкъ премудръ умолчитъ до времене* (Сир. XX, 7), то есть, онъ знаетъ, по правиламъ здравой критики, когда полезнѣе сдерживать и когда отверзать уста свои. Посему и въ другомъ мѣстѣ говорится: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. III, 7). Надобно умѣть взвѣшивать мѣру временъ и обстоятельствъ и быть весьма разборчиву, чтобы языкъ или тамъ, гдѣ онъ требуетъ обузданія, не впадалъ въ безполезное *многословіе*, отъ котораго трудно *избѣжать грѣха* (Прит. X, 19), или въ то время, когда онъ съ пользою могъ бы дѣйствовать, самъ себя не стѣснялъ и не ограничивалъ своимъ бездѣйственнымъ безмолвіемъ. Послушаемъ еще, что говоритъ о семъ Псалмопѣвецъ: *положи*,-молилъ онъ Господа,-*положи, Господи, храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ* (Псал.

CXL, 3),-не стѣну, а *дверь* огражденія, которая можетъ во время отворяться и затворяться. Такъ и намъ необходимо знать, владѣя такъ сказать чутьемъ, гдѣ и когда благопріятно отверзать уста свои словомъ или заключать ихъ молчаніемъ.

Напротивъ того, многорѣчивымъ должно напоминать и выставлять на видъ, для ихъ же предосторожности, какимъ они подвергаются погрѣшностямъ и заблужденіямъ, предаваясь многословію. Какъ вода, огражденная со всѣхъ сторонъ, сосредоточивается въ одно мѣсто и подымается вверхъ, устремляясь туда, откуда снизошла, а предоставленная самой себѣ и ничѣмъ не сдерживаемая разливается во всѣ стороны по низменнымъ мѣстамъ и мелѣетъ, удаляясь отъ своего истока; такъ и душа человѣческая, обуздываемая благоразумнымъ молчаніемъ (censurâ silentii), сосредоточивается въ самой себѣ и стремится горѣ, тогда какъ предаваясь многословію она, такъ сказать, разсѣевается по внѣшнимъ дольняго міра сего предметамъ, забывая о небесномъ отечествѣ своемъ. Въ такомъ состояніи она всего болѣе должна опасаться нападеній со стороны врага нашего спасенія, открывая себя безащитною противъ его засадъ, какъ говоритъ Писаніе: *якоже градъ стѣнами разоренъ и неогражденъ, тако мужъ творяй что безъ совѣта* (а по тексту латинскому у св. Григорія читаемъ такъ: »sicut urbs patens et absque murorum ambitu, ita vir qui non potest in loquendo cohibere spiritum suum-якоже градъ открытый и неогражденный стѣнами, тако мужъ не обуздывающій языка своего«) (Прит. XXV, 29). Кто не ограждаетъ языка своего молчаніемъ, тотъ открываетъ душу свою для нападеній вражескихъ, и такимъ образомъ многоглаголаніемъ своимъ всего себя раскрываетъ предъ противникомъ. И врагъ настолько побѣждаетъ, насколько побѣ-

ждаемый ратоборствуетъ многорѣчивою говорливостію противъ самаго себя, а не противъ побѣдителя своего.

Но такъ какъ душа наша, находясь въ праздности, побуждается тѣмъ самымъ къ разнымъ грѣховнымъ поползновеніямъ, не вдругъ, а постепенно; то, не остерегаясь празднословія, мы отъ суесловія переходимъ какъ бы по ступенямъ къ болѣе и болѣе пагубнымъ порокамъ: такъ, прежде всего позволяемъ себѣ пересуживать другихъ; послѣ того рѣшаемся поносить и злословить ихъ жизнь, а наконецъ выступаемъ съ открытыми безчестіями и оскорбленіями. Отсюда возникаютъ и распространяются укоризны, раздоры и распри, затѣмъ воспламеняется ненависть и угасаетъ миръ и любовь. Поэтому-то премудрый Соломонъ говоритъ: »источаяй воду глава есть всякой свари и тяжбы«[1]) (Прит. XVII, 14). Источать же воду значитъ давать свободу языку въ пылу рѣчи. И напротивъ, въ хорошую сторону говорится у него же: *вода глубока-слово въ сердцѣ мужа* (»verba ex ore viri-словеса изъ устъ мужа«, по тексту св. Григорія), *рѣка же изскачущая и источникъ жизни; вода глубока-совѣтъ въ сердцѣ мужа, мужъ же премудръ исчерплетъ го* (тамъ же XVIII, 4. XX, 5). Итакъ, кто источаетъ воду, тотъ является виновникомъ ссоръ, распрь и вражды (jurgiorum); потому что, не обуздывая своего языка, разрушаетъ мирныя связи и водворяетъ раздоръ. И наоборотъ сказано: »налагаяй печать молчанія на уста безумнаго укрощаетъ гнѣвъ и вражду его« [2]) (тамъ же

[1]) Въ славянской Библіи этотъ текстъ читается такъ: *власть даетъ словесемъ начало правды*; *предводительствуетъ же скудости пря и брань*; а въ подлинномъ текстѣ св. Григорія, по Вульгатѣ, читаемъ: »qui dimittit aquam, caput est jurgionum«, который и удержанъ нами въ переводѣ.

[2]) И здѣсь удержанъ нами въ переводѣ текстъ подлинный, въ которомъ читается онъ такъ: »qui imponit stulto silentium,

XVI, 10). А что предающійся многоглаголанію не можетъ надлежащимъ образомъ сохранить правоты, о томъ можемъ находить много свидѣтельствъ въ св. писаніи. Такъ Псалмопѣвецъ говоритъ: *мужъ языченъ не исправится на земли* (Псал. CXXXIX, 12). А премудрый Соломонъ повторяетъ: *отъ многословія не избѣжиши грѣха* (Прит. X, 19). И у пророка Исаіи встрѣчаемъ мѣсто, гдѣ говорится: *и будутъ дѣла правды, миръ, и одержитъ правда покой* (въ подлинникѣ послѣднія слова читаются такъ: cultus justitiae silentium-храненіе правды *безмолвіе*«) (XXXII, 17), чѣмъ выражается та мысль, что правота души нарушается, когда не соблюдается умѣренность въ словахъ. Апостолъ же Іаковъ, указывая на пагубныя слѣдствія необузданности языка и на средство къ обузданію его, въ слѣдующихъ словахъ: *аще кто мнится вѣренъ быти въ васъ, и не обуздаваетъ языка своего, но льститъ сердце свое, сего суетна есть вѣра... тѣмже да будетъ всякъ человѣкъ скоръ услышати, и косенъ глаголати* (Іак. I, 19 и 26),-къ этимъ словамъ присовокупляетъ далѣе и слѣдующія, указывая ими *на неукротимость* языка человѣческаго: *языкъ бо*,-продолжаетъ,-*неудержимо зло, исполнь яда смертоносна* (тамъ же III, 3). И сама Истина воплощенная, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, говоритъ намъ, что за *всякое слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово* (отвѣтъ) *въ день судный* (Мат. XII, 36). Праздным же словомъ называется то слово, которое произносится безъ всякой надобности и благопотребности. Итакъ, если мы, по слову самаго Господа, должны будемъ воздать слово въ день судный за всякое слово праздное; то помыслимъ, какое наказаніе предстоитъ многосло-

---

irus mitigat«; въ славянской же Библіи—иначе: *многими волнуется всяка плоть безумныхъ, сокрушается бо изступленіе ихъ.*

вію,-не праздному только, но большею частію сопряженному съ вреднымъ и для ближнихъ употребленіемъ словъ.

ГЛАВА XVII.

Какимъ образомъ должно наставлять слишкомъ медлительныхъ и какъ слишкомъ поспѣшныхъ.

Наставленіе 15.

Иначе должно наставлять слишкомъ медлительныхъ, а иначе-слишкомъ поспѣшныхъ. Первыхъ надобно предостерегать, чтобы они, откладывая добрыя дѣла на предбудущее время, не оставили ихъ вовсе или не упустили ихъ; послѣднимъ же-представлять, что неосмотрительною поспѣшностію и предупредительностію своею они могутъ унизить самое достоинство добрыхъ дѣлъ. Итакъ тѣмъ, которые слишкомъ медленны въ своихъ дѣлахъ, нужно внушать, что мы часто, не желая во́-время сдѣлать того, что́ можемъ сдѣлать благовременно, въ послѣдствіи бываемъ не въ состояніи сдѣлать что-либо доброе, хотя бы и желали. Праздность и недѣятельность души, не поддерживаемой соотвѣтственнымъ ей упражненіемъ, незамѣтно усыпляетъ ее и приводитъ въ оцѣпенѣніе для добрыхъ дѣлъ. Премудрый Соломонъ прямо говоритъ, что *душа празднаго взалчетъ* (у св. Григорія читаемъ: »pigredo immittit soporem-праздность погружаетъ въ сонъ«) (Прит. XIX, 15). Правда, что медлительный, по своей лѣности, будучи тупъ и тугъ на добрыя дѣла, но еще чувствуя доброту ихъ, какъ бы бодрствуетъ; но поелику мало и рѣдко упражняется въ нихъ, то мало по малу теряетъ и то́, что́ есть добраго у него, и наконецъ совсѣмъ засыпаетъ. Поэтому-то вѣрно сказано: *душа празднаго взалчетъ*, или, *праздность погружаетъ въ глубокій сонъ*. Не стремясь любовію къ горнимъ благамъ

и не наслаждаясь ими, душа праздная чувствуетъ пустоту и влечется къ дольнимъ пожеланіямъ, ища въ нихъ утоленія своей жажды и своего голода; но такъ какъ вмѣсто благъ духовныхъ устремляется она къ чувственнымъ удовольствіямъ, то и не находитъ въ нихъ удовлетворенія. Объ этомъ тотъ же Соломонъ свидѣтельствуетъ: *похоти лѣниваго убиваютъ*, говоритъ, *не произволяютъ бо руцѣ его творити что; нечестивый* (otiosus-праздный) *желаетъ весь день похоти злыя* (Прит. XXI, 25 и 26; снес. XIII, 4). И сама Истина небесная возвѣщаетъ, что *егда нечистый духъ* (единъ) *изыдетъ отъ человѣка, преходитъ сквозѣ безводная мѣста, ища покоя, и не обрѣтаетъ. Тогда речетъ: возвращуся въ домъ мой, отнюдуже изыдохъ; и пришедъ обрящетъ* (домъ) *праздень, помѣтенъ и украшенъ. Тогда идетъ, и поиметъ съ собою седмь иныхъ духовъ лютѣйшихъ себе, и вшедше живутъ ту; и будутъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Мат. XII, 43-45. Лук. XI, 24-26). Нерѣдко слишкомъ медлительные, каждый разъ отлагающіе дѣла благочестія на-послѣ, желая оправдать свою недѣятельность, представляютъ себѣ затрудненія, съ которыми встрѣчаются на пути къ добрымъ дѣламъ, неблагоразумно чего-то боятся, и, находя въ томъ какъ бы достаточную причину своимъ отлагательствамъ, заявляютъ, что они не неправы въ своей медлительности и косности. Но пусть послушаютъ они, что́ говоритъ на этотъ разъ Соломонъ: »лѣнивый зимою за холодомъ не захотѣлъ трудиться; того ради будетъ просить хлѣба среди лѣта, и не дадутъ ему« [1]) (Прит. XX, 4). И

[1]) Въ подлинникѣ св. Григорія этотъ текстъ читается такъ: »propter frigus piger arare noluit; mendicabit ergo aestate, et non dabitur ei«, какъ значится и въ переводѣ нашемъ, отступающемъ отъ славянскаго текста: *поносимъ лѣнивый не устрамляется, такожде и заемляй пшеницу въ жатву.*

дѣйствительно, лѣнивецъ изъ-за холода какого-нибудь не трудится, а, притворяяся только дѣлающимъ то́, что́ онъ долженъ дѣлать, на самомъ дѣлѣ предается праздности; подъ предлогомъ холода, онъ вовсе не трудится, и, боясь неудачи въ чемъ либо маловажномъ, оставляетъ даже самыя важныя дѣла. Хорошо поэтому сказано о немъ: *того ради будетъ просить хлѣба среди лѣта, въ самую жатву, и не дадутъ ему.* И потому тотъ, кто здѣсь-въ настоящей жизни въ добрыхъ дѣлахъ не подвизался до поту, тотъ и тамъ-въ будущей жизни, когда взойдетъ солнце правды и суда и освѣтитъ собою всѣ дѣла наши съ востребованіемъ отъ насъ отчета въ нихъ, тщетно будетъ домогаться входа въ царствіе небесное: онъ будетъ терпѣть тамъ и гладъ и жажду среди самаго плодоноснаго лѣта и самой обильной жатвы. Пусть эти люди и еще послушаютъ того же премудраго Соломона: *блюдый вѣтры*,-говоритъ онъ,-*не сѣетъ*; *и смотряяй во облацѣхъ, не пожнетъ* (Еккл. XI, 4). Здѣсь подъ *вѣтромъ* можно разумѣть искушенія и навѣты злыхъ духовъ, а подъ *облаками*, гонимыми вѣтромъ, нападенія со стороны враждебныхъ людей, которыхъ возбуждаетъ и приводитъ въ движеніе исконный врагъ нашъ, подобно тому, какъ облаками движетъ вѣтеръ. Итакъ, кто боится сего вѣтра (вражескихъ искушеній) и съ опасеніемъ смотритъ на сіи облака (враждебныя нападенія), тотъ какъ здѣсь *не сѣетъ* сѣмянъ добра, такъ и тамъ *не пожнетъ* сладкихъ плодовъ божественнаго мздовоздаянія.

Что же касается до тѣхъ, которые слишкомъ поспѣшны бываютъ въ дѣлахъ; то таковыхъ надлежитъ предостерегать, что, заботясь только о поспѣшности, они опрометчивостію своею могутъ ошибаться и впадать въ погрѣшности. Такъ какъ они мало вникаютъ въ то́, что́ дѣлаютъ, и не обращаютъ надлежащаго вниманія на послѣдствія своихъ поступковъ, а большею частію, по совершеніи уже дѣла,

узнаютъ на опытѣ, что не такъ поступали, какъ надлежало имъ поступать; то они менѣе другихъ способны различать истинное отъ ложнаго и распознать добро отъ зла, и потому могутъ часто избирать послѣднее вмѣсто перваго. Да и вообще ихъ дѣйствія бываютъ не зрѣлы, а потому и плоды оныхъ горьки. Таковымъ въ качествѣ слушателей или учениковъ весьма дѣльное предлагается внушеніе у Соломона: *(чадо), безъ совѣта ничесоже твори, и егда сотвориши, не раскаявайся* (»et post factum non poenitebis-а то послѣ дѣла поздо будетъ раскаяваться«) (Сир. XXXII, 21[1]). И въ другомъ мѣстѣ: *очи твои прямо да зрятъ, и вѣжди твои да помаваютъ праведная* (послѣднія слова читаются у св. Григорія такъ: »palpebrae tuae praecedant gressus tuos-вѣжди твои да предшествуютъ стопамъ твоимъ«) (Прит. IV, 25). Вѣжди же или взоры предшествуютъ или помаваютъ стопамъ, когда дѣла наши предваряются мудрыми и благими совѣтами. А кто нерадитъ объ этомъ, тотъ напрягаетъ только шаги свои, закрываетъ глаза отъ всего окружающаго его, съ поспѣшностію стремится какъ можно скорѣе покончить дѣло, нисколько не заботясь о томъ, что̀ изъ всего этого выйдетъ, и потому самому вскорѣ проваливается, не имѣя на чемъ опереться, такъ какъ дѣйствуетъ безъ размышленія и осмотрительности. Итакъ заботливость пастыря проповѣдника о благѣ таковыхъ требуетъ отъ него-заставить ихъ дѣлать дѣло всегда съ благоразуміемъ и предусмотрительностію.

---

[1]) Замѣчательно, что св. Григорій книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова (Ecclesiasticum) приписываетъ здѣсь Соломону прямо, тогда какъ писателя оной въ другихъ мѣстахъ почти вездѣ называетъ только quidam sapiens (нѣкій мудрецъ). Смот. Част. 1. глав. 4. Част. II. глав. 6. этого же трактата и во мно-

Наставленіе 16.

Иначе должно наставлять кроткихъ, иначе-гнѣвливыхъ. Кроткіе, будучи поставлены начальниками надъ другими, иногда предаются покою, который близокъ къ педѣятельной праздности лѣниваго, и часто отъ излишняго послабленія, мягкости и снисходительности сердца теряютъ бдительную бодрость и силу начальническаго духа. Напротивъ того гнѣвливые, имѣя въ рукахъ своихъ власть, очень часто и сами раздражаются и подчиненныхъ своихъ лишаютъ покоя; и такъ какъ они, въ порывахъ гнѣвливости, не замѣчаютъ неестественности своего состоянія, то и не сознаютъ того, что дѣлаютъ во гнѣвѣ другимъ и чему подвергаютъ во гнѣвѣ сами себя. А нерѣдко,-что всего хуже,-влеченіе гнѣва своего признаютъ они за ревность по вѣрѣ и благочестію, и такимъ образомъ, считая порокъ добродѣтелію, безбоязненно и безтрепетно обременяютъ себя преступленіями. Посему нерѣдко приходится видѣть явленіе, что кроткіе доходятъ до слабости, а гнѣвливые обольщаются своею ревностію по правотѣ, и такимъ образомъ къ добродѣтели первыхъ незамѣтно присоединяется порокъ, а послѣднимъ явный порокъ ихъ представляется какъ бы возвышенною добродѣтелію. Итакъ надлежитъ убѣждать пер-

---

гихъ мѣстахъ его *Правоученій* (Moralia) Lib. VII. п. 45. Lib. XX. п. 51. Lib. XXVII. п. 53. et caet. Также называетъ онъ иногда и писателя книги Премудрости Соломона (Ecclesiastem). Смот. Lib. XIX. 26. Есть еще два мѣста въ этой же части трактата (смот. глав. XXIII подъ конецъ и глав. XXXII въ началѣ), гдѣ въ самомъ текстѣ этотъ Ecclesiasticus, какъ писатель книги, именуется quidam sapiens, а въ примѣчаніяхъ—Salomon. Стало быть, во времена св. Григорія книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова приписывали и Соломону, хотя конечно ошибочно. Смот. Сир. L. 29.

выхъ-остерегаться того, что не вдалекѣ грозитъ имъ, а послѣднихъ-зорко смотрѣть за тѣмъ, что въ нихъ самихъ кроется уже. Пусть одни обращаютъ вниманіе на то, чего у нихъ недостаетъ, а другіе пристальнѣе присматриваются къ тому, чѣмъ они страдаютъ; пусть одни полюбятъ заботливость и попеченіе не только о себѣ, но и о другихъ, а другіе укротятъ въ себѣ безпокойство и возмущеніе души своей, вредное и для нихъ и для ближняго. Необходимо расположить кротких къ стяжанію ревности о благѣ ближнихъ, если ее недостаетъ у нихъ, и убѣдить гнѣвливыхъ съ ревностію, о которой они такъ много мечтаютъ, соединять кротость: ибо и Духъ Святый является и въ видѣ голубинѣ и подъ видомъ огненныхъ языковъ, потому что исполняющихся Его благодатію онъ дѣлаетъ и кроткими, подобно голубямъ, и ревнителями правды, яко огнь пламенѣющими.

Итакъ нѣтъ полноты Духа Святаго въ томъ, кто, при кротости духа и поведенія, оставляетъ ревность, или, кто, одушевляясь ревностію, не соединяетъ съ него кротости. Для большей ясности возьмемъ примѣръ. Отчего апостолъ Павелъ двумъ ученикамъ своимъ, не различавшимся между собою по духу любви христіанской, предлагаетъ различныя средства для сообщенія силы ихъ проповѣди? Именно, отчего Тимоѳею онъ говоритъ: *проповѣдуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (назиданіемъ) (2 Тим. IV, 2); а Титу: *сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 15)? Почему св. Апостолъ одному изъ учениковъ совѣтуетъ дѣйствовать со властію, а другому-имѣть долготерпѣніе, если не потому, что Титъ отличался кротостію, а Тимоѳей былъ одушевленъ пламенною ревностію? Въ одномъ изъ нихъ возбуждаетъ соревнованіе, при его кротости, а въ другомъ умѣряетъ

ревность кротостію терпѣнія; одному придаетъ то, чего у него недоставало, а у другаго отнимаетъ то, что у него преизбыточествовало; одного какъ бы подгоняетъ, а другаго какъ бы осаждаетъ. Великій дѣятель въ ветроградѣ воспріявшей его Церкви Божіей однѣ изъ вѣтвей (*рождіе*) великаго благодатнаго древа (*истинной* виноградной *лозы*) орошаетъ и поливаетъ, чтобы онѣ лучше возрастали, а другія обсѣкаетъ и очищаетъ, чтобы онѣ, буйно разростаясь, не лишились и тѣхъ плодовъ, которыми доселѣ украшались (Іоан. XV, 1-5). Впрочемъ гнѣвъ, являющійся подъ видомъ ревности, надобно отличать отъ того гнѣва, который безъ всякаго повода справедливости раздражаетъ сердце, возмущаетъ душу, и бываетъ виною пестроеній. Первый простирается на то́, на что́ долженъ простираться, только-не знаетъ тому мѣры и предѣловъ; а послѣдній всегда обращается на то́, на что́ не долженъ быть обращаемъ: и надобно сказать, что не удерживающіеся отъ гнѣва, т. е. нетерпѣливые, тѣмъ отличаются отъ гнѣвающихся безъ всякой причины, т. е. гнѣвливыхъ, что первые не переносятъ великодушно обидъ, наносимыхъ имъ другими, а послѣдніе сами причиняютъ обиды другимъ. Гнѣвливые, не смотря даже на собственное униженіе, ищутъ повода къ несогласію, радуются раздорамъ и готовы, въ разгарѣ гнѣва, нападать на всѣхъ и каждаго; посему въ минуты ихъ раздраженія лучше всего уклоняться отъ нихъ. Отъ раздраженности и вспыльчивости они ничего не слушаютъ, ничего не понимаютъ или не хотятъ понять; но пришедши въ себя, они тѣмъ удобнѣе исправляются увѣщаніями, чѣмъ больше пристыждаетъ ихъ кротость и терпѣливость обиженныхъ ими. Вспыльчивому и разъяренному, во время гнѣва, точно также какъ и пьяному, во время опьяненія, все прямое кажется кривымъ. Посему-то и Авигея, умилостививши Давида, оскорбленнаго презрительнымъ отказомъ Навала

мужа ея, который въ то время былъ *пьянъ до зѣла*, и отъ вина и отъ гнѣва, *не возвѣсти Навалу глагола ни велика ни мала до свѣта утренняго; заутра же, егда истрезвися Навалъ, повѣда ему жена его вся глаголы сія*: и-онъ понялъ свое преступленіе, *и умре* (замерло) *сердце его въ немъ, и той бысть яко камень* (1 Цар. XXV).

Но если нѣтъ возможности уклониться отъ гнѣвливаго въ минуты его раздраженія; то надлежитъ не прямо нападать на таковыхъ обличеніемъ, а какъ бы щадя поражать ихъ. Уяснимъ это лучше примѣромъ Авенира съ Асаиломъ. Когда во время жестокой брани между домомъ Іудинымъ и домомъ Израилевымъ Асаилъ стремительно и настойчиво преслѣдовалъ наединѣ Авенира, и когда сей послѣдній нѣсколько разъ обращался къ нему и просилъ, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ и не преслѣдовалъ, наконецъ сказалъ ему, какъ бы предостерегая его: *отступи отъ мене, да не поражу тя о землю*; но когда и за тѣмъ Асаилъ не внялъ словамъ его и не захотѣлъ отступить отъ него: тогда *Авениръ удари его копіемъ сзади* (тупымъ концемъ) *въ лядвія, и пройде копіе сквозь его, и паде тамо, и умре прѣдъ нимъ* (2 Цар. II, 17-23) [1]). Здѣсь Асаилъ

---

[1]) Не естественно получать удары нападающему отъ нападаемаго *сзади*, и притомъ, *въ лядвія*. Здѣсь слово *сзади* надобно относить не къ лицу поражаемаго, а къ орудію поражающаго, то есть, къ *копью*, такъ что такое сочетаніе этихъ словъ и будетъ означать *заднюю сторону* или *тупой конецъ копія* (древко). Такъ въ послѣднемъ стихѣ читаемаго у св. Григорія текста и сказано: »percussit ergo eum Abner aversa hastâ (обратнымъ или тупымъ концемъ копія) in inguine, et transfodit eum, et mortuus est«.

можетъ представлять собою типическое изображеніе тѣхъ, коими овладѣвая неистовство гнѣва увлекаетъ ихъ въ бездну преступленій; ихъ-то надобно тѣмъ съ бо́льшею осторож-

ностію уклоняться и щадить, чѣмъ съ бо́льшимъ безумiемъ предаются они этой сумазбродной наглости. Поэтому и Авенiръ, означающiй на нашемъ языкѣ святильникъ или свѣтъ отчiй[1]), уклоняется и какъ бы избѣгаетъ его. Такъ и языкъ отеческiй пастырей и учителей Церкви, открывающихъ и возвѣщающихъ народу Божiю свыше свѣтъ премудрости божественной, когда усматриваютъ въ комъ-либо духъ мятущагося неистовства и показываютъ только видъ готовности вступить въ борьбу съ раздраженнымъ, какъ бы даетъ тѣмъ замѣтить ему, что проповѣдники мира и любви не хотятъ враждующихъ имъ поражать оружiемъ слова своего. Но когда эти непримиримые враги никакими благоразумными убѣжденiями не смягчаются и въ упорномъ безумiи не отступаютъ отъ своихъ нападенiй, подобно Асаилу; тогда старающимся обуздать и укротить ихъ бѣшенство надобно заботиться о томъ, чтобы нисколько не предаваясь сами гнѣву и раздраженiю, а сохраняя совершенное спокойствiе духа, наводили ихъ искусно на такiе предметы сторонние, коими не прямо, а косвенно, но тонко и мѣтко уязвляли бы ихъ душу. Потому-то Авенiръ, сопротивляясь нападавшему на него Асаилу, ударилъ его не острiемъ копiя, но тупымъ концемъ (древкомъ). И конечно, поражать острiемъ орудiя значитъ явно нападать; а ударять тупымъ концемъ онаго значитъ нѣкоторымъ образомъ за-

---

[1]) Въ подлинникѣ такъ сказано: Abner, qui nostro sermone patris lucerna dicitur, fugit; но для насъ таковой выводъ значенiя слова Abner не совсѣмъ ясенъ. Положимъ, что первую часть слова сего можно еще производить отъ слова abba (авва, отецъ, отче); но какимъ образомъ изъ послѣдней части того же слова выведено значенiе слова lucerna (свѣтильникъ или свѣтъ)— теряемся въ догадкахъ. Удерживаемъ же это объясненiе, нисколько не измѣняя его, потому что этого требуетъ у автора контекстъ рѣчи.

щищаться только и, какъ бы щадя врага, отбиваться отъ него. Асаилъ же тотчасъ палъ и умеръ, потому что гнѣвливые, выходя изъ себя, когда видятъ, что имъ при пораженіи оказываютъ пощаду, еще болѣе воспаляются гнѣвомъ отъ негодованія и досады, и тутъ же падаютъ и гибнутъ, убиваемые собственною гордостію. Такимъ образомъ эти люди, томимые и снѣдаемые внутренними волненіями души, при малѣйшемъ отступленіи и пораженіи, умираютъ не столько отъ желѣза, сколько отъ душевнаго потрясенія своего.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ должно наставлять смиренныхъ и какъ гнѣвливыхъ

НАСТАВЛЕНІЕ 17.

Иначе должно наставлять смиренныхъ, иначе—гордыхъ. Первымъ надлежитъ представлять, какое истинное возвышеніе ожидаетъ ихъ, а послѣднимъ показать, какъ ничтожна слава, за которою они гоняются. Да будетъ извѣстно первымъ, что ожидаемое ими-вѣчно, а отвергаемое-скоропреходяще; послѣднимъ же, что пріобрѣтаемое ими здѣсь тлѣнно, а теряемое пребываетъ тамъ во вѣки. Пусть внемлютъ смиренные что вѣщаетъ вѣчная Истина: *смиряяй себя, вознесется;* пусть услышатъ и гордые гласъ той же Истины: *всякъ возносяйся, смирится* (Лук. XVIII, 14). Первымъ говорится: *предъидетъ смиреннымъ слава* [1])

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: »gloriam praecedit humilitas—славѣ предъидетъ или славу предваряетъ смиреніе«; слова какъ будто въ обратномъ порядкѣ, но смыслъ оныхъ одинъ и тотъ же.

(Прит. XV, 33); а послѣднимъ: *прежде паденія злопомышленіе*[1]) (—XVI, 18). Къ однимъ относятся слѣдующія слова: *на кого воззрю*, токмо (nisi-какъ на) *на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ* (Исаіи LXVI, 2)? къ другимъ-слѣдующія: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. X, 9)? Къ однимъ: Господь *на смиренные призираетъ*, къ другимъ: *и высокая издалеча вѣсть* (Псал. CXXXVII, 6). Да познаютъ смиренные, что *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Мат. XX, 28); да не забываютъ и гордые *яко начало* всякаго) *гнѣва—гордыня* (Сир. X, 15). Пусть обратятъ вниманіе первые на то, что Искупитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ *смирилъ себе, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II, 8); а послѣдніе пусть размыслятъ о томъ, что сказано въ Писаніи о богоотступной главѣ ихъ: *самъ же—царь всѣмъ сущимъ въ водахъ;* или согласнѣе съ подлинникомъ: *самъ же—царь надъ всѣми сынами гордыни*[2]) (Іов. XLI, 25). Гордость діавола-причина нашего паденія; смиреніе Богочеловѣка-вина нашего возстанія. Врагъ нашъ, будучи созданъ на ряду съ другими тварями захотѣлъ быть выше всѣхъ; Искупитель нашъ пребывая Божественнымъ величіемъ своимъ превыше всего, благоволилъ снизойти въ среду человѣковъ.

Итакъ, возвѣщайте смиреннымъ, что они чрезъ свое смиреніе подражаютъ Господу; напоминайте и гордымъ, что они своею гордостію идутъ по слѣдамъ падшаго сатаны. Что же презреннѣе гордости, которая, силясь вознестись,

---

[2]) И здѣсь разность въ слововыраженіи по тексту славянскому и по тексту Вульгаты; въ латинскомъ текстѣ это мѣсто выражено такъ: »ante ruinam прежде паденія exaltatur spiritus духъ гордости« вмѣсто славянскаго *злопомышленіе*.

[3]) »Ipse est rex super universos filios superbiae«. Слич. это мѣсто съ мѣстомъ Част. Втор. во глав. VI съ примѣч.

далеко отстоитъ отъ истинной высоты? И что славнѣе смиренія, которое, ставя себя ниже всего, восходитъ на высоту и соединяется съ Господомъ своимъ? Впрочемъ, надобно строго различать между смиреніемъ и смиреніемъ и между гордостію и гордостію. Нерѣдко бываетъ, что одни обольщаются ложнымъ видомъ смиренія; а другіе обманываютъ себя, не сознавая своей гордости: но на самомъ дѣлѣ одни водятся страхомъ, другіе же сознаніемъ своей мнимой правды, какъ бы дающей имъ право и свободу голоса. И потому, когда слѣдуетъ обличать пороки, одни молчать страха ради, и думаютъ, что они молчать по смиренію, а другіе вопіютъ во всеуслышаніе противъ неправды, не сознавая надменности своей, и думаютъ, что имъ даетъ право и свободу говорить правота ихъ во имя правды. Тѣхъ побуждаетъ поблажкѣ страхъ подъ видомъ смиренія, а сихъ къ неумѣрной, а можетъ быть и вовсе имъ непредоставленной, строгости обличенія необузданная надменность подъ видомъ свободы. Почему надобно предостерегать къ обличеніи, какъ гордыхъ (опирающихся на свободу), чтобы они не присвоили себѣ таковой свободы болѣе, чѣмъ должно, такъ и смиренныхъ (а на самомъ дѣлѣ боязливыхъ), чтобы они не стѣснялись сверхъ мѣры: иначе вольность первыхъ послужитъ для нихъ пищею высокомѣрія, а раболѣпное подчиненіе послѣднихъ заставитъ ихъ унижаться предъ явными пороками другихъ и какъ бы уважать самые пороки.

Но при этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду то, что иногда гордыхъ и самомнительныхъ удобнѣе можно исправить, если къ обличеніяхъ присоединить нѣкотораго рода и похвалы имъ, какъ припарки къ больному мѣсту. Такимъ образомъ можно говорить имъ или о тѣхъ добрыхъ качествахъ, которыя усматриваются въ нихъ, или о томъ, чѣмъ бы они могли быть, если бы позаботились воспомнить

и то, чего не достаетъ у нихъ, и затѣмъ уже, расположивъ прежде вниманіе ихъ къ себѣ пріятнымъ для нихъ впечатлѣніемъ, приступать къ отсѣченію въ нихъ злыхъ наклонностей, нестерпимыхъ для насъ. Такъ и дикихъ коней мы касаемся сперва тихо и ласкаво, чтобы потомъ удобнѣе покорять ихъ себѣ ударами бича; и горькое врачевство, противудѣйствующее болѣзни, растворяемъ медомъ, услаждающимъ вкусъ, чтобы такимъ образомъ горечію врачебнаго состава уничтожить смертоносные соки въ тѣлѣ больнаго. И потому въ самомъ началѣ обличенія гордыхъ надлежитъ воздерживаться отъ сильныхъ порывовъ, обращаясь съ ними ласково и дружелюбно, чтобы они, встрѣчая въ насъ пріятную для себя благорасположенность, тѣмъ самымъ внимательны были впослѣдствіи и къ нашимъ замѣчаніямъ, не такъ для нихъ пріятнымъ. Равнымъ образомъ можно имѣть въ виду и то, что иногда тѣмъ успѣшнѣе можемъ подѣйствовать на гордаго и тѣмъ скорѣе исправить его, чѣмъ живѣе представимъ ему, что его исправленіе и усовершеніе полезно и важно не столько для него, сколько для насъ: ибо гордость любитъ, чтобы другіе дорожили ею. Такъ Моисей, странствующій въ пустынѣ по повѣленію Божію, поступилъ съ тестемъ своимъ Іовавомъ (Іоѳоромъ). Моисей хотѣлъ извести Іовава изъ среды язычества и подчинить истинному Богу, и потому вызывалъ его странствовать въ пустынѣ съ народомъ Божіимъ: *воздвизаемся мы въ мѣсто*, говоритъ онъ ему, *о немже Господь рече: сіе дамъ вамъ: пойди съ нами, и сотворимъ тебѣ добро, яко Іосподь добрая глагола о Израили.* Іовавъ же или Іоѳоръ сперва не соглашался на предложеніе Моисея положительнымъ отказомъ: *не пойду*, отвѣчалъ онъ ему, *но въ землю мою и въ родъ мой пойду.* Но когда Моисей сказалъ ему, что онъ необходимъ для всего странствующаго народа, и умолялъ его не оставить ихъ: *не остави насъ*, такъ какъ те-

бѣ извѣстна эта мѣстность, *и будеши въ насъ старѣйшина* (ductor или dux-руководитель или вождь); тогда Іовавъ склонился на его вызовъ (Числ. X, 29—32). Моисея не могла затруднять неизвѣстность пути переходовъ въ пустынѣ, которому, по указанію Божію, предшествовалъ и днемъ столпъ облачный и ночью столпъ огненный (Исх. XIII, 21 и 22), и котораго самъ Богъ руководилъ и хранилъ во всемъ. Но какъ мужъ прозорливый, бесѣдуя съ слушателемъ своимъ горделивымъ, искалъ въ немъ для себя отрады и утѣшенія, имѣя въ виду и другую важнѣйшую цѣль, онъ просилъ его быть ему руководителемъ на пути земномъ, чтобы самому имѣть возможность руководить его къ пути небесному. Такимъ образомъ Моисей достигъ цѣли, что тесть его Іовавъ (Іоѳоръ), не смотря на свою горделивость, преклонился на зовъ его тѣмъ съ большею готовностію и преданностію, чѣмъ больше убѣждался въ томъ, что на него смотрятъ всѣ, какъ на человѣка, необходимаго для нихъ, и какъ прежде явилъ себя непреклоннымъ, такъ потомъ склонился на предложеніе Моисея[1]).

ГЛАВА XIX.

Какимъ образомъ должно наставлять упорныхъ и непреклонныхъ; какъ легкомысленныхъ и непостоянныхъ.

НАСТАВЛЕНІЕ 18.

Иначе должно наставлять упорныхъ и непреклонныхъ; а иначе-легкомысленныхъ и непостоянныхъ. Тѣмъ надобно

[1]) Замѣчательно, что тесть Моисея, который въ другихъ мѣстахъ вездѣ называется Іоѳоромъ (Исх. XVIII и параллельн. мѣст.), здѣсь именуется Іовавомъ, даже, можно полагать Рагуиломъ (Числ. X, 23 слич. Исх. II, 16—21): предполагаютъ, что Іоѳоръ и Іовавъ и даже Рагуилъ составляютъ одно и тоже лице.

напоминать, что они слишкомъ много о себѣ думаютъ, и потому пренебрегаютъ совѣтами другихъ; а сихъ вразумлять, чтобы они были повнимательнѣе къ себѣ и сколько-нибудь дорожили своими мнѣніями, не предаваясь легкомыслію и непостоянству. Ибо если бы и тѣ и другіе вели себя иначе, то одни всегда уважали бы совѣты другихъ, а другіе не были бы такъ перемѣнчивы въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Первымъ изъ нихъ апостолъ Павелъ заповѣдуетъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16); а послѣднимъ: *да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія* (Ефес. IV, 14). А премудрый Соломонъ объ однихъ говоритъ: *устнѣ мудрыхъ* (высокомудрствующихъ о себѣ) *снѣдятъ плоды путей своихъ (дѣлъ своихъ), и своего нечестія насытятся;* а о другихъ: *сердца же безумныхъ нетверда* (сами на себя непохожи-cor dissimile) (Прит. I, 31. XV, 7. спес. Исаіи III; 10). И дѣйствительно. Сердце премудрыхъ всегда одинаково и само себѣ равно (sibimet ipsi semper est simile), и если убѣжденія его правильны, то оно никогда не собьется съ пути праваго; а сердце безумныхъ перемѣнчиво и неустойчиво (dissimile est), такъ что оно, постоянно измѣняясь, никогда не можетъ на чемъ-нибудь остановиться. И такъ какъ пороки большею частію одни отъ другихъ происходятъ, зараждаясь отъ однихъ и производя другіе; то духовнымъ врачамъ надобно съ особенною заботливостію обращать вниманіе на то, что они, врачуя грѣховные недуги, тогда только могутъ съ надлежащимъ успѣхомъ исцѣлять отъ нихъ своихъ больныхъ, когда съ корнемъ вырвутъ эти пороки въ самомъ источникѣ ихъ. Упрямое же упорство происходитъ отъ самонадѣянности и гордости, а безразсудное непостоянство-отъ легкомыслія и неосновательности.

Итакъ закоснѣвшимъ въ упорствѣ и непреклонности надобно внушать, чтобы они познали и сознали свой недугъ надменности и высокомѣрія, стараясь препобѣдить себя;

иначе, считая для себѣ унизительнымъ подчиниться даже правильнымъ совѣтамъ и убѣжденіямъ другихъ, они останутся плѣнниками и рабами гордости. Можно указать имъ, для поучительнаго назиданія, на примѣръ Спасителя, Который, будучи по существу едино со Отцемъ, говорилъ однакожъ о Себѣ: *сшедохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI, 38), и, какъ Сынъ человѣческій, явилъ Собою намъ примѣръ подчиненія воли своей. И чтобы расположить насъ къ этому, Онъ и на страшномъ судѣ судъ свой приписываетъ Отцу, говоря: *не могу Азъ о себѣ творити ничесоже*, но, *якоже слышу, сужду, и судъ мой праведенъ есть; яко не ищу воли моея, но волю пославшаго Мя Отца* (тамъ же V, 30). Какъ же послѣ сего человѣку отказываться отъ подчиненія воли своей волѣ другаго, когда Богочеловѣкъ, пришедши въ міръ явить славу свою, свидѣтельствуетъ, что Онъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя и судъ свой приписываетъ Отцу?

Напротивъ, легкомысленныхъ и непостоянныхъ нужно располагать къ установленію въ правилахъ твердости и постоянства: ибо плоды (слѣдствія) непостоянства сами собою уничтожаются, когда корень ихъ-самое легкомысліе исторгается изъ сердца; и всякое зданіе тогда только бываетъ прочно, когда твердо его основаніе. Если же сердце не твердо, то и мысли не постоянны. Вотъ что́ апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ на этотъ разъ въ посланіи къ коринѳянамъ: *еда что убо легкотою дѣяхъ? или, яже совѣщаваю, по плоти совѣщаваю, да будетъ у мене еже, ей ей, и еже, ни ни* (такъ-что у меня то да, да, то нѣтъ, нѣтъ) (2 Кор. I, 17)? Онъ какъ бы такъ говоритъ, свидѣтельствуя о себѣ, что онъ чуждъ такого состоянія: »я не влаюсь вѣтромъ непостоянства, потому что не поддаюсь и не предаюсь легкомыслію«.

ГЛАВА XX.

Какимъ образомъ должно наставлять невоздержныхъ и какъ воздержныхъ

Наставленіе 19.

Иначе должно наставлять невоздержныхъ, иначе-воздержныхъ. Невоздержные предаются излишеству въ словахъ, легкомыслію въ дѣлахъ и роскоши въ жизни; а воздержные не всегда бываютъ свободны отъ раздражительной нетерпѣливости, нерѣдко же и гордости. Ибо если бы невоздержные не вдавались въ многословіе, то языкъ евангельскаго богача, который пировалъ и *веселился по вся дни свѣтло*, не былъ бы опаляемъ огнемъ адскимъ, и несчастный богачъ не напрасно взывалъ къ Аврааму: *отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой, яко страждү во пламени семъ* (Лук. XVI, 19 и 24). Этими словами евангелистъ, конечно, указываетъ на то, что упоминаемый богачъ, среди ежедневнаго пиршества своего, чаще всего грѣшилъ языкомъ, и, весь сгаряя во пламени, просилъ поэтому болѣе всего, чтобы ему прохладили языкъ. Далѣе, что невоздержаніе сопровождается легкомысліемъ въ дѣлахъ,-объ этомъ свидѣтельствуетъ Писаніе, когда говоритъ о народѣ израильскомъ: *и сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти* (Исх. XXXII, 6. 1 Кор. X, 7). А что невоздержаніе влечетъ и къ роскоши въ жизни; то это можно видѣть изъ того, что когда чрево разширяется и плоть тучнѣетъ, тогда и всѣ страсти плотоугодія (aculei libidinis) болѣе и болѣе разжигаются. За то подвергся проклятію и древній змій райскій-искуситель первыхъ человѣковъ, что возбудилъ въ нихъ хитростію и лукавствомъ чувство пожеланія къ запрещенному плоду и чрезъ то свя-

---

[1]) См. № 19-й.

залъ первороднымъ грѣхомъ и все потомство ихъ. Ему сказано самимъ Богомъ: *яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты: на персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши* (Быт. III, 14); т. е. какъ бы такъ: ты будешь имѣть власть надъ людьми, возбуждая въ нихъ нечистые помыслы ума и похоти чрева. И пророкъ Іеремія прикровенно говоритъ: *и пріиде Навузарданъ, рабъ царя вавилонскаго, архимагіръ* (princeps cocorum s. coquorum-кухмейстеръ т. е. начальникъ надъ поварами), *въ Іерусалимъ, и сожже храмъ Господень, и домъ царевъ, и вся домы Іерусалимли, и стѣны Іерусалима окрестъ раскопа* (Іерем. XXXIX, 8-10. LII, 12-15 и 4 Цар. XXV, 8-12) [1]). У завѣдывающаго же кухнею и распоряжающагося поварами главная забота-чрево, для котораго все искуство поварское истощаетъ опъ, чтобы только доставить ему удовольствіе въ пресыщеніи. Стѣпы же Іерусалима-это добродѣтели души, стремящейся къ горпему и пресбесному миру. И потому-то сказано, что *архимагіръ* всю красу Іерусалима сожигаетъ и стѣны его разрушаетъ; ибо когда чрево отъ пресыщенія разширяется и плоть отъ невоздержанія тучнѣетъ, то добродѣтели души отъ роскоши и изнѣженности мало-по-малу ослабѣваютъ и наконецъ вовсе подавляются пороками.

А что касается до воздержныхъ, то, если бы петерпѣливость не возмущала иногда души ихъ,-апостолъ Петръ, сказавъ: *подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе*,-не прибавилъ бы тутъ же: *въ воздержаніи же терпѣніе* (2 Пет. I, 5 и 6). Апостолъ предвидитъ въ воздержныхъ недостатокъ терпѣнія, и потому даетъ имъ наставленіе соединять съ воздержаніемъ терпѣніе. Равнымъ образомъ, если бы къ

[1]) Въ этомъ мѣстѣ на эти тексты ссылается св. Григорій по еврейскому подлиннику и греческому переводу LXX, но не по Вульгатѣ: здѣсь вся сила въ словѣ *архимагіръ* (ἀρχιμάγειρος),

мыслямъ воздержныхъ не примѣшалась нерѣдко и гордость, то и апостолъ Павелъ не сказалъ бы: *ядый ядущаго да не осуждаетъ* (Рим. XIV, 3). И тотъ же апостолъ, уничижая правила надмевающихся добродѣтелію своего воздержанія, присовокупляетъ къ тому: *яже суть слово имущая премудрости* (всё это имѣетъ только видъ мудрости) *въ самовольномъ служеніи и смиреномудріи* (in superstitione et humilitate) *и непощадѣніи тѣла, не* въ чести коей, *къ сытости плоти* (и изнуреніи тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти) (Кол. II, 23). Здѣсь можно замѣтить, что въ этомъ истолкованіи великій учитель придаетъ мнимой святости ихъ т. е. суевѣрію (superstitioni) только видъ смиренія (humilitatis); потому что когда плоть болѣе надлежащаго умерщвляется чрезъ воздержаніе, то смиренномудріе выставляется на видъ съ внѣшней стороны, а внутри подъ этимъ смиреніемъ можетъ тѣмъ глубже гнѣздиться высокомѣрная гордость. И если бы разумъ не надмевался иногда добродѣтелію воздержанія, то гордый Фарисей не поставлялъ бы пощенія своего въ числѣ какъ бы особенныхъ заслугъ, не говорилъ бы: *пощуся два-краты въ субботу* (Лук. XVIII, 12).

Итакъ и невоздержные и воздержные пусть будутъ внимательны къ тому, чему они готовы подвергнуться. Пусть первые блюдутся, чтобы чрезъ свое невоздержаніе не пристраститься къ плотскому въ словахъ, къ легкомыслію въ дѣлахъ и къ пагубной роскоши въ жизни,-чтобы чрезъ порабощеніе чревоугодію не поработить себя и другимъ пророкамъ. Пусть не забываютъ, что, при каждомъ удовлетвореніи прихотливымъ своимъ пожеланіямъ, въ нихъ, такъ сказать, каждый разъ повторяется паденіе прародителей,

---

которое въ Вульгатѣ переводится princeps exercituum т. е. *воевода* или военачальникъ, а не—princeps coquorum, какъ значится у св. Григорія, согласно съ кодексами еврейскимъ и греческимъ.

виною котораго было невоздержаніе. Послѣдніе же пусть наблюдаютъ за собою зорко и постоянно, чтобы, избѣгая тѣлеснаго невоздержанія, не допускали зараждаться въ себѣ другимъ порокамъ пагубнѣйшимъ, которые какъ бы изъ самой добродѣтели воздержанія выраждаются, чтобы, умерщвляя плоть, не предавались раздраженію душевнаго нетерпѣнія и вспыльчивости гнѣва; чтобы, охраняя себя и отъ этого недуга, всегда памятовали, что, подавляя въ себѣ нетерпѣніе и гнѣвъ, они иногда могутъ дать въ душѣ своей мѣсто новой гостьѣ-гордому самодовольству. Иначе и самая побѣда надъ плотію не будетъ уже имѣть цѣны добродѣтели, если духъ препобѣждается раздражительною нетерпѣливостію гнѣва и гордостію, и всѣ благо воздержанія плотскаго не принесетъ пользы, если духъ не предохранитъ себя отъ душевныхъ пороковъ. Поэтому Богъ чрезъ пророка Исаію говоритъ іудеямъ, жаловавшимся, что Онъ не внемлетъ ихъ пощенію: *во дни бо пощенія вашихъ*, говоритъ имъ, *обрѣтаете воли ваша, и вся подручныя ваша томите*; и въ слѣдъ за тѣмъ: *аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, и біете пястми смиреннаго, вскую мнѣ поститеся?* (Исаіи LVIII, 3 и 4). Здѣсь подъ *волею* (voluntas) надобно разумѣть именно самолюбивое довольство гордости, а подъ *пястью* (pugnus, кулакъ)-гнѣвъ. Такимъ образомъ тщетно плоть свою изнуряютъ и изможданотъ чрезъ воздержаніе тѣ, которые, предаваясь безпорядочнымъ движеніямъ души своей, погрязаютъ въ порокахъ духовныхъ. Пусть еще воздержные постоянно хранятъ безъ всякаго послабленія свое воздержаніе и не считаютъ его предъ очами сокровеннаго судіи высокою добродѣтелію, чтобы, полагаясь на ея самостоятельность безъ другихъ добродѣтелей, не впасть въ обольщеніе и гордость. *Не таковаго (бо) поста Азъ избрахъ*, глаголетъ Господь; *но... раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой*, и проч. и проч. (Исаіи LVIII, 5–7).

И въ самомъ дѣлѣ; стóитъ размыслить, какъ мала сама по себѣ добродѣтель тѣлеснаго воздержанія, если она получаетъ цѣну только въ соединеніи съ другими добродѣтелями. Посему-то пророкъ Іоиль говоритъ: *освятите постъ* (II, 15); такъ какъ *освятить постъ* и значитъ-показать воздержаніе плоти, достойное Бога, то есть, въ соединеніи съ другими добрыми дѣлами. Да будетъ же извѣстно воздержнымъ, что воздержаніе тогда только благоугодно Богу, когда они раздаютъ неимущимъ тó, въ чемъ отказываютъ себѣ; въ противномъ случаѣ, пусть выслушаютъ относящееся къ нимъ слѣдующее обличеніе Господне: *аще постистеся и плачевоплъствисте въ пятинахъ или седминахъ* (*мѣсяца*), *и се седмьдесятъ лѣтъ, постомъ ли постистеся ми? и аще ясте или піете, не вы ли сами ясте и піете?* (Зах. VII, 5 и 6). И дѣйствительно; не Богу, а себѣ постится всякій, если тó, въ чемъ отказываетъ чреву своему въ извѣстное время, не раздаетъ нуждающимся, а бережетъ для удовлетворенія тому же чреву въ другое время.

Такимъ образомъ, чтобы невоздержные не разслабляли и не разстроивали себя и тѣлесно и душевно жадностію къ обжорству и пьянству, а воздержные не гордились удученіемъ плоти, надобно напоминать имъ слова самаго Спасителя,-первымъ: *внемлите себѣ, да некогда отягчаютъ сердца ваша объѣденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими*, противъ чего присовокупляется здѣсь и спасительная угроза, *и найдетъ на вы внезапу день той; яко сѣть бо прійдетъ на вся живущія на лицы всея земли* (Лук. XXI, 34 и 35); а послѣднимъ: *не входящее во уста сквернитъ человѣка; но исходящее изо устъ, то сквернитъ человѣка* (Мат. XV, 11). Пусть внемлютъ одни изъ нихъ однимъ словамъ Писанія: *брашна чреву, и чрево брашномъ; но Богъ и сію и сія упразднитъ; тѣло же не блуженію, но*

Господеви, и Господь тѣлу (1 Кор. VI, 13). И въ другомъ мѣстѣ: *благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пѣнствы* (non in comessationibus et ebrietatibus-не въ пиршествахъ и пьянствѣ) (Рим. XIII, 13). И еще: *брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ; ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII, 8). А другіе-другимъ: *вся чиста чистымъ; осквернѣннымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто* (Тит. I, 15). Пусть внемлютъ и невоздержные тому, что объ нихъ сказано: *имъ же богъ чрево, и слава въ студъ ихъ* (Филип. III, 19); пусть внемлютъ и воздержные тому, что написано и о нихъ: *отступятъ нѣцыи и отъ вѣры...возбраняя женитися и заповѣдуя удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину* (1Тим. IV, 1 и 3). Пусть внемлютъ и тѣ и тѣ, что къ кому изъ нихъ относится,-одни: *добро не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претыкается или соблазняется или изнемогаетъ* (Рим. XIV, 21); другіе же: *не пій* одной *воды, но мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23). Тогда и невоздержные отвыкнутъ мало-помалу отъ непомѣрнаго пристрастія своего къ пищѣ плотской и воздержные не станутъ презирать и отвергать ее сотворенной Богомъ.

ГЛАВА XXII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои благотворятъ своимъ добромъ другимъ; какъ-тѣхъ, кои и чужое отнимаютъ у ближняго

Наставленіе 20.

Иначе должно наставлять тѣхъ, кои милосердо раздаютъ свое добро другимъ; а иначе-тѣхъ, кои и чужое отнимаютъ у ближнихъ. Щедрыхъ благотворителей надобно предостере-

гать, чтобы они не превозносились выше ущедряемыхъ ими благотвореніями своими, надмѣваясь тою мыслію, что они помогаютъ другимъ. Ибо верховный Домувладыка, раздавая жребіи и служенія рабамъ своимъ, однихъ предназначилъ быть начальниками для управленія, а другихъ-быть подчиненными подъ управленіемъ, и тѣмъ повелѣлъ раздавать прочимъ необходимое, а симъ-принимать отъ нихъ раздаваемое. И потому какъ тѣ такъ и другіе должны быть внимательны къ повелѣніямъ и распоряженіямъ Господа; преимущественно же раздаятели даровъ благодати Божіей должны всегда помнить, кѣмъ и для чего они поставлены на дѣло своего служенія, и тѣмъ съ большею кротостію и смиреніемъ раздавать ввѣренные имъ дары, чѣмъ не сомнѣваѣе то́, что дары сіи принадлежатъ и другимъ. Они отнюдь не должны гордиться этимъ, а напротивъ должны совершать свое дѣло со страхомъ и трепетомъ, со всею заботливостію и вниманіемъ, наблюдая, чтобы ихъ раздаянія не были не справедливы:-чтобы не дать чего-либо тому, кому ничего не должны давать, и не отказать во всемъ тому, кому слѣдуетъ что-либо удѣлить; чтобы не дать кому-либо много вмѣсто немногаго, и наоборотъ-мало вмѣсто многаго; чтобы по неосмотрительности и поспѣшности не расточить даровъ Божіихъ безъ пользы; чтобы не мучить просящихъ своею медлительностію; чтобы въ душѣ ихъ не зародилась мысль о полученіи благодарности или о пріобрѣтеніи временной славы за свою благотворительность; чтобы ихъ сердце при раздаяніи даровъ не стѣснялось скорбію или не предавалось излишней радости; чтобы, наконецъ, даже исполнивши уже свой долгъ, не приписать себѣ таковыхъ дѣлъ благотворительности, и такимъ образомъ, совершивши все, не лишиться всегоже. А дабы благотворящіе не приписывали себѣ благотвореній, надобно напоминать имъ слова Писанія: *аще кто̀ служитъ, яко отъ крѣпости, тоже подаетъ*

Богъ, да о всемъ славится Богъ Іисусъ-Христомъ (1 Пет. IV, 11). Отъ чрезмѣрной радости въ благодѣяніи предостерегать ихъ слѣдующимъ наставленіемъ Спасителя: *егда сотворите вся повелѣнныя вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы; яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10); напротивъ отъ печали въ щедрости-слѣдующимъ изреченіемъ апостола: *доброхотна дателя любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). Противъ тщеславной благотворительности Писаніе даетъ наставленіе: *тебѣже творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мат. VI, 3); выжидающему же и домогающемуся вознагражденія за милостыню оно говоритъ: *егда сотвориши обѣдъ или вечерю, не зови друговъ твоихъ, ни братіи твоея, ни сродникъ твоихъ, ни сосѣдъ богатыхъ; еда како и тіи тя воззовутъ, и будетъ ти воздаяніе: но егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя; и блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати, воздастжется въ воскресеніе праведныхъ* (Лук. XIV, 12-14). Противъ тѣхъ, которые откладываютъ дѣла милосердія и благотворительности на будущее время, имѣя возможность привесть ихъ въ исполненіе заблаговременнѣе: *не отрецыся благотворити требующему, егда имать рука твая помогати; не рцы ему, отшедъ возвратися, и заутра дамъ, сильну ти сущу благотворити: не вѣси бо, что́ породитъ находящій день* (Прит. III, 27 и 28). Равнымъ образомъ и противъ тѣхъ, которые подъ видомъ щедрости любятъ расточать дары благотворенія безъ размышленія и разборчивости, если не со вредомъ, то и безъ пользы: *аще добра твориши, разумѣй, кому твориши, и будетъ благодать благимъ твоимъ* (Сир. XII, 1) [1]).

[1]) На мѣстѣ этого текста стоитъ въ подлинникѣ слѣдующій: »sudet eleemosyna in manu tua т. е. милостыня въ рукѣ

Есть въ Писаніи свидѣтельства и на то́, что даянія наши должны быть не меньше должнаго: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6); равно какъ и на то́, что эти же даянія должны быть и не больше должнаго: *не бо да инымъ убо отрада*, по слову Апостола, *вамъ же скорбь*; *но по изравненію* (равномѣрности), *ваше избиточествіе во оныхъ лишеніе, да и оныхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе* (вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а ихъ избытокъ послужитъ въ восполненіе вашего недостатка), *яко да будетъ равенство*; *аще бо усердіе предлежитъ, по елику аще кто имать* (смотря по тому, кто что́ имѣетъ) *благопріятенъ есть, а не по елику не имать* (а не по тому, чего не имѣетъ) (2 Кор. VIII, 12-14). И дѣйствительно; если рука дающаго, въ послѣднемъ случаѣ, даетъ больше должнаго, а душа его не въ состояніи перенесть тѣхъ лишеній, которымъ онъ можетъ подвергнуться, отказывая себѣ во многомъ чрезъ таковыя пожертвованія: то таковый датель своимъ подаяніемъ какъ бы самъ противъ себя вызываетъ нетерпѣніе и ропотъ. По этому напередъ надлежитъ ему искусить себя въ терпѣніи, и тогда уже быть готову на раздачу или многаго или всего добра своего неимущимъ, чтобы не очутиться въ томъ состояніи, когда постигаетъ его горе, заставляющее нуждаться въ помощи другихъ, а у него недостанетъ мужества переносить это горе великодушно, и тогда предполагаемую мзду щедрости своей потеряетъ и-что́ еще хуже-погубитъ душу свою отъ неизбѣжнаго ропота. Не должно также оставлять вовсе безъ удовлетворенія тѣхъ, которымъ слѣдуетъ что нибудь дать, по словамъ Писанія: *всякому*

дающаго да будетъ разборчива», но безъ цитата, и мы, при всемъ стараніи, не могли отыскать его въ Библіи, и потому привели подходящій къ нему текстъ изъ Сираха.

просящему у тебе дай (Лук. VI, 30); но съ другой стороны надобно внимательно наблюдать, чтобы не подавать чего бы то ни было тому, кому ничего не должно давать. какъ сказано въ томъ же писаніи: *даждь благочестивому, и не заступай грѣшника*; или же: *добро сотвори смиренному, и не даждь нечестивому* (Сир. XII, 4 и 5); и еще: *иждѝвай хлѣбы твоя*(и вино твое) *при гробѣ праведныхъ, грѣшникомъ же да не даси* [1]) (Тов. IV, 17).

Это послѣднее наставленіе направлено противъ тѣхъ, которые, подавая хлѣбъ свой (и вино) грѣшникамъ, благотворятъ имъ именно за ихъ беззаконіе и злодѣяніе. Сюда могутъ быть отнесены и тѣ богачи міра сего, которые расточаютъ сокровища свои на содержаніе шутовъ, комедіантовъ, борцовъ и тому подобныхъ праздныхъ тунеядцевъ (histriones), служащихъ только для забавы и увеселенія ихъ, тогда-какъ многіе нищіе и убогіе изъ меньшихъ братьевъ Христовыхъ (Мат. XXV, 40) истаеваютъ отъ голода. Но кто помогаетъ грѣшнику, не какъ грѣшнику, а какъ человѣку нуждающемуся, тотъ непогрѣшаетъ противъ сего наставленія, уважая въ человѣкѣ не его грѣховность а страждущую природу человѣческую.

Наконецъ творящіе милостыню, искупая ею грѣхи свои, пусть не предаются безбоязненно новымъ грѣхамъ, повторяя ихъ многократно, въ надеждѣ загладить и тѣ милостынею; ибо правда Божія не подкупна, которую бы можно было покупать за деньги, грѣша безнаказанно. Притомъ,

---

[1]) Въ подлинникѣ у св. Григорія этотъ текстъ читается такъ: »panem tuum et vinum super sepulturam justi constitue, et noli ex eo manducare et bibere cum peccatoribus—хлѣбъ твой и вино предлагай при погребеніи праведнаго, но не ѣшь его и не пей съ грѣшниками«. По этому и далѣе говорится у него: panem enim suum et vinum peccatoribus praebet, qui и проч.

не душа ли больше пищи, и тѣло одежды (Мат. VI, 25. Лук. XII, 23)? Если же такъ, то, подавая пищу или одежду неимущимъ, но въ тоже время оскверняя душу свою или тѣло грѣхами, они что̀ худшаго приносятъ правдѣ Божіей, а что̀ лучшаго отдаютъ неправдѣ вражеской: тлѣнными благами своими жертвуютъ Богу, а самихъ себя предаютъ діаволу.

Какое же послѣ сего наставленіе можетъ быть предложено тѣмъ, которые и чужое похищаютъ у другихъ? Надлежитъ представить имъ напередъ, чтобы они выслушали со вниманіемъ, что скажетъ Господь не творящимъ дѣлъ милости, когда пріидетъ сотворить послѣдній судъ. Онъ скажетъ имъ тогда: *взалкахся, и не дасте ми ясти; вождахся, и не напоисте мене; странень бяхъ, и не введосте мене, наг, и не одѣясте мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте мене*, и этимъ словамъ своимъ предпошлетъ слѣдующія: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мат. XXV, 41-43). Объ нихъ и не говорится, чтобы они совершали хищенія или другія какія-либо насилія, и не смотря на то̀ предаются вѣчному огню геенскому. Отсюда само собою слѣдуетъ, что если такая участь постигнетъ не удѣляющихъ неимущимъ отъ избытка имущества своего; то что̀ ожидаетъ похищающихъ чужое? Пусть же они послѣ того размыслятъ объ этомъ, какой отвѣтственности подвергаютъ себя своимъ хищеніемъ, если таковому наказанію присуждаются неисполнившіе долга милосердія, и чего заслуживаютъ они своими дѣлами неправды, если такъ наказывается даже невниманіе къ дѣламъ любви.

Простираются ли руки ихъ на разграбленіе имущества ближнихъ?-Пусть внемлютъ они гласу пророка: *горе умножающему себѣ не сущая его; доколѣ отягчаетъ узу своею тяжцѣ* стяжаніями грѣховнаго блага (usquequo ag-

gravat contra se densum lutum)? *и будетъ* самъ *въ разграбленіе* (Аввак. II, 6 и 7). Думаютъ ли они расширить чрезъ хищеніе домы свои?-Да послушаютъ другаго пророка: *горе совокупляющимъ домъ къ дому, и селе къ селу приближающимъ, до ближнему отъимутъ что; еди вселится единъ на земли?* (Ис. V, 8). Онъ какъ бы такъ говоритъ: доколѣ будете вы разширяться,-вы, которые не можете терпѣть сообщниковъ себѣ въ этомъ общемъ для всѣхъ и всѣмъ принадлежащемъ мірѣ? Тѣхъ же, которые находятся съ вами въ какомъ-либо общеніи, тѣсните и преслѣдуете; но вмѣсто однихъ всегда встрѣчаете для своей борьбы другихъ. Жаждутъ ли приращенія денегъ и вообще пріумноженія богатствъ?-Пусть обратятся къ премудрому Проповѣднику, испытавшему все подъ солнцемъ, что онъ говоритъ объ этомъ: *любій сребро* (amans-скупой, сребролюбивый, жадный), *не насытится сребра*; и любящій богатство (qui amat divitias) *не насладится плодами его* (Еккл. V, 9). Плодами этихъ благъ воспользуется тотъ, кто хорошо распоряжается ими во благо и свое и ближняго своего, не пристращаясь къ нимъ; а кто дѣлается рабомъ ихъ, тотъ и здѣсь даже оставитъ ихъ безъ пользы. Стремятся ли пресытиться всѣми этими достатками и благами?-Не мѣшаетъ таковымъ замѣтить, что гонящіеся за всѣмъ и *хотящи* во всемъ *богатитися впадаютъ во напасти и сѣти* (1 Тим. VI, 9), и кто *тщится обогатитися*, тотъ *не останется непозваннымъ* (Притч. XVIII, 20 и 22)[1]. И конечно: кто всѣми силами и всѣми средствами домогается пріумноженія богатствъ и наслажденія благами ихъ, тотъ не станетъ удаляться отъ пороковъ и убѣгать грѣха. Глядя на приманку (escam-пищу) земныхъ удовольствій, онъ, при

---

[1]) По еврейскому тексту и Вульгатѣ, какъ у Григорія сказано: »qui festinat ditari, non erit innocens«.

своей жадности, уловляется подобно птицамъ, самъ не зная, отъ какого силка грѣховнаго придется ему погибнуть (quo pe·cati laqueo stranguletur). Желаютъ ли захватить себѣ наслѣдство, увлекаясь неправедною корыстію къ временнымъ пріобрѣтеніямъ и непомышляя о будущемъ?-Пусть прочтутъ или выслушаютъ слова Премудраго: *чаетъ* (haereditas наслѣдство) *поспѣшна въ началѣ, въ послѣднихъ неблагословится* (Прит. XX, 21). Намъ дана настоящая жизнь для того, чтобы чрезъ нее достигнуть благословеннаго состоянія въ жизни будущей. Итакъ, кто здѣсь заботится о наслѣдствахъ, тотъ тамъ ставитъ себѣ преграды и пресѣкаетъ путь къ благословенію; ибо жадность къ неправеднымъ стяжаніямъ въ настоящей жизни устраняетъ его отъ вѣчнаго наслѣдства въ будущей. Положимъ даже, что возобладали бы они всѣмъ, чего ищутъ и домогаются. Но, *кая польза человѣку*, говоритъ самъ Спаситель, *аще* кто *міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мат. XVI, 26)? Смыслъ истины этихъ словъ таковъ: что́ пользы человѣку въ томъ, если онъ все, что́ внѣ его, собираетъ, а одного самаго себя губитъ? Вообще же надобно замѣтить, что корыстолюбіе хищниковъ и грабителей большею частію и скорѣе всего обуздывается, когда въ словахъ проповѣдника живо выяснится и представится для нихъ мысль о томъ, какъ кратковременна и скоропреходяща настоящая жизнь, и если проповѣдникъ приведетъ имъ на память множество примѣровъ такихъ людей, которые долго собирали въ сей жизни всевозможныя богатства, и однакоже не могли упрочить ихъ за собою, у которыхъ внезапная смерть вдругъ отнимала все, что собирали они въ продолженіи многихъ лѣтъ разными путями неправды, и которые перешли въ загробную жизнь, не только оставивъ всѣ стяжанія свои, но и понесли съ собою тяжкое бремя грѣховъ хищенія и грабительства, въ чемъ должны будутъ дать отчетъ на

страшномъ судѣ Божіемъ. Пусть они выслушаютъ все это и остановятся мыслію на таковыхъ примѣрахъ, къ сожалѣнію, и у насъ передкихъ, въ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, и сами они осуждаютъ на словахъ подобные поступки. Быть не можетъ, чтобы таковаго наставленія не приняли они къ сердцу, и, переходя отъ словъ къ дѣлу, не устыдились покрайней мѣрѣ подражать тому, что въ другихъ осуждаютъ.

ГЛАВА XXIII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые не простираютъ рукъ своихъ на чужое, но не выпускаютъ изъ нихъ и своего; какъ тѣхъ, которые хотя и дѣлятся добромъ своимъ съ другими, однакоже падки и на чужое.

Наставленіе 21.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которые не простираютъ рукъ своихъ на чужое, но не выпускаютъ изъ нихъ и своего; а иначе-тѣхъ, которые хотя и дѣлятся добромъ своимъ съ другими, однакоже падки и на чужое. Тѣмъ, которые не ищутъ и не домогаются чужаго, но и своего не любятъ удѣлять другимъ, надобно внушать особенно ту мысль, что земля, *отъ нея же* мы *взяты* (Быт. III, 19), обща всѣмъ намъ и производитъ блага свои также для всѣхъ вообще. И потому напрасно считаютъ себя невинными тѣ, кои общій даръ Божій присвоиваютъ себѣ однимъ, ничего не удѣляя другимъ изъ достающагося имъ. Поступая такимъ образомъ, они посягаютъ на жизнь многихъ ближнихъ, дѣлаясь виновниками столькихъ смертей, у сколькихъ бѣдняковъ съ голоду умирающихъ удерживаютъ принадлежащую имъ часть благъ земныхъ. Ибо, удѣляя неимущимъ отъ избытка своего, мы даемъ имъ не свое

что-либо, а ихъ собственное, и болѣе исполняемъ долгъ правды, нежели творимъ дѣло милости. И небесный Учитель нашъ въ нагорной бесѣдѣ своей къ ученикамъ и окружавшему ихъ народу, говоря между прочимъ о дѣлахъ милосердія, училъ творить эти дѣла въ тайнѣ, и не въ видѣ милости, а какъ долгъ правды: *внемлите*, говорилъ, *милостыни вашея* (justitiam vestram-правды вашея) *не творите предъ человѣки, да видимы будете ими... тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мат. VI, 1 и 3). Согласно сему и Псалмопѣвецъ говоритъ: *расточа, даде убогимъ; правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Псал. CXI, 9), признавая щедрость къ бѣднымъ и убогимъ не столько милостынею, сколько *правдою*, долгомъ справедливости, на томъ основаніи, что достающіяся намъ отъ Господа въ излишествѣ блага не однимъ намъ принадлежатъ, а составляютъ достояніе общее, преимущественно же достояніе неимущихъ. И въ другомъ мѣстѣ: *весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный, и сѣмя его во благословеніе будетъ* (-XXXVI, 26). Тоже и Соломонъ свидѣтельствуетъ: *праведный милуетъ и щедритъ нещадно* (не скупится) (Прит. XXI, 26). Тѣ, къ коимъ относится сіе наставленіе, пусть еще внемлютъ жалобѣ представленнаго въ евангельской притчѣ виноградаря на безплодную *смоковницу*, безполезно *упражняющую* (занимавшую) только *землю* въ виноградникѣ (Лук. XII, 6-9). Ибо кого должно разумѣть подъ этою смоковницею, какъ не тѣхъ неподатливыхъ богачей-скрягъ, кои удерживаютъ у себя безъ всякой пользы блага, столь полезныя и необходимыя для многихъ? и не всуе-ли они упражняютъ занимаемое ими мѣсто и своею бездѣйственностію держатъ-такъ сказать-въ тѣни ту благодатную землю, которую бы другіе воздѣлали и дѣлами благотворенія, какъ лучами солнца, согрѣли и оплодотворили ее?

Правда, они часто говорятъ: »мы пользуемся тѣмъ, что намъ дано, и не ищемъ чужаго; хотя мы не творимъ ничего достойнаго награды, уготованной милосердымъ, за то ничего не дѣлаемъ и худаго«. Но они такъ говорятъ потому, что отвращаютъ слухъ свой отъ вѣщаній небесной истины. Упоминаемый въ другой притчѣ *богачъ, одѣвавшійся въ порфиру и виссонъ и веселившійся по всѣ дни сытно*, не похищалъ ничего чужаго (ибо притча не говоритъ о семъ); однакожъ гдѣ является онъ по смерти? *во адѣ... сый въ мукахъ!* Что же это значитъ?-то, что онъ, хотя и не похищалъ чужаго, однакожъ и не дѣлалъ ничего во благо ближнихъ, имѣя въ виду только самаго себя, и не призрѣлъ даже бѣднаго *нищаго Лазаря, лежавшаго предъ вратами его гнойна* (въ струпьяхъ), такъ-что *и пси приходяще облизаху гной его* (Лук. XVI, 19 и дал.).

Да уразумѣютъ же невнимательные къ нуждамъ бѣдныхъ, что они крайне оскорбляютъ самаго Бога, когда, получая отъ Него все, не приносятъ Ему, въ лицѣ меньшей братіи Христовой, никакой жертвы состраданія къ ближнимъ. Пусть не забываютъ того, что говоритъ Псалмопѣвецъ: *не дастъ Богу* (человѣкъ) *измѣны* (выкупа) *за ся, ниже цѣны избавленія за душу свою* (Псал. XLVIII, 8 и 9. срвн. Мат. XVI, 26). Давать же Богу цѣну выкупа значитъ воздавать предваряющей насъ благодати Божіей дѣла благотворительности. Равнымъ образомъ пусть всегда памятуютъ слѣдующую угрозу евангельскую: *уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ; всякое убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣчено бываетъ и во огнь вметаемо*[1]) (Мат. III, 10). И потому тѣ,

[1]) У св. Григорія, по тексту Вульгаты, сказано, въ будущемъ времени: omnis arbor, quae non facit fructum bonum, *excidetur* et in ignem *mittetur*—всякое древо, еже не творитъ плода добра *будетъ посѣчено* и во огнь *ввержено*.

которые, хотя и не простираютъ рукъ своихъ на чужое, но и не дѣлаютъ ничего добраго для ближнихъ, считаютъ себя невинными, пусть позаботятся предотвратить отъ себя грозящіе имъ удары отъ сѣкиры и огня и постараются выйти изъ этого состоянія безразсудной безпечности; иначе могутъ быть отсѣчены отъ настоящей жизни до основанія, при всей крѣпости своего корня, если не перестанутъ пренебрегать плодами добрыхъ дѣлъ.

Напротивъ того, тѣхъ, которые соединяютъ щедрость подаяній своихъ съ похищеніемъ чужаго, надлежитъ предостерегать, чтобы они, увлекаясь таковою щедростію, подъ симъ видомъ добра не сдѣлались хуже. Ибо, расточая безъ разбору свое имущество, они не только становятся раздражительными и склонными къ ропоту, какъ мы выше уже замѣтили [1]), но и готовы бываютъ, приходя въ разстроенное состояніе, польститься на чужое. Что же можетъ быть несчастнѣе таковыхъ, у которыхъ изъ щедрости раждается корыстолюбіе со страстію къ неправедному любостяжанію, и на почвѣ, засѣянной, по видимому, добродѣтелію, произрастаютъ грѣховные пороки. Итакъ, пусть они сперва научатся благоразумно хранить свое достояніе, а еще благоразумнѣе распоряжаться имъ, а потомъ приступаютъ и къ истребленію страсти посягательства на чужое; иначе сказать: пусть они исторгнутъ корень вины-расточительность свою, а возрастающіе отсюда вѣтви пороковъ сами собою исчезнутъ. Благоразумное распоряженіе достояніемъ своимъ устранитъ всякій поводъ къ раздражительности, ропоту и самому хищенію. Но это не то значитъ, чтобы надлежало избѣгать щедрости въ благотворительности, а то, что щедрость въ дѣлахъ милосердія не должна быть помрачаема и унижаема пожеланіемъ и хищеніемъ достоянія ближнихъ.

---

[1]) Смот. предыдущ. глав. XXII. строф. 1 под. конец. и XXI. строф. 2 и 3.

Если мы силою будемъ отнимать у однихъ то, что другимъ даемъ щедрою рукою,-будетъ ли это милосердіе? нѣтъ; иное дѣло-творить милостыню за грѣхи, а иное-грѣшить изъза милостыни, полагаясь на нее. Такое милосердіе-не милосердіе: оно не можетъ дать сладкаго плода, потому-что пропитнуто ядомъ и горечію вредоноснаго корня. Посему-то Господь отвергаетъ и самыя жертвоприношенія подобнаго рода: *Азъ есмь Господь*, говоритъ Онъ чрезъ Пророка, *любяй правду, и ненавидяй грабленія отъ неправды* (in holocausto-во всесожженіи) (Ис. LXI, 8). И премудрый Соломонъ говоритъ: *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви; ибо беззаконно приносятся* (Прит. XXI, 27). А премудрый Сирахъ замѣчаетъ, какъ взираетъ Господь на таковыя жертвы, говоря: *яко жрый сына предъ отцемъ его, тако приносяй жертвы отъ имѣнія убогихъ* (Сир. XXXIV, 20). И что можетъ быть поразительнѣе, какъ смерть сына предъ очами отца? Таковое сравненіе приносимой жертвы со скорбію обезчадѣвшаго отца показываетъ, какъ возмутительна для Господа таковая жертва. И при всемъ томъ таковые жертвователи, одною рукою дающіе, а другою отнимающіе, только и думаютъ и трубятъ о томъ, сколько они дѣлаютъ пожертвованій; а о томъ, сколько сдѣлали они насилій и хищеній, и помыслить не хотятъ, скрывая это и отъ себя и отъ другихъ: они какъбы разсчитываютъ даже на возмездіе за свои жертвы, а вины преступленій и не признаютъ за собою. Но не объ нихъ ли говоритъ пророкъ Аггей: *собирая мзди, собра во влагалище дирявое* (1, 6)? Объяснимъ это. Когда полагаемъ деньги въ *дирявое влагалище*, мы видимъ ихъ; но не видимъ, когда теряемъ: подобнымъ образомъ и таковые раздаятели видятъ то, что даютъ, но не видятъ того, что отнимаютъ, почему и считаютъ только награды пріобрѣтенія, а о потеряхъ и наказаніяхъ не помышляютъ. Еслиже

такъ, то не *въ диравое* ли *влагалище собираютъ* они *мзды* своя?

ГЛАВА XXIV.

Какимъ образомъ должно наставлять враждолюбивыхъ и какъ миролюбивыхъ.

Наставленіе 22.

Иначе должно наставлять враждолюбивыхъ, иначе-миролюбивыхъ. Любящимъ раздоры и вражды нужно напоминать, что они, какими бы ни украшались добродѣтелями, никогда не достигнутъ духовнаго совершенства, но пребудутъ плотяны, доколѣ не войдутъ въ согласіе и миръ съ ближними. Такъ и Писаніе говоритъ: *плодъ духовный есть-любы, радость, миръ...* (Гал. V, 22); слѣдовательно, кто не заботится о сохраненіи мира, тотъ отвергаетъ *плодъ духовный*. По сему-то апостолъ Павелъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *идѣже въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. III, 3)? а въ другомъ даетъ наставленіе: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихъ же кромѣ* (sine qua-безъ чего) *никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14), *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира: едино тѣло и единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего* (Ефес. IV, 3 и 4). Значитъ, нѣтъ части *во единомъ упованіи званія* тому, кто не блюдетъ единенія со всѣми. А между тѣмъ не мало можно видѣть примѣровъ, что иные, отличаясь особенными какими-либо добродѣтелями, съ гордостію смотрятъ на взаимное общеніе и единеніе, которое, можетъ быть, превышаетъ ихъ добродѣтели.-Такъ, иной строго соблюдаетъ тѣлесное воздержаніе; но изъ-за воздержанія своего, которымъ превосходитъ другихъ, чуждается ихъ и не входитъ съ ними ни въ какое общеніе. Таковые забываютъ,

какъ славословить должно Бога,-забываютъ слова Псалмопѣвца, который говоритъ: *хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ* (Псал. CL, 4). Въ *тимпанѣ* (литаврѣ или барабанѣ) издаетъ звукъ сухая и натянутая кожа чрезъ посредство ударовъ; а въ *лицѣ* (хорѣ) соединяются въ стройный и гармоническій ладъ разные голоса чрезъ взаимное между собою согласіе. Что же примѣнительно къ настоящему выражаетъ *тимпанъ*, какъ не удрученіе плоти воздержаніемъ и постомъ, и что *ликъ*, какъ не соблюденіе согласія и мира со всѣми? Итакъ тѣ, кои удручаютъ плоть свою, но пренебрегаютъ миролюбивымъ общеніемъ съ ближними своими, хвалятъ Бога токмо *въ тимпанѣ*, но не *въ лицѣ*. Иные же, обогащаясь многоразличными познаніями, становятся надменными и считаютъ для себя за низость сообщаться съ другими, такъ-что чѣмъ бо́льшую снискиваютъ мудрость, тѣмъ больше презираютъ ихъ. Таковые пусть внимаютъ вѣщанію небесной Истины: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Марк. IX, 50); такъ заповѣдуетъ Она съ мудростію соединять миролюбіе. И дѣйствительно, соль или мудрость безъ мира служитъ не къ спасенію, а на пагубу; ибо чѣмъ болѣе хвалится кто вѣдѣніемъ, тѣмъ болѣе становится онъ виновнѣе во грѣхахъ своихъ, нежели невѣдущій, и подвергается тѣмъ бо́льшему наказанію, чѣмъ удобнѣе для него избѣжаніе грѣха. Къ нимъ же относятся и слѣдующія слова Іакова: *аще зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитеся, ни лжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше нисходящи, но земна, душевна, бѣсовска.. А яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна...* (III, 14. 15. 17): *чиста*, ибо ея помышленія чисты; *мирна*, ибо чужда гордости, презирающей миръ и общеніе съ ближними. Наконецъ, расположеннымъ къ враждѣ и раздорамъ надобно внушать

истину словъ евангельскихъ, чтобы они познали, что никакія добрыя дѣла ихъ не могутъ служить благоугодною Богу жертвою, до тѣхъ, пока будутъ удаляться отъ мира и любви съ ближними. Слова эти сказаны самимъ Спасителемъ въ нагорной бесѣдѣ Его къ ученикамъ и народу: *аще принесеши даръ твой ко олтарю*, говорилъ Онъ между прочимъ, *и ту помянеши* (вспомнишь), *яко братъ твой имать нѣчто на тя; остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися* (примирись) *съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мат. V, 23 и 24). Изъ этого можешь заключить, сколь велика вина тѣхъ, чья жертва отвергается. Всякій грѣхъ можетъ быть изглажденъ противоположнымъ добрымъ дѣломъ; но какое доброе дѣло возможно для враждующаго, если онъ не исторгнетъ самаго корня зла,-не истребитъ въ сердцѣ своемъ вражды? Если же враждующіе отвращаютъ слухъ свой отъ внушеній небесной Истины; то пусть, по крайней мѣрѣ, обратятъ взоръ свой на то́, что́ происходитъ вблизи и вокругъ каждаго изъ нихъ: они увидятъ, что птицы одного рода, при совокупномъ полетѣ, не оставляютъ другъ друга, безсловесныя животныя стадами ходятъ на пастьбищахъ, и много другихъ подобныхъ тому примѣровъ. И если внимательно посмотримъ на эти явленія, то неразумныя твари взаимнымъ согласіемъ своимъ не явно ли обличаютъ насъ, какое великое зло производитъ тварь разумная своимъ несогласіемъ и разладомъ? Обладая разумомъ, она вопреки сему дару отвергаетъ то́ благо, къ которому тѣ, не имѣя этого дара, стремятся по одному только природному влеченію.

Совсѣмъ иныя наставленія должно предлагать миролюбивымъ. Ихъ надобно предостерегать, чтобы, предаваясь сверхъ надлежащаго мирной жизни временной, преходящей, не позабыли и не звонерадѣли они о мирѣ жизни вѣчной,

нескончаемой,-что́ легко можетъ произойти отъ искусительнаго и обманчиваго покоя въ настоящей жизни и лишить мира въ жизни будущей. По сему-то Господь нашъ Іисусъ Христосъ, оставляя уже землю и готовясь къ Отцу Небесному, какъ бы въ прощальной бесѣдѣ, говоритъ къ ученикамъ своимъ: *миръ* (pacem) *оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не якоже міръ* (mundus) *даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. XIV, 27), какъ бы такъ: »оставляю миръ переходной (transitoriam), даю миръ пребывающій во вѣки (mansuram)«, показывая тѣмъ различіе между миромъ земнымъ и миромъ пренебеснымъ и призывая ихъ отъ настоящаго къ грядущему. Слѣдовательно, кто всецѣло предается мирному покою земному, тому трудно уже достигнуть мира небеснаго. Миръ должно любить, конечно, но не безъ ограниченій. Такъ, пристрастная любовь къ мирной жизни временной не должна удерживать насъ отъ обличенія пороковъ и чрезъ потворство нечестію нарушать нашъ миръ съ Творцомъ нашимъ и Виновникомъ всякаго міра: иначе-мы, опасаясь и избѣгая разрыва внѣшнихъ связей, можемъ подвергнуться испытанію въ душѣ своей тяжкаго для насъ расторженія внутренняго союза съ Богомъ. И что́ такое миръ земной, преходящій, какъ не слѣдъ (и только одинъ слѣдъ) мира небеснаго, вѣчнаго? Не безразсудно ли, поэтому, возлюбить и предпочесть слѣдъ, оставленный на прахѣ земномъ, а не позаботиться съ предусмотрительностію о любви къ Тому, Кто оставилъ его? По этому Давидъ, сохраняя постоянно миръ внутренній, свидѣтельствуетъ, что онъ не стѣснялся нарушеніемъ мира внѣшняго съ нечестивыми: *не ненавидящія ли Тя, Господи, возненавидѣхъ, и о врагѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Псал. CXXXVIII, 21 и 22). И что́ значитъ *совершенною ненавистію ненавидѣть* ненавидящихъ Господа? значитъ любить-ихъ, какъ

сотворенныхъ Богомъ, но ненавидѣть въ нихъ и обличать то́, что́ творятъ они вопреки волѣ Творца своего, значитъ-поддерживать и сохранять ихъ жизнь, но вмѣстѣ подавлять и искоренять ихъ нечестіе, не страшась ихъ вражды и злобы.

Такимъ образомъ надобно внушать этимъ миролюбцамъ, какой отвѣтственности подвергаются они за свое равнодушіе и невнимательность въ дѣлѣ обличенія нечестивцевъ (особенно если они призваны на то́), потворствуя нечестію ихъ своимъ миролюбивымъ молчаніемъ, когда избранникъ Божій, Царь и Пророкъ, приносилъ Богу какъ бы жертву тѣмъ, что ревностію своею по Бозѣ возбуждалъ противъ себя вражду грѣшниковъ. Такъ и сыны Левіины, избившіе поклонниковъ златаго тельца, сотворили дѣло благоугодное Богу: *наполнисте* (consecraste-освятисте) *руки ваша днесь Господу*, говорилъ имъ Моисей, *да дастся на васъ благословеніе* (Исх. XXXII, 27-29). И благочестивая *ревность по Бозѣ* Финееса, пронзившаго *сулицею* (дротикомъ или копьемъ) *израильтянина Замврія* съ *мадіанитянкою Хазвіею* среди самаго *блуженія*, которымъ *осквернялись сыны Израилевы со дщерми Мадіамли, утолила гнѣвъ Божій* (Числ. XXV). Понятны теперь слова Господа: *не мните, яко пріидохъ воврещи* (*дати*) *миръ на землю: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ* (Мат. X, 34. Лук. XII, 51). Ибо союзъ съ нечестивыми противенъ Богу; и потому долженъ быть разсѣкаемъ. Можно припомнить при семъ, какъ благочестивый Іосафатъ, царь Іудинъ, прогнѣвалъ Бога союзомъ съ Ахавомъ, царемъ нечестивымъ Израильскимъ; каковой союзъ едва не погубилъ Іосафата, и только *обратшаяся* въ немъ *дѣла благая* спасли его, какъ сказано было ему чрезъ пророка: *царю Іосафате! нечестиву ли даеши помощь, или ненавидиму отъ Господа дружиши? сего ради бысть на тя гнѣвъ Господень; но*

токмо дѣла благая обрѣтошася въ тебѣ, зане отъялъ еси кумиры отъ земли Іудины, и исправилъ еси сердце твое взыскати Господа (2 Пар. XIX, 2 и 3). Такъ Всеправеднаго оскорбляетъ самый союзъ нашъ съ нечестивыми; и потому мы не должны чрезмѣрно дорожить временнымъ миромъ, а, нарушая миръ внѣшній, должны заботиться о сохраненіи внутренняго. И тотъ же избранникъ Божій, Давидъ, мужъ по сердцу Божію, благоразумно соблюдалъ, какъ мы замѣтили уже, и то и другое: *съ ненавидящими мира*, говоритъ онъ, *бѣхъ миренъ; егда глаголахъ имъ, боряху мя туне* (Псал. CXIX, 6 и 7). Такимъ образомъ онъ и въ то время, когда отверзалъ уста свои на обличеніе грѣшниковъ, терпѣлъ отъ нихъ нападенія, и независимо отъ того, когда подвергался ихъ нападеніямъ, былъ съ ними миренъ, не оставляя вразумлять своими обличеніями и не переставая любить обличаемыхъ. По сему и апостолъ Павелъ говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. XII, 18). Убѣждая хранить миръ со всѣми, Апостолъ не напрасно сказалъ предварительно: *аще возможно*, и къ тому присовокупилъ: *еже отъ васъ*. Ибо при обличеніи нечестивыхъ трудно и почти не возможно сохранить внѣшній миръ, и потому онъ располагаетъ насъ къ сохраненію мира внутренняго, какъ бы такъ говоря: миръ состоитъ въ согласіи двухъ сторонъ; посему, если обличаемые вами нарушаютъ миръ, то вы обличающіе и вразумляющіе ихъ сохраните его въ душѣ своей. И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ, сказавши: *аще кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ сего назнаменуйте, и не примѣшайтеся ему, да посрамится*, прибавляетъ: *и не яко врага имѣйте его, но наказуйте якоже брата* (2 Сол. III, 14 и 15). Онъ какъ бы такъ говоритъ: нарушеніемъ внѣшняго мира съ нимъ не стѣсняйтесь и не страшитесь этого, но внутренній по отношенію

къ нему миръ сердечно храните, такъ-чтобы внѣшнее отчужденіе ваше отъ грѣшника поражало его, а внутреннее расположеніе къ нему привлекало его, предпочитая внутренній миръ внѣшнему.

ГЛАВА XXV.

Какимъ образомъ должно наставлять посѣвающихъ раздоры и какъ миротворцевъ.

Наставленіе 23.

Иначе должно наставлять посѣвающихъ раздоры, иначе-миротворцевъ. Тѣмъ, которые посѣваютъ раздоры, надобно представлять, кому они послѣдуютъ. По ученію притчи евангельской, *вспявый плевелы посредь пшеницы*—это есть *врагъ человѣковъ, сотворивый сіе, діаволъ*, сатана, или отпадшій отъ Бога ангелъ (Мат. XIII, 25. 28. 39). Подражателей же или послѣдователей его Соломонъ описываетъ такъ: *мужъ безумный и законопреступный ходитъ въ пути неблаги* (а по тексту св. Григорія: »homo apostata, vir inutilis, graditur ore perverso—человѣкъ богоотступникъ мужъ пагубенъ: онъ ходитъ съ лицемъ безстыжимъ и языкомъ распущеннымъ«); *тои же намизаетъ очима, и знаменіе даетъ ногою, учитъ же помаваніемъ перстовъ; развращенно же сердцемъ куетъ злая, и на всякое время таковый мятежи* (jurgia seminat—несогласія и раздоры посѣваетъ) *составляетъ* (Прит. VI, 12—14). Такимъ образомъ посѣвающій раздоры прежде всего называется въ Писаніи отступникомъ (apostata): ибо если бы онъ, по примѣру возгордившагося ангела, не палъ внутренно отвращеніемъ ума и сердца своего отъ лица Создателя, то и во внѣшнихъ поступкахъ не дошелъ бы онъ до того состоянія, чтобы содѣлаться источникомъ и виновникомъ такихъ нестроеній. И потому вѣрно сказано о немъ,

что онъ *намизаетъ очима, даетъ знаменіе ногою, учитъ же помаваніемъ перстовъ*. Стражъ нашихъ дѣйствій внутри насъ, который блюдетъ за правильностію движеній внѣшнихъ членовъ нашихъ. Этотъ внутренній стражъ состоитъ въ здравомъ умѣ и чистотѣ сердца. Кто лишился стража этого, тотъ неизбѣжно впадаетъ въ безпорядочныя движенія и внѣшними дѣйствіями своими обнаруживаетъ, что у него нѣтъ внутри никакой опоры, на которой бы могъ онъ утвердиться. Пусть еще сѣятели несогласій и раздоровъ выслушаютъ, что сказано въ Писаніи о миротворцахъ: *блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мат. V, 9), и выведутъ отсюда обратное заключеніе о себѣ, что если миротворцы называются *сынами Божіими*; то какъ назвать и чѣмъ признать виновниковъ нестроенія и смутъ общественныхъ, какъ не »сынами діавола«? (Іоан. VIII, 44). *Сего ради явлена суть чада Божія и чада діаволя* (Іоан. III, 10). Всѣ отдѣляющіеся чрезъ свои раздоры отъ единенія взаимной любви, безъ этой любви, какъ безъ жизненной силы, чахнутъ и засыхаютъ, становясь неспособными въ своей дѣятельности къ принесенію плодовъ благихъ дѣлъ, а если и приносятъ какой плодъ, то онъ ничтоженъ, потому что дѣла безъ любви—ничто (1 Кор. XIII, 1—3). По этому ихъ надобно вразумить, какъ много они грѣшатъ и какъ тяжки ихъ грѣхи: посѣвая раздоры и изгоняя любовь, они исторгаютъ корень всѣхъ добродѣтелей и полагаютъ сѣмена всѣхъ золъ. И какъ Богъ благоугождается болѣе всего дѣлами любви; то для діавола нѣтъ ничего вожделѣннѣе истребленія любви. Итакъ, потерявши ее самъ, врагъ Бога и человѣковъ, вмѣстѣ съ клевретами своими, хочетъ и старается чрезъ *сѣяніе плевелъ посредь пшеницы* искоренить любовь и въ нашихъ сердцахъ, чтобы лишить и насъ возможности восходить къ Богу и наслаждаться общеніемъ съ Нимъ.

Напротивъ, миротворцевъ надлежитъ предостерегать, чтобы они не унижали своего высокаго подвига, не зная или не разбирая, между кѣмъ должны они утверждать и укрѣплять миръ. Ибо сколько благотворенъ миръ между добрыми, столько пагубенъ союзъ нечестивыхъ. Этотъ союзъ между нечестивыми даетъ злу возможность усиливаться болѣе и болѣе, ибо чѣмъ тѣснѣе соединяются между собою нечестивые, тѣмъ дерзновеннѣе преслѣдуютъ они добродѣтельныхъ. Вотъ почему сказано блаженному Іову свыше о провозвѣстникахъ и сообщникахъ отверженнаго сосуда нечестія т. е. антихриста, подъ видомъ чешуи (sub squamarum specie) чудовищнаго животнаго морскаго: *утроба его щиты мѣдяны, союзъ же его якоже смиритъ камень* [1]), *единъ ко другому прилипаютъ, духъ же не пройдетъ его, плоти же* (membra-члены) *тѣлесе его сольпущася* (Іов. XLI, 6. 7. 14). И потому сообщниковъ и послѣдователей его, какъ врага Божія и врага человѣковъ, должно убѣгать и стараться не о соединеніи, а о раздѣленіи ихъ между собою. Такъ поступилъ великій служитель Церкви Божіей, апостолъ Павелъ, когда преслѣдовали его фарисеи вмѣстѣ съ саддукеями. Видя, что тѣ и другіе возстали противъ него единодушно, онъ воззвалъ къ нимъ: *мужіе братіе! азъ фарисей есмь, сынъ фарисеовъ; о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю* (меня судятъ) (Дѣян. XXIII, 6). Такъ какъ фарисеи признавали, а саддукеи отвергали воскресеніе мертвыхъ; то между ними произошла распря, и они раздѣлились. Такимъ образомъ апостолъ Павелъ освободился отъ нападенія вражескаго сонмища. По сему для примиренія нечестивыхъ необходимо расположить ихъ прежде къ внутреннему миру, чтобы потомъ могъ быть полезенъ для нихъ миръ внѣшній. Полюбивъ миръ внутренній, они не станутъ уже злоупотреблять внѣшнимъ миромъ; помы-

[1]) Squama—чешуя, луска, шелуха на рыбахъ, змѣяхъ и т. п.

шляющіе о мирѣ небесномъ не допустятъ, чтобы земной миръ послужилъ къ порчѣ ихъ сердца. Если же нечестивцы, требующіе примиренія, таковы, что не могутъ вредить добродѣтельнымъ, хотя бы даже и пожелали: то на таковыхъ можно дѣйствовать и внѣшнимъ миромъ, даже прежде нежели они познаютъ сладость мира внутренняго въ соединеніи съ Богомъ; ибо злоба несчастія ихъ въ ожесточеніи противъ любви къ Богу можетъ быть, по крайней мѣрѣ, смягчена любовію къ ближнему, и такимъ образомъ отъ мира внѣшняго и любви къ ближнимъ можно постепенно возвести ихъ на высшую степень мира внутренняго и любви къ Богу.

ГЛАВА XXVI.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои, не понимая надлежащимъ образомъ священнаго Писанія, мечтаютъ о себѣ, что они постигаютъ его, какъ слѣдуетъ, и должны быть руководителями другихъ; какъ-тѣхъ, кои хотя и понимаютъ его хорошо, но, высокомудрствуя о себѣ, тщеславятся своимъ знаніемъ предъ слушателями своими: общій ихъ недостатокъ, который долженъ имѣть въ виду проповѣдникъ, есть недостатокъ смиренія.

Наставленіе 24.

Иначе должно наставлять тѣхъ, кои неправильно понимаютъ ученіе слова Божія, но по своему горделивому упрямству мечтаютъ о себѣ, что они мудрѣе другихъ и призваны быть учителями ихъ; а иначе-тѣхъ, кои хотя и правильно понимаютъ это ученіе, но, гордясь своимъ знаніемъ, высокомудрствуютъ о себѣ предъ поучающимися у нихъ. И тѣмъ и другимъ надлежитъ внушать, что общій ихъ недостатокъ заключается въ недостаткѣ смиренія. И прежде всего надобно внушить неправильно понимающимъ слово Божіе, что они спасительное врачевство превращаютъ

въ ядъ для себя, и, такъ сказать, врачебнымъ ножемъ наносятъ себѣ смертельную рану, разстроивая и убивая себя тѣмъ самымъ, чѣмъ бы должны исцѣлять и спасать себя. Пусть размыслятъ они, что священное Писаніе служитъ для насъ какъ бы свѣтильникомъ во мракѣ настоящей жизни, и что поэтому, неправильно понимая слова Писанія, они помрачаютъ и для себя и для другихъ свѣтъ спасительнаго свѣтильника сего. Чѣмъ же объяснить неправильность таковаго пониманія слова Божія, какъ не гордостію? Считая себя умнѣе другихъ, они не хотятъ слѣдовать никому въ разумѣніи Писанія; а чтобы упрочить за собою (у простыхъ, конечно, и невѣждъ) славу ученаго и свѣдущаго, отвергаютъ съ презрѣніемъ всякія, хотя бы то и правильныя, толкованія другихъ, слѣпо и ревниво утверждая превратность и нелѣпость своихъ. Объ нихъ можно сказать словами пророка Амоса: *распоряху имущія во утробѣ сущихъ въ Галаадѣ, претирая пилами желѣзными, яко да разширятъ предѣлы своя* (I, 3 и 13). Объяснимъ это. *Галаадъ* значитъ, по изъясненію толковниковъ, собраніе свидѣтельствъ. Поелику же Церковь есть хранительница истины, о которой она свидѣтельствуетъ исповѣданіемъ; то подъ именемъ Галаада можно разумѣть Церковь, устами всѣхъ вѣрующихъ свидѣтельствующую объ истинахъ Божіихъ. *Имущія* же *во утробѣ*-это души благочестивыя, зачинающія, по дѣйствію любви божественной, разумѣніе слова Божія и раждающія, во время свое, изъ зачатаго сѣмени плодъ добрыхъ дѣлъ. А *разширеніе предѣловъ* означаетъ здѣсь ревность къ распространенію славы своей мнимой мудрости. Итакъ, превратно понимающіе смыслъ св. Писанія и ложнымъ ученіемъ своимъ распространяющіе разные толки и расколы (ересеначальники) своимъ лжемудрованіемъ и заблужденіями, какъ бы *желѣзными пилами*, претираютъ и умерщвляютъ въ душахъ

благочестивыхъ, вѣрныхъ чадахъ Церкви, зачавшееся разумѣніе Писанія, истребляя его для того, чтобы умножить славу своей мудрости. И такимъ образомъ простыя и неопытныя еще младенчествующія сердца, не утвердившіяся еще въ воспринимаемыхъ ими божественныхъ истинахъ, они исторгаютъ изъ нѣдръ православной Церкви въ свои толки, подъ видомъ мнимаго ими православія, для распространенія гордаго тщеславія своего и поддержанія авторитета. Если же такъ, то для успѣшнаго дѣйствованія на таковыхъ лжеучителей прежде всего надобно стараться истребить въ нихъ самый корень зла-гордость, а вѣтви лжеученія ихъ сами собою отпадутъ. Вмѣстѣ съ симъ-предохранять и предотвращать ихъ отъ того пагубнаго зла, чтобы они, при своемъ заблужденіи, порождая расколы, въ мнимомъ служеніи своемъ Богу не примѣшивали служенія идоложертвеннаго, которое строго воспрещается словомъ Божіимъ. Такъ Господь, жалуясь чрезъ Пророка на *жену блуженія*-народъ израильскій, говоритъ: *но та не уразумѣ, яко Азъ дахъ ей пшеницу, и вино, и масло, и сребро умножихъ ей* (и злато); *сія же сребряны и златы* (кумиры) *сотвори Ваалу* (Осіи I, 2. II, 8. VIII, 4. Іез. XVI, 15-20). И мы получаемъ отъ Господа и *пшеницу*-духъ (какъ бы зерно) Писанія, когда въ трудныхъ для нашего пониманія мѣстахъ подъ покровомъ буквы открывается для насъ внутренній смыслъ его; и *вино*-упоеніе высокимъ благовѣствованіемъ; и *масло*-слово кротости и милосердія, когда яснымъ и откровеннымъ ученіемъ своимъ располагаетъ жизнію нашею съ отеческою любовію; и *сребро* и *злато*-свѣтъ чистѣйшей и высочайшей истины, озаряясь и обогащаясь *премудростію разума Божія* (Рим. XI, 33. 1 Кор. I, 30). Но и у насъ есть жрущіе Ваалу: это именно еретики, которые превратнымъ толкованіемъ Писанія Божественнаго развращаютъ сердца неопытныхъ слушателей своихъ и

всѣ эти дары Господни, и хлѣбъ, и вино, и масло и серебро и злато, приносятъ въ жертву сатанинскимъ идоламъ, посѣвая въ мирной Церкви Божіей расколы разныхъ заблужденій. Пусть же размыслятъ таковые, чего они могутъ ожидать въ будущемъ? Такъ какъ они здѣсь разсѣваютъ несогласія и раздоры въ Церкви мира и любви; то и тамъ, по неумытному суду Божію, должны они ожидать смерти вмѣсто жизни, и не временной, а вѣчной.

Есть напротивъ и такіе, которые правильно понимаютъ ученіе слова Божія, но, гордясь своимъ знаніемъ, высокомудрствуютъ о себѣ предъ поучающимися у нихъ. Таковымъ надлежитъ внушить, чтобы они, прежде нежели приступаютъ къ предложенію другимъ слова божественной истины, поискали въ немъ изображенія самихъ себя: иначе, обличая другихъ, они могутъ оставить самихъ себя безъ обличенія. Въ самомъ дѣлѣ, разумѣя вѣрно Писаніе, но не внимая тому, что говоритъ оно противъ гордыхъ, они и поступаютъ такимъ образомъ. Не уподобляются ли они тѣмъ неблагоразумнымъ врачамъ, которые всегда готовы лѣчить другихъ, а о своей болѣзни или не знаютъ или пебрегутъ? Ихъ жизнь не противорѣчитъ ли ихъ ученію, когда они говорятъ одно, а дѣлаютъ сами совсѣмъ другое? Пусть же они, подавая врачебную помощь больнымъ своимъ, не забываютъ и о своихъ болѣзняхъ, требующихъ врачеванія, чтобы, врачуя другихъ, самимъ не умереть. Въ Писаніи сказано: *аще кто глаголетъ, яко словеса Божія* (говоритъ ли кто, говори какъ слова Божіи), или, *аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ* (служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ) (1 Пет. IV, 11). Значитъ, они говорятъ не свое и дѣйствуютъ не отъ себя; чѣмъ же тутъ гордиться? Въ томъ же Писаніи апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ: *нѣсмы нечисто проповѣдающіи слово Божіе, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Хри-*

сть глаголемъ (2 Кор. II, 11). Этими словами святый Апостолъ свидѣтельствуетъ, что онъ взиралъ на свою проповѣдь какъ на даръ, полученный *отъ Бога*, и что цѣлію его проповѣди было угожденіе не себѣ, а *Богу* (предъ Богомъ), *со Христы*, какъ *единомъ Ходатаѣ* и *Примирителѣ Бога и человѣковъ* (2 Кор. V, 18 и 19. 1 Тим. II, 5). И премудрый Соломонъ говоритъ: *нечистъ* (abomina bilis-мерзостенъ, ненавистенъ) предъ Богомъ всякъ высокосердый (arrogans-высокомѣрный) (Прит. XVI, 5); а ищущій въ разумѣніи и проповѣданіи слова Божія собственной славы дерзаетъ предвосхищать право у Того, Кто далъ ему и отъ Кого получилъ онъ этотъ даръ разумѣнія и проповѣданія, и Кто можетъ Самъ прославить прославляющихъ Его. Утого же Премудраго можетъ еще всякій проповѣдникъ прочитать въ назпданіе свое и слѣдующія слова: *пій водьі отъ своихъ сосудовъ* (de cisterna tua-изъ своего водоёма), *и отъ твоихъ кладенцевъ источника* (et fluenta putei tui-и влагу изъ своего колодезя). *Да преизливаются водьі отъ твоего источника, и на улицахъ раздѣляй ихъ. Да будутъ онѣ тебѣ единому, и да никтоже чуждъ причастится тебѣ* (тамъ же V, 15-17). И дѣйствительно, проповѣдникъ пьетъ воду изъ своего водоема, когда, входя въ себя, самъ напередъ обсудитъ и какъ бы выслушаетъ то́, что́ намѣренъ предложить своимъ слушателямъ; пьетъ влагу изъ своего колодца, когда напаяется благотворною росою своего сло́ва. А затѣмъ имѣютъ свое значеніе и дальнѣйшія слова́. Пусть разливаются во́ды твои и за предѣлы (foras) твоего источника; на улицахъ и площадяхъ раздѣляй ихъ. Такъ и должно быть, чтобы прежде самъ прикушалъ, и тогда уже напаялъ другихъ. Разливать же во́ды за предѣлы источника значитъ напаять вліятельнымъ дѣйствіемъ своей проповѣди и другихъ, а раздѣлять ихъ по улицамъ и площадямъ-распредѣлять и употреблять съ умѣньемъ и поль-

вою, при множествѣ слушателей, даръ проповѣдничества въ словѣ Божіемъ, сообразно съ ихъ состояніемъ. Но такъ какъ, при множествѣ слушателей слова Божія, требующихъ многосторонняго знанія, нерѣдко зарождается въ проповѣдникѣ страсть къ тщеславію; то противъ этого направлены послѣднія слова. Пусть онѣ (воды) принадлежатъ тебѣ одному, а не чуждымъ вмѣстѣ съ тобою. Подъ именемъ же чуждыхъ разумѣются здѣсь духи злобы, о которыхъ Царь-Пророкъ гласомъ искушеннаго человѣка говоритъ: *чуждіи восташа на мя, и крѣпціи взыскаша душу мою* (Псал. LIII, 5). Итакъ Премудрый сказалъ: раздѣляй водѣ по улицамъ и площадямъ, но пусть онѣ принадлежатъ тебѣ одному. Онъ какъ бы такъ говоритъ: »служи дѣлу проповѣди слова Божія, но не пріобщайся гордостію изъ-за сего дѣла духамъ злобы, чтобы не содѣлать враговъ своихъ участниками въ дѣлѣ твоего служенія. Такимъ образомъ и мы разливаемъ и раздѣляемъ воды, удерживая ихъ за собою, когда проповѣдническимъ служеніемъ своимъ распространяемъ слово Божіе повсюду, безъ всякихъ притязаній за то на человѣческую славу [1]).

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что послѣднее примѣнительное объясненіе текста, какъ бы оно ни было хорошо, есть объясненіе произвольное, если сличить самый текстъ съ контекстомъ библейскимъ; потому что тамъ говорится совсѣмъ о другомъ предметѣ. Такихъ примѣненій (allusio) можно встрѣчать у св. Григорія немало. Да и вообще можно сказать, что святые отцы любили употреблять, въ свое время, подобный образъ объясненія.

ГЛАВА XXVII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые могли бы хорошими быть проповѣдниками, но, по излишнему смиренію, боятся и уклоняются: какъ—тѣхъ, коихъ должна бы удержать отъ принятія на себя этого служенія мысль о ихъ несовершенствѣ или молодости, но которые по своей опрометчивости домогаются этого.

Наставленіе 25.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которые способны и съ честію могли бы проходить званіе проповѣдника, но по чрезмѣрному смиренію боятся принять на себя это служеніе, и потому уклоняются отъ него; а иначе-тѣхъ, коимъ не дозволяетъ вступать въ это званіе или недостатокъ способности или не соотвѣтствующій возрастъ, но которые, не смотря на то, домогаются его. Обратимся къ первымъ, заставивъ ихъ размыслить безпристрастно, сколько они могли бы доставить пользы въ проповѣдническомъ служеніи и какія дѣлаютъ они непростительныя опущенія въ столь важномъ дѣлѣ. Если кто не удѣляетъ отъ своихъ достатковъ ближнимъ-неимущимъ, скрывая у себя принадлежащее имъ и необходимое для нихъ; то онъ становится виновникомъ, конечно, ихъ бѣдственнаго положенія, и заслуживаетъ справедливаго наказанія. Но не гораздо ли болѣе бываютъ виновны и не большему ли наказанію подвергаются тѣ, которые, обладая сокровищемъ слова, допускаютъ душу согрѣшающаго брата умирать отъ глада слова? И премудрый Сирахъ говоритъ: *премудрость сокровена и сокровище не явлено-какая польза есть во обоихъ* (XX, 30)? Если кто, при общественномъ голодѣ, скрываетъ у себя хлѣбъ, продовольствіемъ коего могъ бы спасти многихъ отъ голодной смерти; то онъ конечно становится виновникомъ ихъ смерти. Какая же вина падаетъ на тѣхъ и какого наказанія заслуживаютъ тѣ, которые не доставляютъ духовнаго хлѣба воспринятой ими благодати умирающимъ душамъ

отъ глада и жажды слова Божія? И Соломонъ говоритъ: *удержавалій пшеницу* (frumentum-всякой хлѣбъ въ зернѣ)... *проклятъ отъ народа* (Притч. XI, 26); а получившіе даръ слова и способность къ пастырскому учительству и скрывающіе у себя таковый талантъ безъ употребленія уподобляются удерживающимъ у себя пшеницу. Если кто, будучи искусенъ въ врачебной наукѣ, видитъ опасную рану въ больномъ, котораго не иначе можно излечить, какъ только разсѣченіемъ самой раны, а между тѣмъ отказывается принять на себя этотъ трудъ; то таковый врачъ, безъ сомнѣнія, погрѣшаетъ противъ собрата своего, обрекая его на смерть по нерадѣнію своему. Какой же принимаютъ на себя грѣхъ тѣ, которые, видя духовныя язвы несчастныхъ грѣшниковъ, коихъ могли бы они исцѣлить отъ этихъ язвъ, не разсѣкаютъ ихъ мечемъ слова Божія? И къ нимъ можно отнесть слова Пророка: *проклятъ возбранялй мечу своему отъ крове* (Іерем. XLVIII, 10), а мечъ отъ крове возбранять есть тоже, что̀ не дѣйствовать словомъ проповѣди на умерщвленіе плотской жизни, что̀ мечемъ слова Божія не разсѣкать духовныхъ язвъ. О каковомъ мечѣ говорится еще и въ другомъ мѣстѣ: *и мечъ мой снѣстъ мяса отъ крове язвеныхъ* (Втор. XXXII, 42).

Итакъ излишній страхъ, возбраняющій чрезмѣрно смиреннымъ вступать въ званіе проповѣдническаго служенія и заставляющій ихъ уклоняться отъ избранія этого служенія, должно изгонять изъ робкихъ душъ ихъ страхомъ суда Божія и послѣдующаго за тѣмъ наказанія. Пусть таковые смиренномудрые приведутъ себѣ на память евангельскаго раба, скрывшаго талантъ, ввѣренный ему господиномъ, и не хотѣвшаго воздѣлывать его; участь его имъ извѣстна: онъ и таланта лишился и остался осужденнымъ на заключеніе во тьму кромѣшнюю (Мат. XXV, 15. 18. 24-30). Далѣе, надлежитъ указать имъ, съ другой стороны, на апо-

стола Павла, который признавалъ себя чистымъ отъ крове всѣхъ ближнихъ, не щадя ихъ въ пораженіи пороковъ: *тѣмже свидѣтельствую вамъ во днешній день* (говорилъ онъ ученикамъ своимъ при разлукѣ съ ними), *яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ; не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. XX, 26 и 27). Пусть внемлютъ, къ чему и Тайновидецъ призывается ангельскимъ гласомъ, взывающимъ: *и слышай да глаголетъ: пріиди!* (Апок. XXII, 17), то есть, чтобы онъ, послѣдуя зову внутренняго голоса, призывалъ и другихъ туда же, куда самъ стремится, дабы кто-либо даже изъ званныхъ не засталъ дверей затворенными, если явится на зовъ Господа неготовымъ (Мат. XXV, 10-12). Пусть выслушаютъ, какъ пророкъ Исаія, узрѣвъ Господа Саваоѳа, Котораго славили и воспѣвали херувимы и серафимы, а онъ безмолствовалъ, *имый устнѣ нечисты*,-какъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ покаянія восклицалъ: *о, окаянный азъ, яко умилихся* (а въ подлинномъ текстѣ: »vae mihi quia tacui-горе мнѣ безмолвствующу«); и когда онъ сверхъестественнымъ свѣтомъ озаренъ былъ и очищенъ отъ грѣховной нечистоты, то на зовъ Господа: *кого пошлю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ?* отвѣчалъ: *се азъ есмь, пошли мя!* (Исаіи VI, 5 и 8). А Соломонъ ободряетъ еще проповѣдниковъ тѣмъ, что самый даръ благовѣствованія пріумножается въ нихъ, если возгрѣваютъ его въ себѣ чрезъ упражненіе. »Душа благовѣствующая«-говоритъ онъ-»и сама утучнится; и утоляющій жажду другихъ и самъ не вжаждется« (Прит. XI, 25) [1]). Ибо кто, проповѣдуя слово Божіе другимъ, благотворитъ

---

[1]) Здѣсь текстъ переведенъ по Вульгатѣ, какъ значится у св. Григорія, гдѣ читается онъ такъ: anima, quae benedicit, impinguabitur; et qui inebriat, ipse quoque inebriabitur; текстъ же славянскій вовсе не подходитъ сюда.

имъ своимъ благовѣствованіемъ, тотъ и въ самомъ себѣ умножаетъ этотъ даръ благодатный; и кто не перестаетъ питать души вѣрующихъ этимъ *хлѣбомъ животнымъ* и напоять ихъ этою *водою живою*, тотъ *не имать взалкатися и не имать вжаждатися никогдаже* (Іоан. IV, 10. VI, 35). Царь же и пророкъ Давидъ, возвѣщая людямъ волю Божію, говоритъ Господу о семъ, какъ о жертвѣ, благоугодной Ему: *благовѣстихъ правду въ церкви великій, се устнамъ моимъ не возбраню. Господи, Ты разумѣлъ еси. Правду твою не скрихъ въ сердцѣ моемъ, истину твою и спасеніе твое рѣхъ, не скрыхъ милость твою и истину твою отъ сонма многа* (Псал. XXXIX, 10 и 11). Пусть вслушаются въ слова бесѣды Жениха къ Невѣстѣ въ Пѣсни пѣсней: *сидяй въ вертоградѣхъ! друзи* (твои) готовы *внимать* (auscultant) *гласу твоему: гласъ твой вонми мнѣ* (VIII, 13). Здѣсь подъ сѣдящею въ вертоградѣ разумѣется Церковь (Невѣста Христова), которая блюдетъ и хранитъ молодыя лѣторасли добродѣтелей до совершеннаго преуспѣянія; а подъ друзьями, готовыми внимать гласу ея, означаются вообще избранные, всегда готовые на зовъ ея къ дѣлу проповѣди слова Божія: и сего-то гласа жаждетъ Женихъ (Христосъ) отъ Невѣсты своей въ лицѣ избранныхъ. Пусть наконецъ послушаютъ, что говоритъ Моисей къ тѣмъ (сынамъ Левіинымъ), которые, по долгу своего служенія, должны быть готовы къ безпристрастному пораженію оскорбляющихъ и прогнѣвляющихъ Бога своими противъ Него преступленіями. *Аще кто есть Господень, да идетъ ко мнѣ. Сиидошася убо къ нему вси сынове Левіины. И рече имъ: сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ-препояшите кійждо свой мечъ при бедрѣ, и пройдите и возвратитеся отъ вратъ до вратъ сквозѣ полкъ, и убійте кійждо брата своего, и кійждо ближняго своего, и кійждо сосѣда своего* (Исх. XXXII,

26 и 27). Такъ заповѣдалъ Моисей сынамъ Левіинымъ, когда увидѣлъ, что Господь разгнѣвался на сотворившихъ себѣ тельца и поклонявшихся ему. Вникнемъ въ смыслъ сихъ словъ. Призываемые къ потребленію противляющихся Богу идолопоклонниковъ называются *Господними*,-принадлежащими Господу, потомъ выслушиваютъ приказаніе, а затѣмъ приводятъ въ исполненіе возложенное на нихъ порученіе достойно своему званію. *И сотвориша сынове Левіины, якоже глагола имъ Моисей* (тамъ же 28). Такъ и проповѣдникъ, если хочетъ быть *Господнимъ*, долженъ *препоясать при бедрѣ мечъ* духовный,-вооружиться словомъ Божіимъ, обуздывая и въ себѣ и въ другихъ всякія противузаконныя помышленія и пожеланія; *пройти отъ врать до врать*,-съ обличеніемъ переходить отъ порока къ пороку, такъ какъ всякій порокъ служитъ какъ бы вратами, чрезъ которыя входитъ въ душу смерть; и при томъ пройти *сквозь полкъ*,-посредѣ всякихъ преступленій въ Церкви, вооружаясь противъ нихъ и преслѣдуя ихъ во всякомъ грѣшникѣ, безъ всякаго лицепріятія, будь онъ *сосѣдъ*, будь *ближній*, будь даже *братъ*, обличая безпристрастно съ правдивостію и твердостію духа всѣхъ оскорбляющихъ и прогнѣвляющихъ Бога служеніемъ идоламъ страстей. Если же онъ не хочетъ поступать такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, то онъ не *Господенъ*.

Совершенно иначе должно наставлять тѣхъ, коимъ возбраняетъ принимать на себя званіе проповѣдника или недостатокъ совершенствъ, потребныхъ для того, или не соотвѣтствующій тому возрастъ, но не смотря на то они домогаются того и дерзаютъ вступать въ это званіе по своему легкомыслію. Таковыхъ надлежитъ предостерегать, чтобы они, воспринимая на себя опрометчиво столь важную и многотрудную обязанность, не уклонились отъ пути къ дальнѣйшему самоусовершенію; предвосхищая

преждевременно то, что для них не по силам, не опустили и того, что въ послѣдствіи были бы въ состояніи исполнить, и, стараясь блеснуть своею мудростію, не обнаружили на дѣлѣ, что они ее и не имѣли. Пусть они посмотрятъ на птенцовъ еще не оперенныхъ, которые, откуда бы ни покусились подняться вверхъ, тотчасъ падаютъ внизъ. Пусть разсудятъ, что если кто начинаетъ строить домъ, не утвердивши подъ нимъ прочнаго основанія, и станетъ возводить стѣны, тяжести коихъ не въ состояніи оно выдержать; что то отсюда выходитъ?-развалины, но отнюдь не домъ! Или кто не знаетъ, что преждевременно раждающія наполняютъ своими порожденіями не дома, а могилы? Посему сама Премудрость Божія, хотя могла бы вдругъ облечь силою всякаго, кого бы ни восхотѣла, повелѣваетъ однакоже ученикамъ своимъ, будущимъ проповѣдникамъ слова Божія, въ ученіе и наше, ждать опредѣленнаго на то времени: *вы же сѣдите во градѣ Іерусалимстѣ, дондеже облечетеся силою свыше* (Лук. XXIV, 49. Іоан. XIV, 26. Дѣян. I, 4 и 8). Такъ желающій посвятить себя проповѣдническому служенію слова Божія долженъ сперва сосредоточиться въ себѣ самомъ, приготовившись къ сему служенію надлежащимъ образомъ, а потомъ уже, при благодатномъ содѣйствіи свыше, долженъ, такъ сказать, выступать изъ внутренней храмины своей для возвѣщенія другимъ того, что уразумѣлъ онъ самъ. Писаніе говоритъ: *глаголи, юноше, аще тебѣ есть потреба, едва дващи* (но едва-два слова), *аще вопрошенъ будеши* (Сир. XXXII. 9)[1]). Посему-то

[1]) Этотъ текстъ въ подлинникѣ св. Григорія, при измѣненіи пунктаціи, читается нѣсколько иначе: »adolescens loquere in causa tua vix; et si bis interrogatus fueris, habeat initium responsio tua-глаголи, юноше, аще тебѣ есть потреба, *едва* (т. е. не будь скоръ и поспѣшенъ), и аще *дважды* (слова) вопрошенъ будеши,

самъ небесный Учитель и Спаситель нашъ, явившись на землѣ чрезъ сверхъестественное вочеловѣченіе насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, не прежде вступилъ въ званіе служенія роду человѣческому и сталъ учить всенародно, какъ по достиженіи уже совершеннаго (*тридцатилѣтняго*) возраста (Лук III, 23), внушая чрезъ это поспѣшнымъ и опрометчивымъ учителямъ силу и могущество спасительнаго страха, когда и самъ Онъ, не будучи подверженъ погрѣшностямъ и паденію, началъ проповѣдывать людямъ благодать совершенной жизни уже по достиженіи совершеннаго возраста. Такъ евангелистъ Лука повѣствуетъ, что *егда бысть двонадесяте лѣтъ... оста отрокъ Іисусъ во Іерусалимѣ*, и когда родители искали Его и не обрѣтали, то далѣе сего говорится, что *по трієхъ* уже *днехъ обрѣтоша Его въ церкви, сѣдяща посредѣ учителей, и послушающа ихъ, и вопрошающа ихъ* (II, 42. 43. 46). Итакъ на эти слова надлежитъ обратить особенное вниманіе, что Іисусъ Христосъ, будучи Бого-человѣкъ, въ двѣнадесяти-лѣтнемъ возрастѣ является посреди учителей послушающимъ ихъ и вопрошающимъ ихъ, но-не учащимъ. Этотъ примѣръ внушаетъ намъ-всѣмъ и каждому, что не утвердившемуся еще человѣку, не достигшему совершеннаго возраста крѣпости силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, тѣмъ болѣе не подобаетъ отваживаться учить другихъ, если и божественный отрокъ Іисусъ благоволилъ только учиться, слушая и вопрошая других; между тѣмъ какъ по своему божеству Онъ подавалъ *глаголы живота вѣчнаго* самимъ *учителямъ израилевымъ* (Іоан. III, 10. VI, 68). Если же апостолъ Павелъ и говоритъ возлюбленному ученику своему: *завѣщавай* (praecipe-заповѣдуй) *сія*

тогда уже дай мѣсто отвѣту своему«, и то *сократи слово, малыми многая* (*изглаголи*). 10. слич. XX, 6 и 7.

и учи; *никтоже о юности твоей* (adolescentiam tuam) *да нерадитъ* (да не пренебрегаетъ) (1 Тим. IV, 11 и 12); то здѣсь надобно разумѣть не отроческую молодость, а молодость совершеннаго юноши, такъ какъ и въ св. Писаніи и вообще adolescentia нерѣдко употребляется вмѣсто juventus, и этими словами обозначается средній возрастъ (юношескій) между отрочествомъ (puerilia, puer) и возмужалостію (virilitas, vir). Это подтверждаютъ и слова Соломона, обращенныя имъ къ юношамъ въ ихъ молодости: *веселися*, *юноше*, *въ юности твоей* (Еккл. XI, 9), нагляднѣе же для контекста рѣчи по словамъ подлинника: »laetare juvenis in adolescentia tua-веселися, юноше, въ молодости твоей«. Ибо если бы онъ не принималъ словъ этихъ въ тождественномъ значеніи; то не назвалъ бы юношею (juvenis) того, къ кому обращался въ его молодости (adolescentia) [1]).

---

[1]) Хотя по гражданскимъ законамъ древняго міра предѣломъ совершеннолѣтія полагалось достиженіе 16-ти лѣтняго возраста, и съ этого времени до 25 ти лѣтъ, когда человѣкъ достигаетъ полнаго развитія силъ и тѣлесныхъ и душевныхъ, такъ что въ развитіи своемъ какъ бы останавливается т. е. перестаетъ расти (adolescere), отъ чего въ этомъ возрастѣ и назывались *adolescentes* или *juvenes*; однако у римлянъ *юношами* назывались и гораздо далѣе—до XXXV и даже XL лѣтъ. Указанія на это можно находить у Цицерона и Саллюстія. Такъ Юлій Цезарь названъ былъ adolescentulus въ то время своего возраста, когда искалъ себѣ первосвященническаго сана, не могши быть для достиженія сего моложе 35-ти лѣтъ; а Цицеронъ называлъ себя и тогда еще юношею—adelescens, когда былъ уже консуломъ, между тѣмъ консулъ не могъ быть моложе 40-ка лѣтъ. Смот. Лексик. Кронеберг. подъ словомъ *adolescens*. Кратк. описан. нрав. и обыч. древнихъ римлянъ стр. 34, 35, 64, 85 и 96. Римск. Древност. Шафа въ перев. съ нѣмец. на русск. Гамбургера стр. 105, 197 и 250.

ГЛАВА XXVIII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои достигаютъ всего, чего ни домогаются въ семъ мірѣ; какъ—тѣхъ, кои тоже гоняются за мірскими благами, но во всемъ терпятъ неудачи.

Наставленіе 26.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которымъ все споспѣшествуетъ въ достиженіи искомыхъ ими временныхъ благъ; а иначе-тѣхъ, кои тоже ищутъ сихъ благъ, но въ достиженіи ихъ терпятъ неудачи. Первымъ изъ нихъ надобно напоминать и совѣтовать, чтобы они не привязывались къ ниспосылаемому имъ и подаваемому до забвенія о Дающемъ и Надѣляющемъ ихъ земными благами; чтобы вмѣсто отечества небеснаго не возлюбили паче страны пришельствія земнаго; чтобы подаваемыхъ имъ благъ въ пособіе и средства къ сему странствованію для достиженія сего отечества не обратили для себя въ препятствіе къ тому; чтобы такимъ образомъ, плѣнившись ночнымъ лунным свѣтомъ, не уклонились отъ свѣта дневнаго, солнечнаго. Получая какое-либо благо на землѣ, они должны смотрѣть на него, какъ на услажденіе прискорбнаго странствованія земнаго, а не какъ награду, заслуженную ими, и не прилагать къ нему сердца, чтобы міръ съ своими удовольствіями не восторжествовалъ надъ ними. Кто наслажденія временными благами не умѣряетъ любовію къ лучшей жизни, того привязанность къ преходящей жизни приводитъ наконецъ къ вѣчной смерти. Поэтому въ лицѣ идумеянъ и другихъ народовъ раздаются у пророковъ угрозы противъ тѣхъ, которые радуются успѣхамъ счастія своего въ семъ мірѣ и предаются оному безотчетно. Такъ у пророка Іезекіиля говорится: *дала землю мою себѣ во одержаніе, съ веселіемъ, отъ всего сердца и отъ всей души* (cum gaudio, et toto corde, et ex animo). Эта угроза прини-

маетъ здѣсь значеніе не столько отъ того, что они радовались, сколько отъ того, что радовались тому съ душевнымъ злорадствомъ, веселясь отъ всего сердца (Iезек. XXXVI, 1-7. слич. XXV). И у Соломона сказано: »отчужденіе младенчествующихъ еще умовъ убіетъ ихъ, и безумное наслажденіе счастіемъ глупцовъ погубитъ ихъ« (Прит. I, 32) [1]). А апостолъ Павелъ подаетъ совѣтъ слѣдующій: *и купующіи, яко не содержаще* (какъ не пріобрѣтающіе), *и требующіи міра сего* (пользующіеся міромъ симъ), *яко не требующе* (*да будутъ*) (1 Кор. VII, 30 и 31). Этимъ Апостолъ внушаетъ намъ, чтобы мы пользовались благами земными безъ всякаго ущерба для благъ небесныхъ, и чтобы первыя нисколько не подавляли въ насъ любви къ послѣднимъ; иначе онѣ, вмѣсто того чтобы служить намъ какъ бы услажденіемъ внѣ отечества, будуть только охлаждать въ насъ любовь къ нему, такъ что мы, считая себя по видимому счастливыми въ этой временной и скоропреходящей жизни, будемъ утѣшаться и торжествовать, тогда какъ въ жизни вѣчной и нескончаемой явимся наконецъ страждущими и достойными всякаго сожалѣнія. Такъ и въ Пѣсни пѣсней Церковь устами избранныхъ своихъ говоритъ: *шуйца Его подъ главою моею, и десница Его обыметъ мя* (II. 6. VIII, 3). Шуйцѣ Божіей, то есть, благополучію настоящей жизни дается мѣсто подъ головою, которою она имѣетъ и какъ бы сдерживаетъ ее, чтобы не пристраститься къ временному благополучію, имѣя въ виду возвышеннѣйшую любовь къ счастію вѣчному, къ которому по преимуществу должно стремиться. Десница же Божія держитъ ее въ своихъ объятіяхъ, такъ какъ она всецѣло

---

[1]) Этотъ текстъ читается у св. Григорія такъ: aversio parvulorum interficiet eos, et prosperitas stultorum perdet illos; славянскій же переводъ много разнится.

предается въ волю Божію, руководящую ее къ вѣчному блаженству. А у Соломона говорится: *долгота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея* (премудрости), *въ шуйцѣ же ея богатство и слава* (Прит. III, 16). Этимъ онъ показываетъ, какъ должно смотрѣть на богатство и славу, давая имъ мѣсто въ шуйцѣ. Псалмопѣвецъ же говоритъ, *спаси (мя) десницею твоею* (Псал. CVII, 7). Не сказалъ: рукою, но десницею, чтобы такимъ образомъ, употребивъ это слово, показать, что онъ искалъ спасенія вѣчнаго. И въ писаніи Моисея сказано: *десная рука твоя, Господи, сокруши враги* (Исх. XV, 6). Ибо хотя враги Божіи успѣваютъ въ шуйцѣ, но десницею поражаются; потому что нечестивцы большею частію превозносятся въ настоящей жизни, но въ жизни будущей, когда наступитъ праведное мздовоздаяніе на судѣ Божіемъ, они, при вѣчномъ блаженствѣ однихъ и вѣчномъ наказаніи другихъ, подвергнутся страшному осужденію.

Итакъ пусть обратятъ вниманіе свое благоденствующіе въ настоящей жизни на то, что благоденствіе дается иногда для того, чтобы призвать насъ къ будущей лучшей жизни, а иногда для того, чтобы получившіе здѣсь свою часть, но ижднвшіе ее безплодно, приняли бо́льшее наказаніе тамъ-въ вѣчности. Посему-то народу израильскому обѣщается земля ханаанская, чтобы чрезъ это вызвать и возбудить въ немъ надежду на блага вѣчныя: иначе этотъ народъ невѣжественный и не созрѣвшій еще въ то время не повѣрилъ бы обѣщаніямъ Божіимъ въ отдаленной будущности, если бы сей-часъ же не получилъ чего нибудь отъ своего Обѣщателя. И потому Господь, чтобы надежнѣе увѣрить его въ дѣйствительности будущихъ благъ, не только влечетъ его къ этимъ благамъ надеждою, но и самую надежду подкрѣпляетъ настоящими благами. *И даде има страны языкъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *и труды людей*

наслѣдоваша; яко да сохранятъ оправданія Его, и закона Его взыщутъ (Псал. CIV, 44 и 45). Но когда люди щедротамъ Божіимъ не соотвѣтствуютъ дѣлами своими; то чѣмъ человѣколюбивѣе ущедряетъ ихъ Господь, тѣмъ правосуднѣе и строже осуждаются они. Почему тотъ-же Псалмопѣвецъ какъ бы продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ: *обаче за лщенія ихъ положилъ еси имъ злая, низложилъ еси я, внегда разгордѣшася* (Псал. LXXII, 13), то есть, когда нечестивые за добро платятъ зломъ и вмѣсто благодарности за божественные дары,–вмѣсто того, чтобы вести жизнь благочестивую и богоугодную,-всецѣло предаются однимъ благамъ земнымъ, утопая, такъ сказать, въ нихъ; то чѣмъ болѣе преуспѣваютъ они здѣсь-въ жизни настоящей, тѣмъ болѣе теряютъ тамъ-въ будущей жизни. Вотъ почему сказано евангельскому богачу, страждущему во адѣ въ мукахъ: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ* (Лук. XVI, 25). Посему и отъявленные грѣшники пользуются здѣсь благами земными, чтобы тамъ вполнѣ воспріять наказаніе, такъ какъ и благія мѣры не дѣйствуютъ на ихъ обращеніе.

Какъ же должно поучать тѣхъ, которые также желаютъ и доискиваются земныхъ благъ, но встрѣчаютъ на пути препятствія къ достиженію ихъ? Этимъ полезно разъяснить ту мысль, какъ неусыпно печется о нихъ и какую питаетъ къ нимъ любовь Раздаятель всѣхъ благъ и Господь всячесвихъ, когда не предоставляетъ ихъ самимъ себѣ и не исполняетъ всѣхъ желаній ихъ. Такъ и врачъ не препятствуетъ больному употреблять все, чего бы ни пожелалъ, предоставляя на его произволъ, только въ такихъ обстоятельствахъ, когда исцѣлить его нѣтъ уже никакой возможности; напротивъ, если больной его подаетъ хотя малѣйшую надежду на выздоровленіе, то онъ отказываетъ ему во многомъ, не дозволяя, при всемъ его желаніи, того,

что для него можетъ послужить во вредъ. И добрый и благоразумный отецъ нерѣдко отказываетъ въ нѣсколькихъ монетахъ тому самому сыну, для котораго готовитъ онъ въ наслѣдство все имѣніе. Посему подвергающіеся разнымъ житейскимъ неудачамъ въ мірѣ семъ и претерпѣвающіе даже несчастія пусть въ уничиженіи своемъ утѣшаются надеждою вѣчнаго наслѣдія и нескончаемой радости: ибо если бы Господь находилъ ихъ вовсе неисправимыми и навсегда потерянными; то Онъ не ограничивалъ бы и не обуздывалъ бы ихъ желаній, божественное домостроительство Его не воспитывало бы ихъ въ школѣ воздержанія и терпѣнія. Пусть всегда содержатъ они въ памяти, что счастливая жизнь любимцевъ міра сего, особенно на высокихъ степеняхъ могущества, нерѣдко уловляетъ ихъ въ сѣти свои и ведетъ къ преступленіямъ даже праведниковъ. Такъ и Давидъ (какъ замѣчено уже нами въ первой части сего трактата глав. 3), *мужъ по сердцу Божію*, въ состояніи подчиненія и зависимости былъ *праведнѣе*, нежели когда сдѣлался царемъ (Дѣян. XIII, 22. 1 Цар. XIII, 14. XXIV, 18): тамъ щадилъ онъ и врага, бывшаго уже въ его рукахъ, а здѣсь умерщвляетъ вѣрнаго и преданнаго ему воина своего; тамъ онъ соблюдаетъ правду, а здѣсь въ омраченіи преступной страсти хочетъ скрыть неправду (2 Цар. XI). Кто же послѣ сего, не опасаясь грѣха, можетъ искать богатства, могущества, славы, если эти блага оказались столь опасными и пагубными и для того, кто не искалъ ихъ, а все получилъ отъ руки Избравшаго его? Кто можетъ безъ труда и борьбы спастись при обиліи этихъ благъ, если и избранный Богомъ мужъ испыталъ отъ нихъ такое затрудненіе на пути къ спасенію? Замѣчательно и то, что премудрый Соломонъ, который, не смотря на свою мудрость и самое блистательное царствованіе, въ послѣдствіи подъ старость впалъ въ идолопоклонство, такъ что

по вліянію на него чуждыхъ женъ сталъ участвовать и въ идолослуженіи,-что онъ до паденія своего не подвергался никакому несчастію въ мірѣ: онъ не былъ въ школѣ несчастія, и-мудрость оставила его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сердце его уклонилось отъ Господа Бога Израилева (3 Цар. III, 12. XI, 4. 5. 9).

ГЛАВА XXIX.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые ведутъ жизнь супружескую, и какъ-тѣхъ, которые ведутъ безбрачную жизнь.

Наставленіе 27.

Иначе должно наставлять супруговъ, а иначе-безбрачныхъ. Вотъ наставленіе супругамъ: заботясь другъ о другѣ во взаимныхъ обязанностяхъ своихъ, они должны угождать и супругъ супругѣ и супруга супругу такъ, чтобы взаимность ихъ угожденій не противорѣчила благоугожденію Божію; должны творить дѣла мірскія такъ, чтобы они не подавляли и не заглушали въ нихъ стремленія и любви къ дѣламъ Божіимъ; временными благами должны наслаждаться такъ, чтобы тѣмъ болѣе страшились бѣдствій вѣчныхъ, а въ несчастіяхъ настоящихъ не предавались малодушію и отчаянію, но утѣшались и укрѣпляли себя несомнѣнною надеждою въ чаяніи будущаго нескончаемаго блаженства. Для сего они должны всегда памятовать, что все въ сей жизни кратковременно, а въ жизни загробной все вѣчно; что все, что ни дѣлаютъ они для міра сего, пройдетъ, а то, чего они желаютъ и ожидаютъ въ томъ мірѣ, никогда не скончается; что бѣдствія міра земнаго никогда не сокрушатъ того, кого надежда на блага небесныя укрѣпляетъ, а блага настоящей жизни не обольстятъ его, когда представляемыя бѣдствія послѣдующаго суда такъ страшно тя-

готѣютъ надъ грѣшниками. Нельзя не видѣть, что душа христіанскихъ супруговъ и слаба немощами и сильна вѣрою: она не можетъ совершенно отрѣшиться отъ временнаго, но, не смотря на то, чаетъ вѣчнаго и стремится къ нему; она иногда уступаетъ немощной плоти, но въ тоже время укрѣпляется и надеждою свыше. Такимъ образомъ она (душа христіанскихъ супруговъ) и благами міра сего пользуется во дни своего прешельствія, и не забываетъ своего отечества, гдѣ чаетъ насладиться полнымъ блаженствомъ, относясь ко временному съ безпристрастіемъ настолько, насколько оно должно служить не болѣе какъ средствомъ къ достиженію вѣчнаго. Все это кратко и прекрасно выражено у апостола Павла въ слѣдующихъ словахъ: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ, и плачущіися, якоже не плачущіи, и радующіися, якоже не радующеся* (1 Кор. VII, 29 и 30). И конечно, имѣющій жену какъ бы не имѣетъ ее, когда въ супружествѣ съ нею пользуется плотскимъ утѣшеніемъ такъ, что изъ страстной привязанности къ ней никогда не уклоняется отъ прямаго пути на распутія; имѣющій жену какъ бы не имѣетъ ее, когда, не видя здѣсь ничего постояннаго, заботится о тѣлесныхъ нуждахъ своей семьи ни меньше ни больше, какъ сколько требуетъ того самая необходимость, а духомъ *воздыхаетъ въ себѣ*, чающе вѣчнаго утѣшенія (Рим. VIII, 23). Плакать же какъ бы не плача значитъ такъ горевать о временныхъ и скоропреходящихъ несчастіяхъ, чтобы не забывать и утѣшеній вѣчныхъ никогда не оставляющей насъ надежды; а радоваться какъ бы не радуясь-такъ относиться ко всему дольнему міра сего, чтобы никогда не переставать страшиться наказаній за свои дѣла въ мірѣ горнемъ. Посему Апостолъ кстати прибавляетъ послѣ того: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31). Онъ какъ бы такъ говоритъ, и то́ же, что́ и возлюбленный

ученикъ Христовъ сказалъ: *не любите міра* (сего), *ниже вг міръ*, и не пристращайтесь къ нему, когда и самъ онъ, его же вы любите, *преходитъ* и не можетъ устоять (1 Іоан. II, 15 и 17). Напрасно опираетесь на него, думая утвердиться на немъ: онъ самъ бѣжитъ отъ васъ, котораго вы такъ любите.

Если же сопряженные узами супружескаго союза иногда испытываютъ взаимныя неудовольствія и оскорбленія; то нужно вразумить и расположить ихъ къ терпѣливому перенесенію таковыхъ разногласій и къ взаимному примиренію. Въ Писаніи сказано: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 2). А законъ Христовъ состоитъ въ любви, по которой Іисусъ Христосъ и даруетъ намъ всѣ блага и великодушно подъялъ на себя грѣхи наши. Посему и мы тогда только исполняемъ законъ Христовъ, когда и благотворимъ ближнимъ и причиняемыя ими намъ обиды переносимъ терпѣливо. Пусть поэтому и каждый изъ супруговъ обращаетъ вниманіе не столько на то́, что́ онъ терпитъ отъ другаго, сколько на то́, чему подвергается отъ него другой: чрезъ это онъ и самъ сдѣлается терпѣливѣе.

Наконецъ надобно супругамъ внушать, что они сочетались брачнымъ союзомъ для продолженія рода человѣческаго: пусть они всегда помнятъ это и не ищутъ въ супружествѣ удовлетворенія однѣмъ только похотямъ плотскимъ; въ противномъ случаѣ, они хотя и не будутъ нарушать союза супружескаго, однакожъ будутъ виновны въ нарушеніи правъ супружескихъ. Если же они иногда не могутъ устоять противъ искушенія плоти; то пусть омываютъ слезами покаянія и очистительными молитвами осквернение брачнаго ложа неумѣренными и нечистыми похотями. Апостолъ Павелъ говоритъ: *добро человѣку жены не прикасатися: по блудодѣянія ради* (во избѣ-

жаніе блудодѣянія) *кійждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать* (1 Кор. VII, 1 и 2). Кому же это онъ говоритъ такъ? Конечно, не здоровымъ предлагаетъ онъ такое наставленіе, а, какъ искусный врачъ въ духовномъ врачеваніи, подаетъ такое врачество немощнымъ. Имѣя въ виду опасенія *блудодѣянія*, очевидно, онъ обращается не къ стоящимъ на тверд й почвѣ, но къ тѣмъ, которые не имѣютъ подъ собою прочнаго основанія и при малѣйшемъ потрясеніи готовы пасть, и потому онъ, стараясь предохранить ихъ отъ паденія, указываетъ имъ для сего на спасительное ложе. Но къ сему же онъ присовокупляетъ еще для своихъ недужныхъ и слѣдующее наставленіе: *жена мужа должную любовь* (debitum-должное) *да воздастъ, такожде и жена мужу* (тамъ же-3). Притомъ, когда Апостолъ, при всемъ уваженіи своемъ къ чистотѣ и непорочности супружества, коснулся и удовольствій супружескихъ (тамъ же 4 и 5); то тутъ онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: *сіе же глаголю по совѣту* (въ подлинникѣ значится: »secundum indulgentiam-по снисхожденію«), *а не по повелѣнію: хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ; но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (тамъ же 6 и 7). Итакъ немощнымъ супругамъ дается совѣтъ, правильнѣе же оказывается снисхожденіе; а гдѣ снисхожденіе, тамъ предполагается слабость и виновность. Но эта виновная слабость не соблюдающихъ воздержанія въ супружествѣ можетъ быть смягчаема тѣмъ, что она состоитъ не столько въ употребленіи запрещеннаго, сколько въ неумѣренности употребленія незапрещеннаго и дозволеннаго. Состояніе находящихся въ супружествѣ можно уподобить состоянію Лота, спасающагося отъ огня, истребившаго Содомъ и Гоморру. Лоту повелѣвается бѣжать отъ огня и *спасаться въ гору*: и для супруговъ есть и огонь-разженіе похотей, и гора-чи-

стота и воздержаніе, возвышающія человѣка надъ побужденіями плоти и спасающія его отъ огня похотей. И дѣйствительно, какъ бы въ горѣ спасаются тѣ изъ нихъ, которые въ плотскомъ совокупленіи не столько ищутъ плотскихъ удовольствій, сколько благословеннаго Богомъ чадородія для распространенія рода человѣческаго (Быт. I, 28). Но гдѣ же ищетъ спасенія Лотъ? Онъ не вдругъ бѣжитъ *спасатися въ горѣ. Азъ не возмогу спастися въ горѣ*, говоритъ онъ; *се градъ сей близъ еже убѣжати ми тамо, иже есть малъ, и тамо спасуся; имя же граду тому Сигоръ*: туда-то бѣжитъ Лотъ, а не восходитъ на гору. Такъ и вступающіе въ супружество, хотя и бѣгутъ отъ достойной осужденія и наказанія жизни, однакожъ не восходятъ на высоту безстрастія, а находятъ спасеніе въ супружествѣ, которое и составляетъ для нихъ, такъ сказать, *градъ близъ еже убѣжати ими тамо и тамо спастися*. Притомъ *Сигоръ* былъ городокъ небольшой: *не малъ ли есть? и жива будетъ душа моя тебе ради*, говоритъ Лотъ ангелу. Не тоже ли должно сказать и о супружествѣ? Оно не удивляетъ насъ великими подвигами и высокими добродѣтелями, а есть потому для насъ какъ бы *малъ градъ*, въ которомъ возможно спасеніе *Господа ради*, будучи вмѣстѣ и *близъ* намъ, гдѣ человѣкъ въ супружеской жизни и не чуждается міра земнаго, какъ міра Божіяго, и уповаетъ на блаженство въ царствіи небесномъ. По что́ главнымъ образомъ спасаетъ Лота?-то́, что онъ молилъ Господа и о спасеніи своемъ: *молюся, Господи, понеже обрѣте рабъ твой милость предъ тобою, и сотвориши на мнѣ, еже жити души моей*, и о спасеніи того града, *еже не погубити его*, который избралъ онъ для своего спасенія, и-получилъ просимое. *Потщися, убо*, сказано было ему, *спастися тамо*. И не прежде вызванъ былъ Богомъ Лотъ изъ Сигора какъ по истребленіи Содома и Гоморра и всей окрестной страны,

и тогда только взошелъ онъ на гору, и *сѣде въ горѣ и вселися въ пещеру* (Быт. XIX, 12-30). Такъ и супруги должны молиться Господу и за себя и за ближнихъ своихъ. На это указываетъ и апостолъ Павелъ въ вышезначенномъ мѣстѣ, когда говоритъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постъ и молитвѣ, и паки вкупѣ собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. VII, 5).

Перейдемъ теперь къ безбрачнымъ. Этимъ людямъ надобно поставлять на видъ, что они должны тѣмъ съ большею готовностію и точностію исполнять заповѣди небесныя, чѣмъ менѣе у нихъ побужденій помышлять о земномъ и вдаваться въ мірскія заботы, не будучи связаны семейными обязанностями; что если они уклонились отъ ярема супружескаго, никому не воспрещаемаго, то тѣмъ болѣе не должны обременять себя житейскими попеченіями, пристрастіе къ коимъ всякому воспрещается; что въ послѣдній день страшнаго суда должны они явиться тамъ предъ верховнаго Судію тѣмъ болѣе готовыми, чѣмъ болѣе свободны были здѣсь отъ оковъ міра сего: иначе-сіи подвергнутся тѣмъ большему наказанію, чѣмъ болѣе имѣютъ возможности дѣлать то, что должно, но не брегутъ о томъ. И апостолъ Павелъ, когда совѣтуетъ нѣкоторымъ (могущимъ вмѣстити слово сіе Мат. XIX, 11 и 12. 1 Кор. VII, 7) вести жизнь безбрачную; то онъ нисколько этимъ не пренебрегаетъ и не унижаетъ супружества, а только предостерегаетъ вступающихъ въ бракъ отъ излишнихъ попеченій, соединенныхъ съ обязанностями супружескими. *сіе же*, говоритъ онъ, *на пользу вамъ самимъ глаголю, не да силѣ вамъ наложу, но къ благообразію и благопристойному Господеви безмятежну* (говорю это для вашей же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы могли благочинно и съ большимъ удобствомъ служить Господу безъ развлеченія,

sine impedimento-безпрепятственно) (1 Кор. VII, 35). И такъ какъ съ супружескими обязанностями всегда бываетъ соединено больше житейскихъ заботъ; то поэтому онъ, какъ апостолъ и учитель язычниковъ, убѣждаетъ и склоняетъ своихъ слушателей къ лучшему, чтобы они не связывали себя мірскою суетою. Но если безбрачный и по рукамъ и по ногамъ опутываетъ себя заботами мірскими (curarum saecularium impedimento praepedit se); то онъ и отъ супружескихъ обязанностей уклоняется, и не избѣгаетъ соединенныхъ съ ними заботъ, и еще менѣе соотвѣтствуетъ апостольскому совѣту. Далѣе, нужно напоминать безбрачнымъ, подъ страхомъ тяжкаго осужденія и наказанія, чтобы они не предавались плотскому смѣшенію съ женщинами свободными (cum feminis vacantibus), занимающимися непотребными дѣлами. Апостолъ Павелъ, включивъ сорокъ (грѣхъ) блудодѣянія въ число тяжкихъ преступленій, показываетъ, чего онъ заслуживаетъ: *или не вѣсте*, говоритъ онъ, *яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи* (molles), *ни мужеложницы, ни татіе, ни лихоимцы, ни піяницы, ни досадители* (maledicti-злорѣчивые), *ни хищницы* и т. п. *царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9 и 10. Гал. V, 19-21. Ефес. V, 5). А въ посланіи къ Евреямъ говоритъ такъ: *честна женитьба во всѣхъ и ложе нескверно* (да будетъ); *блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (XIII, 4). Наконецъ, если они находятся въ борьбѣ между искушеніями плоти и трудностію спасенія; то пусть спасаются въ супружествѣ, какъ благонадежной пристани: *лучше бо есть женитися*, сказано, *нежели разжизатися* (1 Кор. VII, 9). Разумѣется, безъ грѣха и осужденія могутъ они вступить въ супружество, если только не дали важнѣйшаго обѣта: въ противномъ случаѣ меньшее благо предпочтутъ большему, и

позволенное, при нарушеніи обѣта, дѣлается уже для нихъ непозволеннымъ. О таковыхъ людяхъ можно сказать, что когда они, будучи уже на пути отъ меньшаго блага къ бо́льшему благу, обращаются отъ бо́льшаго къ меньшему; то они идутъ уже не впередъ, а назадъ. Тоже и въ Евангеліи сказано: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. IX, 62).

ГЛАВА XXX.

Какимъ образомъ должно наставлять предающихся плотскому грѣху половаго смѣшенія (внѣ супружескаго союза); какъ напротивъ того-дѣвственниковъ и дѣвственницъ, не познавшихъ таковаго смѣшенія.

Наставленіе 28.

Иначе должно наставлять предающихся плотскому грѣху половаго смѣшенія (особенно внѣ законнаго супружества); а иначе-дѣвственниковъ и дѣвственницъ, вовсе не познавшихъ таковаго смѣшенія. На имѣющихъ несчастіе впадать въ тяжкіе грѣхи плотскаго смѣшенія и гибельныя послѣдствія оныхъ испытывать на себѣ надобно наводить такой страхъ, въ какой приходятъ, при взглядѣ на бушующія волны моря, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, но имѣвшіе счастіе спастись отъ угрожавшей имъ гибели. Пусть и они приходятъ въ такой же ужасъ и трепетъ, по крайней мѣрѣ послѣ кораблекрушенія, пусть страшатся испытываемыхъ ими опасностей, коимъ каждый разъ подвергаются, чтобы, спасаясь пока по милости и долготерпѣнію Божію отъ конечнаго потребленія, не погибнуть имъ въ нечестіи своемъ навсегда по праведному гнѣву Божію. И Господь Богъ, чрезъ пророковъ своихъ, въ лицѣ дома Іудина и дома Израилева такъ обличаетъ всякую душу согрѣшающую и не-

престающую согрѣшать чрезъ осквернепіе себя нечистотою плотскаго смѣшенія: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися* (Іерем. III, 3. слич. Іезек. XVI и XXIII). Посему, если *согрѣшающіе во свое тѣло* (1 Кор. VI, 18) не сохранили невредимыми полученныхъ ими даровъ природныхъ; то пусть, по крайней мѣрѣ, позаботятся о возстановленіи первобытной чистоты своей. И сколько есть между вѣрующими такихъ, которые и сами блюдутъ себя чистыми и другихъ предохраняютъ отъ всякія нечистоты! Что́ же скажутъ оскверняющіе свою плоть, если они и по паденіи не заботятся о возстаніи, тогда какъ другіе хранятъ непоползновенно свое цѣломудріе? что́ скажутъ они, если на зовъ Господа не только другихъ не вводятъ съ собою въ царствіе небесное, но и сами не входятъ въ него? Пусть же они оплакиваютъ свои грѣхопаденія въ прошедшемъ и убѣгаютъ ихъ на будущее время, чтобы *управить* себя *въ царствіе Божіе* (Лук. IX, 62). И далѣе, въ тѣхъ же пророчествахъ, обращаясь къ одержимымъ тѣмъ же недугомъ разврата, приводитъ имъ милосердый Господь на память содѣянныя ими преступленія, чтобы они постыдились и перестали сквернить себя подобными нечистотами, хотя впослѣдствіи: *и соблудиша во Египтѣ*, сказано, *въ юности своей соблудиша, тамо спадоша сосцы ихъ, и тамо растлиша дѣвство* (Іезек. XXIII, 3). Въ этомъ Египтѣ теряютъ они непорочность свою, когда ихъ воля подчиняется постыднымъ похотямъ міра сего: тамъ лишаются они цѣломудрія своего, когда врожденныя имъ способности, какъ дарованія сами по себѣ чистыя, оскверняются нечистотою развращенія.

А между тѣмъ пусть они обратятъ вниманіе на то́, съ какою любовію Отецъ Небесный распростираетъ къ намъ свои объятія, когда мы возвращаемся къ Нему, и-никогда не отчаяваются. Извѣстная притча евангельская о *блудномъ*

сынъ (Лук. XV, 11-32) лучше всего напоминаетъ намъ это. И той же *жене блудницѣ*, о которой упомянули мы выше, сказано: *аще отпуститъ мужъ жену свою, и отъидетъ отъ него, и будетъ мужу иному, еда возвращающися возвратится къ нему паки? еда непорочна будетъ и поскверпена жена та? Ты же соблудила еси съ* »любодѣйцами« *многими* (cum *amatoribus* multis [1]); *обаче обратися ко Мнѣ, глаголетъ Господь* (Іерем. III, 1). Это можно приложить и ко всякой душѣ блудной. Если и Господь не отвергаетъ ея, по суду правды своей, а преслѣдуетъ ее своею милостію; то помыслимъ, чего заслуживаетъ она своимъ противленіемъ, и-можетъ ли ожидать пощады, когда не внемлетъ божественному гласу, призывающему ее и послѣ паденія? Прекрасно выражено любвеобильное призываніе Божіе человѣка-грѣшника и по паденіи его у пророка Исаіи, гдѣ говорится: *и дастъ вамъ Господь хлѣбъ печали, и воду тѣсную*; »но не оставитъ тебя безъ наставленія: и очи твои будутъ взирать на учителя твоего, и уши твои будутъ внимать словесамъ созади (post tergum) тебе поучающаго-вотъ вамъ прямой путь, ходите по нему, не совращайтесь съ него, ни на десно, ни на шуе« [2]) (Исаіи. XXX, 20 и 21. Прит. IV, 27), или у Псалмопѣвца: *напаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ и напои насъ слезами-во мѣру* (Псал. LXXIX, 6). И дѣйствительно! Первыхъ человѣковъ Господь наставлялъ лично, когда,

---

[1]) Въ славянской Библіи: съ *пастырми* многими.

[2]) Это мѣсто въ славянской Библіи разнится много отъ латинскаго текста. Оно читается въ ней между прочимъ такъ: *и ктому не приближатся къ тебѣ льстящіи тя, яко очи твои узрятъ прельщающихъ тя, и уши твоя услышатъ словеса созади тебе прельщающихъ, иже глаголютъ сей путь, пойдемъ по нему, ли надесно, или налѣво.* Мы придерживались подлинника.

по сотвореніи ихъ съ полною свободою, Самъ въ раю указывалъ имъ, что они должны дѣлать и чего не должны дѣлать. Но когда они уклонились отъ лица Божія, возгордившись противъ Господа своего и нарушивъ Его приказанія; то и тогда Богъ не оставилъ ихъ съ потомствомъ ихъ, а для возстановленія падшаго рода человѣческаго сперва воздвигалъ особенныхъ мужей въ лицѣ патріарховъ, какъ посредниковъ между Собою и падшими, потомъ далъ имъ законъ письменный, затѣмъ посылалъ къ нимъ нарочитыхъ учителей и обличителей въ лицѣ пророковъ, наконецъ Самъ явился въ плоти нашего бреннаго естества, соединивъ въ Себѣ два естества, божеское и человѣческое, во единомъ лицѣ Богочеловѣка. Такимъ образомъ подъ покровомъ человѣческой природы (post tergum-созади) Онъ училъ и наставлялъ людей, возстановляя въ нихъ падшую природу человѣческую и призывая ихъ къ возвращенію утраченной ими благодати. А что́ можетъ быть сказано вообще о всѣхъ, то́ можетъ быть примѣнимо и къ каждому въ частности. Какъ бы предъ Богомъ стоя́, каждый изъ насъ принимаетъ Его наставленія въ словѣ Божіемъ, когда прежде нежели согрѣшитъ узнаетъ Его волю. Ибо стоять предъ Богомъ значитъ не уклоняться еще отъ лица Божія чрезъ нарушеніе заповѣдей Его. Коль-скоро же теряемъ мы невинность свою, становясь противниками воли Божіей, и устремляемся на дѣла беззаконныя; то мы уже отвращаемся отъ лица Божія (terga in ejus faciem miltimus). Но и послѣ того (post tergum) Господь Богъ всё-таки не оставляетъ насъ, преслѣдуя своею милостію, и не перестаетъ убѣждать насъ даже послѣ паденія возвратиться къ Нему. Удалившагося отъ Него обратно зоветъ, на преступленія его не обращаетъ вниманія, возвращающагося къ Нему принимаетъ съ распростертыми объятіями любви. И гласъ созади (post tergum) насъ зовущаго слышимъ мы и внимаемъ ему, если къ

призывающему насъ Господу по крайней мѣрѣ послѣ паденія возвращаемся. Итакъ пусть предающіеся тяжкимъ грѣхамъ плотскимъ половаго смѣшенія (особенно внѣ брачнаго союза) устыдятся оказываемой имъ милости и снисхожденія въ призываніи къ обращенію на путь покаянія, если не хотятъ убояться правосудія Божія; ибо они настолько пренебрегаютъ призывающаго ихъ Господа своимъ нечестіемъ, насколько пренебрегаемый ими Господь не отказываетъ имъ въ призываніи своемъ.

Напротивъ того, дѣвственниковъ и дѣвственницъ, не познавшихъ грѣха плотскаго смѣшенія, надобно предостерегать, чтобы они тѣмъ болѣе страшились паденія съ той высоты, на которой стоятъ, чѣмъ глубже можетъ быть ихъ паденіе. Они не должны забывать, что чѣмъ выше стоятъ, тѣмъ съ бо́льшею силою устремляетъ противъ нихъ стрѣлы свои врагъ спасенія нашего; ибо онъ тѣмъ сильнѣе вооружается, чѣмъ болѣе опасается быть побѣжденнымъ, и тѣмъ постыднѣе и нестерпимѣе для него эта побѣда, что ее одерживаетъ надъ нимъ немощная плоть. Пусть еще хранящіе чистоту тѣла и непорочность души непрестанно взираютъ на тѣ награды, какія уготованы имъ, и они охотно пребудутъ твердыми и непоколебимыми противъ испытываемыхъ ими искушеній: при видѣ благъ вѣчныхъ-непреходящихъ, имъ легче будетъ переносить трудные подвиги временные-преходящіе. А что́ ожидаетъ ихъ въ жизни будущей, пусть внемлютъ тому, что́ говоритъ о семъ Писаніе. Такъ у пророка Исаіи говорится: *сія глаголетъ Господь каженикомъ* (евнухамъ): *елицы сохранятъ субботы моя, и изберутъ, яже азъ хощу, и содержатъ завѣтъ мой, дамъ имъ въ дому моемъ и во оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ* (LVI, 4 и 5). Эти-то избранники и суть дѣвственники и дѣвственницы, которые,

посвящая себя Богу всецѣло и тѣломъ и духомъ, отрекаются отъ міра сего и похотей его. Какое же мѣсто займутъ они у Отца Небеснаго, видно изъ того, что они въ дому Его, то есть, въ вѣчномъ царствіи Божіемъ предпочитаются сынамъ и дщерямъ. И у тайновидца новозавѣтнаго сказано: *и гласъ слышахъ поющихъ пѣснь нову предъ престоломъ, и никтоже можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи сто и четыредесять и четыре тысящи искуплени отъ земли: сіи суть, иже съ женами неосквернишася, зане дѣвственницы суть, и послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ* (Апок. XIV, 2-4). Пѣть таковую пѣснь предъ престоломъ Агнца значитъ непрестанно славословить Бога въ чистотѣ и непорочности души и тѣла паче другихъ вѣрныхъ и находить въ томъ свое блаженство. Прочіе же избранные не могутъ принимать непосредственнаго участія въ этомъ славословіи, а могутъ только участвовать въ томъ своимъ присутствіемъ и по мѣрѣ того въ блаженствѣ; потому что они по любви своей сорадуются высотѣ ихъ состоянія, но сами по себѣ не достигаютъ того совершенства. А Спаситель говоритъ: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъже дано есть: могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мат. XIX, 11 и 12, слич. 1 Кор. VII, 7). Итакъ, если не всѣ могутъ хранить чистоту дѣвства, то тѣмъ выше подвигъ дѣвственниковъ; и если такъ трудно достигать дѣвственной чистоты, то тѣмъ съ бо́льшею осторожностію и осмотрительностію должно хранить ее.

Кромѣ того, дѣвственникамъ и дѣвственницамъ надлежитъ внушать, чтобы они, сознавая преимущество дѣвства предъ супружествомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не превозносились предъ избравшими состояніе супружеское и не уничижали самаго супружества; потому что предпочитая дѣвство и со смиреніемъ уважая супружество, они такимъ

образомъ и дѣвству воздаютъ должное и супружества не оскорбляютъ, соблюдая и себя отъ сустнаго и пагубнаго превозношенія. Пусть они сами хорошо размыслятъ, какими иногда подвигами супруги возвышаются надъ своимъ состояніемъ, какъ между тѣмъ многіе изъ дѣвственниковъ не имѣютъ той силы и высоты чувствованій, какія болѣе свойственны ихъ состоянію. Нельзя ли посему и къ нимъ въ подобныхъ случаяхъ приложить слова пророка: *усрамися Сидоне, рече море* (Исаіи XXIII, 4)? Волнующееся море какъ бы возвышаетъ голосъ противъ горделивой цѣломудренности Сидона, когда чрезъ сравненіе мірской жизни супруговъ, обуреваемыхъ волнами искушеній въ семъ мірѣ, постыждается и приводится въ трепетъ жизнь дѣвственниковъ, удалившихся отъ міра сего въ огражденную отъ его искушеній пристань. И не служитъ ли иногда жизнь супруговъ живымъ обличеніемъ для пребывающихъ въ дѣвствѣ? Сколько имѣемъ примѣровъ на то, какъ часто нѣкоторые изъ многихъ грѣшниковъ-мірянъ, обращаясь къ Богу послѣ паденія, тѣмъ съ бо́льшею ревностію принимаются за дѣла благія и усовершаются въ нихъ, чѣмъ болѣе сознаютъ нечистоту и грѣховность прежнихъ своихъ дѣлъ, заслуживающихъ осужденіе и требующихъ покаянія. А съ другой стороны, какъ многіе изъ пребывающихъ въ дѣвствѣ отшельниковъ, воображая, что имъ нечего въ себѣ оплакивать, нерѣдко бываютъ убѣждены въ своей правотѣ и невинности, коими они прельщаются, и не возгрѣваютъ въ душѣ своей высшихъ стремленій. И потому неудивительно, что Богу пріятнѣе и благоугоднѣе бываютъ раскаевающіеся послѣ паденія грѣшники, съ горячею любовію обращающіеся къ Нему, нежели праведники, опирающіеся на свою праведность, но коснѣющіе въ безпечности. Такъ и самъ небесный Судія дѣлъ нашихъ говоритъ о грѣшницѣ евангельской: *отпущаются грѣхи ея мнози, яко возлюби*

много (Лук. VII, 47); и еще, въ притчѣ евангельской, о той радости, когда истинный пастырь обрѣтетъ одну изъ ста овецъ заблудшую: *глаголю вамъ*,-говорится въ этой притчѣ,-*яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (болѣе), *нежели о девятидесятыхъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія* (Лук. XV, 7), *не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мат. IX, 13); или же о *блудномъ сынѣ*, который съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца и раскаяніемъ обратился къ отцу своему, и, *еще ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть* (Лук. XV, 11-34). Не тоже ли видимъ мы и въ обыкновенной жизни нашей? Мы болѣе любимъ ту землю (ниву), которая, будучи воздѣлана по очищеніи отъ тернія, приноситъ добрые и обильные плоды, нежели ту, которая не была заглушена терніемъ, однакожъ, по воздѣланіи, даетъ намъ скудную жатву. Пусть же хранящіе дѣвство высотою дѣвственнаго состоянія не гордятся предъ супружескимъ состояніемъ, которое ни́же дѣвственнаго; ибо предъ лицемъ праведнаго Судіи верховнаго достоинство дѣяній человѣческихъ не зависитъ отъ состоянія дѣятелей и можетъ измѣнить самое состояніе наше. Кто не знаетъ, что между драгоцѣнными камнями, по сравненію ихъ достоинствъ, карбункулъ (carbunculus) предпочитается гіацинту (hyacintho-яхонту)? Но извѣстно и то́, что по красотѣ небесно-голубаго (лазуревaго) цвѣта послѣдній стои́тъ выше перваго. У одного высоту его достоинства помрачаетъ блѣдность и недостатокъ красоты; а у другаго, стоящаго на низшей степени достоинства, восполняетъ его недостатокъ изящество красоты. Такъ и между людьми одни по состоянію выше, другіе-ни́же; но въ тоже время по достоинству дѣлъ высшіе стои́тъ иногда ни́же, а низшіе-выше: стоящіе по состоянію ни́же другихъ благочестивою жизнію

своею возвышаются надъ своимъ состояніемъ; стоящіе же выше другихъ, но не соотвѣтствующіе жизнію своему званію, уничижаютъ свое состояніе.

ГЛАВА XXXI.

Какимъ образомъ должно наставлять оплакивающихъ грѣхи свои, совершенные на самомъ дѣлѣ; и какъ—тѣхъ, кои оплакиваютъ грѣхи помышленій.

Наставленіе 29.

Иначе должно наставлять тѣхъ, кои оплакиваютъ грѣхи свои, на самомъ дѣлѣ совершенные; а иначе-тѣхъ, кои оплакиваютъ только помыслы грѣховные. Кающіеся во грѣхахъ своихъ, какъ дѣлахъ грѣховныхъ, должны омывать ихъ слезами совершеннаго покаянія, чтобы не оставалось и слѣда ихъ виновности и долгъ ихъ не превышалъ собою удовлетворенія. Такъ и псалмопѣвецъ Давидъ взываетъ къ Богу, посылающему наказаніе за грѣхи: *напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ и напоиши насъ слезами въ мѣру* (Псал. LXXIX, 6). Что́ же эти слова означаютъ?-то́, что душа каждаго должна сокрушаться и омывать грѣхи свои слезами сердечнаго покаянія по мѣрѣ своей виновности въ удаленіи отъ Бога. Пусть она всегда имѣетъ предъ глазами грѣхи свои, заботясь о томъ, чтобы Господь отвратилъ отъ нихъ (грѣховъ) лице Свое. Поэтому Давидъ и молится Господу: *отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ* (-L,11), сказавъ предъ тѣмъ: *яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (--5). Какъ бы такъ говоритъ онъ: молюся Тебѣ, Господи! не взирай на грѣхи мои, ибо я самъ всегда имѣю ихъ предъ взоромъ своимъ. И Господь чрезъ Пророка говоритъ: *и грѣхи твоя не помяну, ты же помяни; глаголи ты беззаконія твоя*

прежде, да оправдишися (Исаіи XLIII, 25 и 26). Притомъ плачущіе о содѣянныхъ грѣхахъ должны разсмотрѣть подробно согрѣшенія свои каждое порознь, чтобы, омывая слезами покаянія каждое прегрѣшеніе, омыть себя всецѣло. *Исходища* (divisiones-раздѣлы) *водная изліетъ око мое о сокрушеніи дщере людей моихъ* (Плач. Іерем. III, 48), говорится у пророка Іереміи, когда перечисляются и взвѣшиваются въ его плачѣ беззакоія сыновъ іудиныхъ. Такъ и мы должны истощать какъ бы раздѣльные потоки слёзъ,-изливать *исходища водная*, при каждомъ грѣхѣ своемъ, въ которомъ приносимъ покаяніе: ибо душа грѣшника, отягченная множествомъ грѣховъ, не можетъ вдругъ и безпристрастно разсмотрѣть всѣ грѣховныя язвы свои въ общемъ итогѣ и поболѣть объ нихъ съ полнымъ сокрушеніемъ сердца; но о каждомъ порознь, въ одно время объ одномъ, а въ другое о другомъ, можетъ возродиться въ ней живѣе воспоминаніе и дѣйствительнѣе самое покаяніе, и такимъ образомъ душа его, глубже потрясенная при раздѣльномъ представленіи грѣховъ своихъ, можетъ съ бо́льшею удобностію и отчетливостію перейти къ общему итогу виновности своей, очищая себя достойнымъ покаяніемъ.

Впрочемъ въ тоже время надобно напоминать таковымъ, какъ бы они ни были тяжкіе грѣшники, о безконечномъ милосердіи Божіемъ, чтобы не упадали духомъ и не отчаявались во спасеніи своемъ. Ибо если бы Господь восхотѣлъ осудить и потребить насъ, то не допускалъ бы насъ судить самихъ себя и слезами покаянія омывать грѣхи свои. Но Онъ милосердый, предупреждая насъ своею любовію, дѣлаетъ насъ судіями надъ самими собою. Такъ Царь-Пророкъ говоритъ: *предварима лице Его* (Господа) *во исповѣданіи... и восплачемся предъ Нимъ* (Псал. XCIV, 2 и 6). И апостолъ Павелъ тоже: *аще бихомъ себе разсуждали, не бихомъ осуждени были* (если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы) (Кор. XI, 31). Однакоже нуж-

но предостерегать кающихся во грѣхахъ, чтобы они не предавались безпечности отъ непомѣрной надежды на милосердіе Божіе. Ибо лукавый врагъ спасенія нашего, видя кающагося во грѣхахъ своихъ грѣшника, большею частію старается обольстить его разными пагубными внушеніями, чтобы увлечь на путь безпечности. Возьмемъ для примѣра приключеніе Дины, дочери Іакова отъ Ліи, какъ разсказывается о томъ въ книгѣ Бытія. *Изыде Дина*, говорится въ этой книгѣ, *познати дщери обитателей* той страны (земли хананской), куда переселился Іаковъ изъ Месопотаміи. *И видѣ ю Сихемъ... князь тоя земли; и поимъ ю, бысть съ нею, и смири ю* (vi opprimens virginem-насильственно). *И внятъ душею Динѣ, дщери Іаковли, и возлюби дѣвицу, и глагола къ ней по мысли дѣвицы* (et conglutinata est anima ejus cum ea, tristemque blanditiis delinivit-и соединилась душа его съ душею ея, и онъ утѣшалъ ее печальную ласками) (XXXIV, 1-3). Такъ и душа каждаго изъ насъ, подобно Динѣ, вышедшей на страну чуждую познать обитателей той страны, когда оставляетъ свою страну и свои занятія, ища чуждыхъ себѣ развлеченій, удаляется изъ-подъ своего крова на страну далече, ей незнакомую, и скитается по ней, какъ пришлецъ на чужой сторонѣ вдали отъ роднаго пристанища своего. Тогда врагъ-діаволъ, въ лицѣ Сихема, князя страны той, нашедши ее скитающуюся безъ рода и племени среди несвойственныхъ ей занятій, нападаетъ на нее и обольщаетъ ее, и соединяется душа его съ ея душею, не встрѣчая уже со стороны ея къ тому препятствій. А когда она отрезвится отъ грѣхопаденія и начнетъ скорбѣть и печалиться о своемъ преступленіи; тогда врагъ-обольститель начинаетъ глаголать къ ней по мысли ея, стараясь успокоить и усыпить ее лестію, чтобы устранить всякую печаль. Для сего онъ то указываетъ ей на грѣхи другихъ гораздо болѣе тяжкіе, въ срав-

неніи съ коими учиненный сю грѣхъ есть ничто или самый маловажный, то представляетъ безпредѣльное милосердіе Божіе, то ссылается на то, что впереди еще много времени для покаянія. И если душа всему этому внемлетъ, не вступая въ борьбу съ врагомъ своего спасенія; то окончательно предается безпечности, въ которой и погибаетъ.

Обратимся теперь къ оплакивающимъ грѣхи душевныхъ помысловъ. Ихъ надлежитъ побудить къ внимательному изслѣдованію и обстоятельному разсмотрѣнію *тайныхъ* согрѣшеній своихъ (Псал. XVIII, 13). Пусть они вникнутъ хорошо и опредѣлятъ положительно, чѣмъ именно грѣшатъ,-прельщеніемъ ли только, или и соизволеніемъ. Ибо душа иногда прельщается тѣмъ, что угодно плоти, но въ тоже время противится искушенію и борется съ нимъ, не подчиняясь влеченію худыхъ помысловъ; иногда же она такъ поддается искушенію, что готова бываетъ совершить грѣхъ на самомъ дѣлѣ, если только позволяютъ обстоятельства: тутъ очевидно уже, что хотя бы обстоятельства и не допустили совершить грѣха на самомъ дѣлѣ, но онъ уже совершенъ-въ намѣреніи, предъ очами Божіими, ибо душа рѣшилась уже въ соизволеніи своемъ совершить его, и потому грѣхъ помысла становится здѣсь грѣхомъ дѣла.

Изъ паденія прародителей нашихъ мы узнаемъ, что всякій грѣхъ совершается у насъ тремя актами (дѣйствіями): это-искушеніе (suggestio-наущеніе), прельщеніе (delectatio-услажденіе или доставленіе удовольствія) и соизволеніе (consensus-сочувствіе, согласіе). Первое совершаетъ діаволъ-врагъ нашего спасенія, второе-плоть наша съ своими немощами, третье-душа наша съ своими слабостями: діаволъ искушаетъ, плоть прельщается, а душа, побѣжденная прелестію грѣха, соизволяетъ. Такъ и совершился первый грѣхъ. Тамъ-въ раю, гдѣ жили сперва прародители наши, діаволъ въ образѣ змія искусилъ Еву, Ева же, какъ плоть,

прельстилась искушеніемъ и сообщила свое прельщеніе Адаму, а Адамъ, какъ душа поддавшаяся таковому искушенію и прельщенію, склонился къ тому же. Такимъ образомъ искушеніе представляетъ намъ поводъ ко грѣху прельщеніе побѣждаетъ насъ, если мы не противодѣйствуемъ ему, а сонзволеніе связываетъ насъ узами повинности за учиненный грѣхъ. Итакъ оплакивающимъ грѣхи душевныхъ помысловъ необходимо прослѣдить грѣховные помыслы свои, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ грѣховно то или другое помышленіе, и опредѣлить мѣру слезъ для очищенія ихъ, не давая имъ перейти въ грѣховныя дѣла. Не должно однакожъ чрезмѣрно устрашать недугующихъ грѣховными помышленіями, чтобы не повергнуть ихъ въ уныніе. Напротивъ должно утѣшать ихъ тою мыслію, что милосердый Господь тѣмъ скорѣе прощаетъ сердечныя согрѣшенія, что онѣ не перешли еще въ дѣло, и что мы тѣмъ удобнѣе можемъ освободиться отъ нихъ, что эти помыслы не скрѣплены дѣлами. Такъ и у Псалмопѣвца говорятся: *рѣхъ*, говоритъ онъ, *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. XXXI, 5. слич. 1 Іоан. I, 9). И какъ здѣсь подставлено: *нечестіе сердца*; то подъ *беззаконіемъ* должно разумѣть именно грѣховныя помышленія, исходящія отъ сердца. Далѣе, Псалмопѣвецъ лишь только сказалъ: *рѣхъ: исповѣмъ...*; какъ вдругъ прибавляетъ: *и ты оставилъ еси...*; а это показываетъ, какъ легко испросить помилованіе согрѣшеніямъ сердечнымъ. Наконецъ, коль скоро является рѣшимость съ изъявленіемъ исповѣданія грѣховности помысловъ; то въ слѣдъ затѣмъ оставляется и нечестіе сердца. Отъ чего же такъ скоро дается прощеніе таковымъ грѣхамъ? Отъ того, что грѣхи нечистыхъ помысловъ, не осуществленныхъ еще на самомъ дѣлѣ, но остающихся какъ бы въ тайнѣ у самаго грѣшника, мгновенно удовлетворяются предъ Богомъ

кистымъ и сокрушеннымъ покаяніемъ, мысленно въ душѣ грѣшника совершающимся.

ГЛАВА XXXII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые каются въ своихъ грѣхахъ, но не перестаютъ грѣшить; какъ—тѣхъ, которые перестаютъ грѣшить, но не раскаяваются въ содѣянныхъ грѣхахъ.

Наставленіе 30.

Иначе должно наставлять кающихся во грѣхахъ своихъ, но не перестающихъ грѣшить; а иначе-перестающихъ грѣшить, но не приносящихъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ. Сокрушающимся о содѣянныхъ грѣхахъ и оплакивающимъ ихъ, но не перестающимъ грѣшить, должно представить и внушить имъ для вразумленія ихъ, что тщетно они думаютъ очистить себя отъ грѣховной нечистоты скорбію и слезами, если въ жизни своей снова оскверняютъ себя, когда какъ бы для того и омываютъ себя слезами, чтобы опять возвратиться къ нечистотамъ міра сего. Къ нимъ-то относятся слова Писанія: *случися имъ истинная притча: песъ возвращается на свою блевотину*, и: *свинія, омывшися*, идетъ валяться *въ калъ тинный* (2 Пет. II, 22. Прит. XXVI, 11). Песъ когда изрыгаетъ блевотину, то извергаетъ изъ себя пищу, которою стѣснялась и подавлялась грудь его; но когда возвращается на ту же блевотину, то снова обременяетъ себя тою же тяжестію, отъ которой только-что освободился было. И кающіеся во грѣхахъ, конечно, по собственному сознанію отвращаются отъ того нечестія, которымъ пресытились было до отвращенія, и которое тяготило ихъ душу; но по прошествіи сознанія, возвращаясь на прежній путь жизни, опять принимаются за тѣ же дѣла, въ которыхъ сами стали было раскаяваться. А то́ нечистое животное, которое, омывшись, идетъ ва-

ляться въ грязи, выходитъ оттуда еще грязнѣе. И кающійся во грѣхахъ, но не перестающій грѣшить, подвергается сугубой винѣ наказанія: ибо онъ и помилованіе презираетъ, которое могъ бы получить при истинномъ покаяніи, и самыя слезы, коими думаетъ омыть грѣховную нечистоту свою, оскверняетъ и дѣлаетъ ихъ предъ Богомъ нечистыми. Посему и сказано у премудраго Сираха: *не повторяй слова въ молитвѣ твоей*, и не говори лишняго (Сир. VII, 15. Мат. VI, 7); ибо повторять одно и то же слово въ молитвѣ значитъ повторять и послѣ плача тѣ же преступленія, которыя требуютъ новыхъ слезъ. И у пророка Исаіи говорится: *измійтеся, (и) чисти будите* (estote-пребудьте) (I, 16); ибо не можетъ пребыть чистымъ и послѣ омовенія тотъ, кто не хранитъ невинности, возвращенной ему чрезъ покаяніе, но снова предается порочной жизни. Эти люди и омываются слезами покаянія и всё-таки остаются нечисты, потому что они, не переставая каяться, не перестаютъ и грѣшить. Такъ, скажемъ словами того же Премудраго: *омываяйся отъ мертвеца, и паки прикасаяйся ему, кая польза ему отъ бани* (какую пользу получаетъ онъ отъ омовенія своего)? (Сир. XXXIV, 25). Омывается отъ мертвеца тотъ, кто очищается слезами покаянія отъ грѣха, съ тѣмъ-чтобы не творить уже его; но кто послѣ покаянія повторяетъ грѣхъ, тотъ послѣ омовенія снова прикасается мертвецу.

Поступающимъ такимъ образомъ надобно высказать, чтобы сами размыслили и подумали, не являются ли они предъ судомъ Божіимъ подобными тѣмъ двоедушнымъ людямъ, которые въ лицо только льстятъ другимъ и свидѣтельствуютъ имъ свою покорность, а заочно вступаютъ въ ряды самыхъ дерзкихъ и враждебныхъ имъ враговъ? Ибо что́ значитъ-оплакивать грѣхи, какъ не смиряться предъ Богомъ и заявлять свою преданность? и что́

значитъ-грѣшить и послѣ многихъ слезъ покаянія, какъ не питать гордость и враждовать противъ Того, предъ кѣмъ преклонялись колѣна съ испрашиваніемъ помилованія? Апостолъ Іаковъ ясно говоритъ: *иже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (IV, 4). Кающіеся во грѣхахъ своихъ, но не оставляющіе ихъ, должны знать, что порочные очень часто сокрушаются о своихъ дѣлахъ въ надеждѣ на оправданіе также тщетно, какъ тщетно врагъ искушаетъ добродѣтельныхъ ко грѣху: сокрушеніе не спасаетъ первыхъ такимъ же образомъ, какъ искушеніе не погубляетъ, а еще болѣе укрѣпляетъ послѣднихъ. Ибо между поступками и внутреннимъ расположеніемъ тѣхъ и другихъ находится удивительная соотвѣтственность (mensura соразмѣрность): одни, заботясь о добрѣ, но не творя его, среди самыхъ грѣховъ, которыми обременяютъ себя, не переставая содѣвать ихъ, пребываютъ гордыми и самонадѣянными; другіе, напротивъ, будучи искушаемы зломъ, но безъ соизволенія ихъ на то́, чѣмъ болѣе испытываютъ свою немо́щь, тѣмъ болѣе терпѣніемъ и смиреніемъ стараются утвердиться на добромъ пути. Такъ Валаамъ, вызванный Валакомъ для проклятія народа Божія, окинувъ взоромъ станъ его (tabernaculum justorum-лагерь праведниковъ), воскликнулъ по внушенію Духа Божія: *да умретъ душа моя въ душахъ* (morte-смертію) *праведныхъ, и буди сѣмя мое, якоже сѣмя ихъ* (et fiant novissima mea horum similia-и да будутъ послѣдняя моя имъ подобна) (Числ. XXIII, 10). Но когда сердечное сокрушеніе его прошло, и улучилъ случай воспользоваться предложенною ему мздою корыстолюбія; то позабылъ о неукоризненности своихъ словъ и желаній и предложилъ совѣтъ врагу народа Божія на жизнь тѣхъ, кому самъ хотѣлъ уподобиться и жизнію и смертію (тамъ же XXIV, 14 по Вульгатѣ и тексту св. Григорія. XXXI, 16. Апок. II, 14). И апостолъ Павелъ, учитель язы-

ковъ, говоритъ: *вижу инъ законъ во удѣхъ моихъ, противующующъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. VII, 23). Но искушаемый, *соуслаждающійся закону Божію по внутреннему человѣку* (тамъ же 22), на тотъ конецъ и искушается, чтобы чрезъ познаніе на самомъ опытѣ своей слабости тѣмъ прочнѣе могъ утвердиться въ добрѣ. Такимъ образомъ въ чемъ туть заключается вся тайна, что какъ сокрушеніе не спасаетъ однихъ, такъ искушеніе не погубляетъ другихъ, если не въ томъ, какъ это очевидно, что ни добро, еще не совершенное, не облегчаетъ и не оправдываетъ нечестивыхъ, ни зло, еще не учиненное, не подвергаетъ осужденію праведниковъ?

Совѣмъ иначе должно поучать тѣхъ, которые хотя и перестаютъ грѣшить, однако не заботятся и не находятъ нужнымъ замолить предъ Богомъ содѣянные уже ими грѣхи достойнымъ покаяніемъ. Ихъ надобно вразумить, что они чрезъ это нисколько не уменьшаютъ долга своей виновности, и если не умножаютъ грѣховъ новыми, то и не очищаютъ себя отъ прежнихъ. Такъ, писатель, написавшій что-нибудь, но переставшій писать, тѣмъ, что ничего болѣе не прибавилъ къ написанному, не уничтожаетъ того, что́ имъ написано уже. Или, если кто поноситъ и злословитъ насъ, то неужели для удовлетворенія нанесеннаго имъ намъ оскорбленія достаточно того только, чтобы онъ замолчалъ? Нѣтъ: для уничтоженія подобной обиды необходимо, чтобы обидѣвшій принялъ съ обиженнаго на себя обратно изрыгнутыя имъ съ гордостію слова и стёръ ихъ дѣлами смиренія съ испрошеніемъ братскаго прощенія. Равнымъ образомъ и всякій должникъ не освобождается отъ старыхъ долговъ изъ-за того, что не входитъ въ новые долги, пока не уплатитъ должнаго. Такъ и мы, согрѣшая предъ Богомъ, не можетъ полагаться на оправданіе, въ виду того,

что перестаемъ грѣшить, если не омываемъ слезами покаянія грѣховныхъ наслажденій нашихъ прошедшихъ и не приносимъ надлежащаго за нихъ удовлетворенія. Если бы даже мы и не осквернили себя никакимъ грѣхомъ; то и тогда не были бы совершенно чисты предъ Богомъ: ибо мы и *зачинаемся въ беззаконіи и раждаемся во грѣхахъ* (Псал. L, 7). Какъ же намъ не сокрушаться о грѣхахъ и оставаться въ безпечности, когда мы сами противъ себя свидѣтельствуемъ дѣлами своими, что совершенной чистоты и неукоризненности ни въ комъ изъ насъ нѣтъ, *аще и единъ день житія его на земли* (Іов. XIV, 4 и 5)?

Конечно, Богъ не нуждается въ нашихъ слезахъ и скорбяхъ, но врачуетъ наши болѣзни грѣховныя противоположными имъ средствами: если мы доселѣ услаждались плотскими удовольствіями грѣха, то теперь должны душевно скорбѣть о томъ и обливаться горькими слезами, *измождая плоть* свою, *да духъ спасется* (1 Кор. V, 5); если паденіе наше произошло отъ нарушенія закономъ воспрещеннаго, то при возстаніи должны мы въ вознагражденіе и какъ бы для погашенія своего преступленія сами себя ограничить и въ дозволенномъ намъ закономъ; пагубную радость должна изгонять изъ души нашей спасительная печаль; наносимыя гордостію раны должны быть исцѣляемы сокрушеніемъ и смиреніемъ, и т. п. Посему Псалмопѣвецъ говоритъ: *рѣхъ беззаконнующимъ: не беззаконнуйте; и согрѣшающимъ: не возносите рога* (Псал. LXXIV, 5). Поднимаютъ же вверхъ роги свои беззаконные и грѣшники, когда и при сознаніи своихъ неправдъ не смиряются въ своей гордости и не обращаются на путь покаянія. И въ другомъ мѣстѣ говорится у того-же Псалмопѣвца: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Раскаявающійся во грѣхахъ, но не перестающій грѣшить сокрушается въ сердцѣ своемъ, но не смиряетъ его; а пере-

стающій грѣшить, но не приносящій покаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, смиряется сердцемъ, но не сокрушаетъ его: у однихъ не достаетъ смиренія, у другихъ же покаянія. Апостолъ Павелъ, перечисляя въ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ разные виды неправедниковъ, которые царствія Божія не наслѣдятъ, въ слѣдъ за тѣмъ говоритъ имъ: *и сими убо нѣцыи бѣсте; но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся, именемъ Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. VI, 11). Это значитъ, что грѣшники оправдываются правдою Божіею и освящаются, когда измѣняютъ образъ грѣховной жизни своей на жизнь праведную и омываютъ себя отъ грѣховъ слезами покаянія. Апостолъ Петръ, замѣтивъ смущеніе многихъ изъ іудеевъ, къ которымъ первую проповѣдь держалъ онъ по сошествіи Духа Святаго, въ присутствіи всѣхъ апостоловъ, и то умиленіе, съ которымъ они слушали его, вопрошая и его самаго и прочихъ апостоловъ: *что сотворимъ, мужіе братіе?*—онъ отвѣтствовалъ имъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа со оставленіе грѣховъ* (Дѣян. II, 37 и 38). Въ этомъ апостольскомъ совѣтѣ таинству крещенія предпосылается покаяніе: значитъ, покаяніе должно предварять самое крещеніе и оно совершенно необходимо для дѣйствительности его. Какъ же послѣ сего думаютъ оправдаться предъ Богомъ и получить помилованіе тѣ, которые хотя и перестаютъ грѣшить, но въ содѣянныхъ грѣхахъ не приносятъ достойнаго покаянія?

ГЛАВА XXXIII.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые живутъ беззаконно и тѣмъ еще тщеславятся; какъ-тѣхъ, кои осуждаютъ пороки, между тѣмъ сами ведутъ жизнь порочную.

Наставленіе 31.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которые живутъ такъ, какъ бы для нихъ не существовало никакихъ законовъ, и этимъ еще тщеславятся, восхваляя таковую жизнь; иначе-тѣхъ, кои осуждаютъ пороки и сами въ себѣ и въ другихъ, между тѣмъ ведутъ жизнь порочную Совершающимъ и вмѣстѣ одобряющимъ противузаконныя и порочныя дѣйствія надобно указать главнымъ образомъ на то, что они грѣшатъ словомъ гораздо болѣе, нежели дѣломъ; ибо дѣломъ они погрѣшаютъ только сами предъ собою, а словомъ располагаютъ ко грѣху и другихъ, внимающихъ имъ и заимствующихъ отъ нихъ ложное и нечестивое понятіе о грѣхѣ. Если они не расположены къ искорененію зла въ себѣ; то пусть, по крайней мѣрѣ, не посѣваютъ его между другими: довольно бы для нихъ ограничиться собственною личностію Затѣмъ, если они не боятся быть злыми; то пусть, по крайней мѣрѣ, устыдятся являться предъ лицемъ другихъ такими, каковы они сами въ себѣ. Грѣха, скрываемаго нами отъ другихъ, мы нерѣдко сами гнушаемся; ибо душа наша, стыдясь являться такою, какою не страшится быть, очень часто начинаетъ стыдиться и быть тѣмъ, чѣмъ казаться избѣгаетъ. А когда грѣшникъ безстыдно обнаруживаетъ свои грѣхи, то чѣмъ открытѣе совершаетъ ихъ, тѣмъ дерзновеннѣе считаетъ ихъ чѣмъ-то позволительнымъ; а смотря на всякій грѣхъ такимъ образомъ, онъ уже тѣмъ свободнѣе предается имъ и тѣмъ глубже погружается въ бездну грѣховную. Такъ пророкъ Исаія говоритъ объ израильтянахъ: *грѣхъ свой, яко содомскій, возвѣстиша и*

явиша (nec absconderunt-не скрыша) (III, 9). Если бы Содомляне скрывали свои грѣхи, то это значило бы, что они не совсѣмъ еще потеряли стыдъ и страхъ: но они совершенно сбросили съ себя эту обуздывающую грѣшника узду, когда для совершенія грѣха не укрывались даже отъ взора другихъ. Посему-то Господь сказалъ: *вопль содомскій и гоморскій умножися ко мнѣ* (Быт. XVIII, 20). Грѣхъ гласный есть грѣхъ, въ который впадаетъ грѣшникъ волею или неволею, какъ подверженный слабостямъ и поползновенію; а грѣхъ вопіющій есть грѣхъ, совершаемый на дѣлѣ съ необузданною вольностію и наглостію.

Сознающимъ же и осуждающимъ грѣхъ, но предающимся порочной жизни и не перестающимъ грѣшить, нужно внушить, чтобы они напередъ и внимательно размыслили, что́ скажутъ они на страшномъ судѣ Божіемъ въ оправданіе свое, если они и на собственномъ судѣ своемъ признаютъ себя виновными. Итакъ они сами свидѣтельствуютъ противъ себя и своими дѣлами доказываютъ свою повинность. Свѣтильникъ разума и пониманія освѣщаетъ ихъ душу, чтобы она видѣла грѣхъ; что же душа? Она видитъ грѣхъ, но не старается превозмогать его и одерживать надъ нимъ побѣду, такъ что чѣмъ яснѣе она видитъ, тѣмъ большей подвергается винѣ и отвѣтственности. Не пользуясь, какъ должно, этимъ свѣтомъ внутреннимъ, открывающимъ грѣхи, и пренебрегая этимъ знаніемъ, они обращаютъ его въ доказательство обличенія самихъ себя; такимъ образомъ этотъ свѣтъ разумѣнія, который данъ имъ въ пособіе къ предотвращенію грѣха, и слѣдовательно къ избѣжанію наказанія, обращается у нихъ въ усиленіе преступленія и увеличеніе наказанія. Ихъ собственное еще въ жизни настоящей осужденіе усугубитъ только ожидающее ихъ осужденіе въ будущей жизни. *Рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по волѣ его, биенъ будетъ*

много, говоритъ сама Истина, *не вѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало* (Лук. XII, 47 и 48). И Псалмопѣвецъ взываетъ: *да пріидетъ смерть на ня, и да снидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ* (LIV, 16). Ибо живые знаютъ и чувствуютъ всё то, что совершается вокругъ ихъ; а мертвые ничего не могутъ ни чувствовать, ни знать. Если бы грѣхъ ихъ не сопровождался сознаніемъ, то они нисходили бы во адъ мертвыми; но такъ какъ они творятъ его съ полнымъ сознаніемъ, то съ таковымъ же сознаніемъ несчастные и отходятъ во адъ беззаконія и злочестія живыми.

ГЛАВА XXXIV.

Какимъ образомъ должно наставлять согрѣшающихъ по внезапному увлеченію, и какъ-тѣхъ, которые грѣшатъ съ намѣреніемъ.

Наставленіе 32.

Иначе должно наставлять тѣхъ, кои впадаютъ въ грѣхи нечаянно-по мгновенному увлеченію ко злу; а иначе-тѣхъ, кои грѣшатъ намѣренно и обдуманно. Внезапно увлекающимся прелестію грѣха надлежитъ представить, что они въ настоящей жизни должны вести непрестанную борьбу со врагомъ своего спасенія, и потому должны ограждать себя, такъ сказать, щитомъ постояннаго бодрствованія и страха отъ тѣхъ непредвидѣнныхъ ударовъ, какіе могутъ быть наносимы имъ врагомъ, и въ этой трудной борьбѣ должны сосредоточиться и укрѣпиться внутри самихъ себя, какъ въ укрѣпленномъ станѣ своемъ. А безъ того можно остаться какъ бы въ открытомъ полѣ, со всѣхъ сторонъ ничѣмъ незащищенномъ отъ вражескихъ нападеній, и врагъ тѣмъ

удобнѣе можетъ поражать свою жертву, чѣмъ беззащитнѣе находитъ ее въ безпечности. Притомъ нужно побуждать ихъ къ умѣренію заботъ о благахъ земныхъ: ибо когда міръ сей и земныя блага его поглощаютъ все вниманіе наше, тогда мы и не замѣчаемъ и какъ бы не чувствуемъ тѣхъ уязвленій грѣховныхъ, которыя поражаютъ и усыпляютъ насъ, такъ что мы готовы повторять слова пораженнаго и усыпленнаго виномъ, какъ сказано у премудраго Соломона: *биша мя, и не поболѣхъ*; (и) *поругашася ми, изъ же не разумѣхъ* (traxerunt me, et ego non sensi-тащили и влачили меня, но я былъ безчувственъ): »когда же поднимусь, и снова примусь за вино?« (Прит. XXIII, 37) [1]. Такъ, засыпающихъ среди безпечности грѣховной поражаютъ, но они не сознаютъ своихъ уязвленій; потому что какъ не замѣчаютъ угрожающихъ имъ золъ, такъ и не хотятъ знать содѣянныхъ ими. Такъ, безпечный грѣшникъ влечется грѣхомъ, и не чувствуетъ того; потому что его обуяла прелесть грѣха, и онъ ничѣмъ не возбуждается къ бодрствованію надъ собою. Конечно, онъ еще пробуждается для заботъ мірскихъ, еще ищетъ удовольствій грѣха въ усыпленномъ бодрствованіи надъ собою; но онъ усиливается бодрствовать тамъ, гдѣ гораздо умѣстнѣе и спасительнѣе было бы покоиться глубокимъ сномъ. Посему-то и сказано предъ тѣмъ у того же Премудраго: *и возляжеши яко въ сердцы моря* (in medio mari-среди моря), *и якоже кормчій во мнозѣ волненіи* (amisso clavo-безъ

---

[1]) Въ латинскомъ подлинникѣ послѣднія слова этого текста читаются такъ: quando evigilabo, et rursun vina reperiam? въ славянскомъ же переводѣ онѣ выражены такъ: *когда утро будетъ, да шедъ взыщу, съ ними же снидуся?*

кормила)[1]) (Прит. XXIII,34). *Возлежать* и засыпать *въ сердцѣ моря*-значитъ не обращать вниманія, среди моря мірскихъ искушеній, на стремленіе разрушительныхъ волнъ грѣховныхъ; и тотъ, кто оставляетъ всякую заботу объ управленіи своимъ кораблемъ, плавающимъ въ этомъ морѣ житейскомъ, подобенъ *кормчему*, усыпленному *во многозъ волненіи*, который бросаетъ кормило и предоставляетъ корабль на произволъ судьбы. Бросать кормило среди моря-значитъ не предпринимать никакихъ мѣръ противъ случайностей и подвергать корабль всякимъ опасностямъ. Когда же кормчій не дремлетъ надъ своимъ кормиломъ; тогда онъ мастерски, смотря по обстоятельствамъ, то направляетъ носъ корабля прямо противъ волнъ, разсѣкая ихъ такимъ образомъ, то ставитъ паруса наискось противъ вѣтра, чтобы ослабить его напоръ, то надуваетъ ихъ при вѣтрѣ попутномъ, и всячески лавируетъ, управляя кораблемъ по усмотрѣнію обстоятельствъ. Такъ и душа, недремленно бодрствующая и строго наблюдающая за собою, однѣ трудности подвижнически преподѣждаетъ, другія искусно облегчаетъ, а отъ иныхъ съ благоразуміемъ уклоняется, чтобы и въ дѣйствительной борьбѣ выйти побѣдительницею и противъ угрожающихъ опасностей напередъ укрѣпиться и обезпечить себя. Тоже говорится еще у того же Премудраго и въ Пѣсни пѣсней его о мужественныхъ сподвижникахъ небеснаго отечества, что у каждаго изъ нихъ *оружіе* (ensis-мечъ) *при бедрѣ его, отъ ужаса въ нощехъ* (III, 8). Мечъ же препоясываютъ они при бедрѣ, чтобы всегда быть въ готовности остріемъ благовѣстія (acumine sanctae prae-

---

[1]) Текстъ этотъ вполнѣ читается такъ: et eris quasi dormiens in medio mari, et qusi sopitus (усыпленный) gubernator amisso clavo.

dicationis) отражать и разсѣкать грѣховныя искушенія и наущенія плоти; а подъ ночью выражается слѣпота нашей немощи, при нашемъ непостоянствѣ, такъ какъ мы не знаемъ, что́ съ нами можетъ случиться ночью. Такимъ образомъ у каждаго полагается мечъ при бердѣ его изъ опасеній ночныхъ, и потому святые мужи, опасаясь того, чего не видятъ, всегда являются готовыми вступить въ борьбу. И далѣе въ обращеніи къ невѣстѣ говорится: *носъ твой яко столпъ ливанскій* (VII, 4). Многія вещи, которыхъ не видимъ, узнаемъ по обонянію: такъ посредствомъ органа обонянія (носа) различаемъ вещи благовонныя отъ зловонныхъ. Что́ же изображается здѣсь подъ этимъ органовъ *носа* Церкви Божіей (per nasum Ecclesiae), какъ не чуткое обоняніе святыхъ Божіихъ (provida discretio sanctorum), коимъ они такъ вѣрно распознаютъ и отличаютъ добро отъ зла? Поэтому и уподобляется онъ *столпу ливанскому*, что это чутье ихъ такъ высоко и такъ глубоко проникаетъ вещи, что напередъ видитъ угрожающія имъ искушенія, и когда онѣ наступаютъ, то они являются уже противъ нихъ готовыми къ отпору. И дѣйствительно, всякая вообще опасность, какъ бы она грозною ни казалась въ своемъ будущемъ, не такъ поразительна бываетъ въ настоящемъ своемъ, если она заранѣе предусматривается; потому что всякій, видя напередъ грозящую ему бѣду, предпринимаетъ съ своей стороны для отвращенія оной соотвѣтствующія мѣры; а врагъ, думавшій поразить противника своего неожиданностію, усмотрѣвъ, что онъ постигнутъ имъ, приходитъ отъ того самаго въ уныніе и теряетъ энергію.

Не такъ должно поучать согрѣшающихъ намѣренно и обдуманно. Ихъ надобно вразумлять, что они тѣмъ строжайшему подвергнутся суду, чѣмъ съ бо́льшимъ сознаніемъ грѣшатъ, и чѣмъ упорнѣе предаются грѣху, тѣмъ бо́льшей

подлежатъ отвѣтственности. Они скорѣе могли бы очистить свои грѣхи покаяніемъ, если бы совершили ихъ по одному увлеченію; но когда они закрѣпляютъ ихъ въ себѣ собственнымъ размышленіемъ, то имъ труднѣе уже отрѣшиться отъ нихъ. Даже можно сказать, что предающіеся грѣху съ полнымъ сознаніемъ пагубы его тѣмъ и отличаются отъ согрѣшающихъ неумышленно, что они большею частію рѣшительно отпадаютъ отъ добра, теряютъ всякую надежду и впадаютъ въ отчаяніе. Поэтому Господь, обличая грѣшниковъ, грозитъ потребленіемъ не столько за неумышленные грѣхи, сколько за умышленные. Такъ говоритъ Онъ чрезъ Пророка: *да не зажжется яко огнь ярость моя, и возгорится, и не будетъ угашающаго, ради лукавыхъ умышленій вашихъ* (Іерем. XXI, 12). И въ другомъ мѣстѣ съ негодованіемъ на пастырей, пасущихъ самихъ себя, а не овецъ паствъ своихъ, обращается къ нимъ: *оле пастыри израилевы! се азъ посѣщу на васъ по лукавству умышленій вашихъ* (тамъ же XXIII, 2. Іезек. XXXIV, 3 и 8). Итакъ въ слѣдствіе таковаго различія грѣховъ умышленныхъ отъ всѣхъ другихъ грѣховъ Господь и преслѣдуетъ не столько дѣйствіе грѣховное, сколько самое умышленіе; ибо дѣло грѣховное часто можетъ зависѣть или отъ немощи, или отъ нерадѣнія и невнимательности, или увлеченія, а грѣховная умышленность всегда проистекаетъ отъ намѣренной и закоренѣвшей злобы. Въ противуположность такимъ грѣшникамъ вѣрно изображается у Царя-Пророка мужъ праведный, о которомъ между прочимъ говоритъ онъ такъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ губителей не сѣдѣ;* но... (Псал. I, 1). На *сѣдалищѣ* (cathedra) въ совѣтѣ обыкновенно возсѣдаетъ судія или начальникъ предсѣдательствующій. *Сидѣть же на сѣдалищѣ губителей*-значитъ грѣшить по зрѣломъ обсуж-

деніи грѣха, значитъ грѣшить съ размышленіемъ и сознаніемъ, значитъ доходить до такого состоянія грѣховнаго, въ которомъ грѣхъ совершается умышленно. И кто возносится до такого нечестія, что рѣшается грѣшить съ намѣреніемъ, тотъ какъ бы засѣдаетъ въ *совѣтѣ нечестивыхъ*, ходитъ по *путямъ грѣшныхъ* и возсѣдаетъ *на сѣдалищѣ губителей*. Такимъ образомъ сколько предсѣдательствующіе, занимая первое мѣсто (qui cathedrae honore fulciuntur) въ собраніи, выше всѣхъ другихъ присутствующихъ (assistentibus turbis), столько грѣхи умышленные превышаютъ соотвѣтственною тяжестію своею бремя всѣхъ другихъ грѣховъ неумышленныхъ. Пусть же тѣ, которые грѣшатъ намѣренно и обдуманно, заключаютъ изъ сего, какимъ они подвергаютъ себя наказаніямъ въ будущемъ, если въ настоящемъ являются не только сообщниками, но, такъ сказать, и предсѣдательствующими начальниками грѣшниковъ.

ГЛАВА XXXV.

Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые дозволяютъ себѣ хотя небольшіе проступки, но притомъ часто; какъ—тѣхъ, которые остерегаются маловажныхъ грѣховъ, но за то впадаютъ иногда въ тяжкія преступленія.

Наставленіе 33.

Иначе должно наставлять совершающихъ малые грѣхи, по-часто; а иначе-тѣхъ, кои избѣгаютъ малыхъ грѣховъ, но впадаютъ иногда въ большіе. Однимъ надобно совѣтовать, чтобы они обращали вниманіе не только на качество творимыхъ ими грѣховъ, но и на количество ихъ. Если они

не боятся своихъ грѣховъ, считая ихъ маловажными; то должны ужаснуться численности ихъ. Извѣстно, что всѣ моря́ и рѣки, самыя глубочайшія, наполняются малыми каплями воды, но-въ безчисленномъ множествѣ. Знаемъ также, что вода, мало по малу входящая незамѣтно въ корабль и значительно усилившаяся, дѣйствуетъ съ такою же разрушительною силою, какъ и открытая внезапно возстающая буря. Такимъ же образомъ и производимыя на тѣлѣ проказою язвы сначала едва замѣтны бываютъ; но впослѣдствіи, умножившись и усилившись до чрезвычайности, убиваютъ жизнь тѣлесную также, какъ и одна тяжелая рана, нанесенная въ сердце. Поэтому и сказано въ Писаніи: *уничижаяй малая, по малѣ упадетъ* (Сир. XIX, 1), то есть, не оплакивающій и не избѣгающій малыхъ грѣховъ совершенно отпадаетъ отъ правды, только не вдругъ, а, такъ сказать, по частямъ. Таковыхъ грѣшниковъ нужно вразумить, что малые грѣхи нерѣдко бываютъ для насъ пагубнѣе грѣховъ великихъ: ибо грѣхъ серьезный признаемъ мы за преступленіе, и потому скорѣе стараемся очистить его покаяніемъ, съ надеждою и рѣшимостію на исправленіе въ будущемъ; напротивъ того маловажный грѣхъ мы какъ бы и не считаемъ за грѣхъ, и потому тѣмъ безпечнѣе и гибельнѣе для себя предаемся ему. Посему часто случается, что душа, привыкнувъ къ малымъ грѣхамъ, легко рѣшается потомъ и на великіе, и какъ бы вскормленная и утвержденная во злѣ доходитъ она до того состоянія, что съ такимъ же безстрашіемъ готова бываетъ и на серьезные грѣхи, съ какого безбоязненностію пріобрѣла навыкъ совершать грѣхи маловажные.

Другимъ, т. е. остерегающимся маловажныхъ грѣховъ, но впадающимъ иногда въ тяжкія преступленія, должно напротивъ того внушать, чтобы они чистосердечнымъ раскрытіемъ предъ собою своей совѣсти не утаивали отъ себя

и своихъ недостатковъ: ибо гордясь тѣмъ, что сберегли себя отъ малыхъ грѣховъ, они чрезъ эту самую гордость свою пролагаютъ себѣ путь къ пагубнѣйшимъ грѣхамъ, увлекаясь широтою этого пути, и, будучи по внѣшности чужды маловажныхъ проступковъ, но сами въ себѣ надмеваясь тщеславіемъ, они и во внѣшнихъ проступкахъ обличаютъ свою душу, побѣжденную внутренно гордостію. Итакъ надобно предостерегать ихъ, чтобы они не пали внутренно тамъ, гдѣ по внѣшности, какъ имъ кажется, стоятъ непоколебимо, и чтобы превозношеніе незначительною, болѣе мнимою, праведностію не послужило для нихъ, по суду Божію, путемъ къ безднѣ важнѣйшихъ грѣховъ. Ибо превозносящіеся своею суетною и ничтожною праведностію, которую приписываютъ они собственнымъ силамъ, будучи поэтому оставляемы на произволъ самимъ себѣ, низвергаются гораздо глубже въ своемъ паденіи, и тогда-то уже, по паденіи, узнаютъ, что и то, чѣмъ дотолѣ стояли, не не отъ нихъ зависѣло, такъ что необузданная внутреннимъ сокрушеніемъ сердечнымъ грѣховность ихъ тѣмъ разгульнѣе становится, чѣмъ напыщеннѣе превозносятся они мнимою праведностію своею. Надобно раскрыть имъ глаза съ благоразумною осмотрительностію надлежащимъ выясненіемъ того, что они и въ большихъ преступленіяхъ-великіе грѣшники, и въ малыхъ проступкахъ, отъ которыхъ по видимому воздерживаются, не менѣе погрѣшаютъ самымъ образомъ воздержанія своего; ибо въ первомъ случаѣ безъ всякаго стѣсненія творятъ грѣхъ, будучи сами въ себѣ порочны, а въ послѣднемъ случаѣ стараются скрыть свою порочность отъ взора людей, обманывая ихъ притворнымъ святошествомъ. Такимъ образомъ они предъ Богомъ являются прямо нечестивыми, а предъ людьми-лицемѣрами. Вотъ почему Спаситель говорилъ фарисеямъ: *горе вамъ, лицемѣри, яко одесятствуете мяту, и копръ, и киминъ, и ос-*

тяжкіе вящшая закона, судъ и милость и вѣру: сія же подобаше творити, и оныхъ не оставляти; горе вамъ, вождіе слѣпіи, оцѣживающіи комары, вельблуды же поглощающе (Мат. XXIII, 23 и 24). Онъ какъ бы такъ говорилъ имъ: вы меньшихъ грѣховъ удаляетесь, а пожираете бо́льшіе. Здѣсь не надобно оставлять безъ вниманія и того, что Господь, говоря о фарисейскомъ одесятствованіи, не напрасно указываетъ на растенія, хотя самыя незначительныя, однакожъ издающія благоуханіе: Онъ хочетъ этимъ показать, что лицемѣры, сохраняя меньшія заповѣди, стараются показать видъ святости, распростаняя о себѣ, подобно разносящемуся благовонію, добрую въ народѣ молву; и хотя *вящшія закона оставляютъ*, однакожъ всё менѣе значительное исполняютъ до малѣйшей подробности,-что́ въ глазахъ народа имѣетъ цѣну великую и какъ бы далеко и широко благоухаетъ.

ГЛАВА XXXVI.

Какимъ образомъ должно наставлять и не начинающихъ даже дѣлъ добрыхъ; какъ-начинающихъ только, но никогда не оканчивающихъ.

Наставленіе 34.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которые не начинали еще дѣлать добро; а иначе-тѣхъ, кои начинаютъ, но отнюдь не довершаютъ. Не начинающихъ дѣлать добро не прежде должно назидать въ томъ, что́ спасительно для нихъ, какъ по разрушеніи того, что въ нихъ есть порочнаго и пагубнаго. Ибо они не могутъ съ успѣхомъ стремиться къ тому, чего еще не испытали, пока не увидятъ, какъ гибельно то́, къ чему доселѣ привязаны были: не сознающій своего паденія не желаетъ и возстанія, не чувствующій боли отъ

ранъ не ищетъ и врачевства для исцѣленія ихъ. Посему прежде всего надлежитъ показать имъ, какъ суетно то́, къ чему они пристрастились, и потомъ уже представить, какъ полезно и спасительно то́, чѣмъ они пренебрегаютъ: пусть напередъ увидятъ, что они должны убѣгать того, что́ любятъ, и тогда узнаютъ ясно, что имъ должно полюбить то́, отъ чего они убѣгаютъ. Тогда они съ бо́льшею готовностію примутъ предлагаемое имъ, хотя и не извѣданное для нихъ, если получатъ вѣрное понятіе обо всемъ, извѣданномъ ими, и съ полнымъ усердіемъ будутъ искать истиннаго блага, когда затѣмъ увидятъ и убѣдятся, какъ ложно и ничтожно то́, чѣмъ они доселѣ обладали. Пусть же они не забываютъ того, что блага настоящей жизни доставляютъ наслажденіе преходящее, потому что они противъ ихъ воли ускользаютъ, а мученіе приготовляютъ нескончаемое, потому что неизбѣжно влекутъ за собою наказаніе. Пусть они во спасеніе свое устрашатся того, чѣмъ наслаждались на погибель, и взглянувъ на угрожающую имъ бездну паденія, надъ которою стоя́тъ готовые низринуться въ нее, пусть встрепенутся и отступятъ отъ нея, полюбивъ то́, на что́ прежде не обращали вниманія, и отвращаясь отъ того, къ чему пристрастились.

Посему-то Господь говоритъ пророку Іереміи, посылая его на проповѣдь: *се поставихъ тя днесь надъ языки и надъ царствы, да искоренишн, и разоришн, и разточишн, и разрушишн, и паки созиждеши и насадиши* (Іерем. I, 10). Ибо если бы пророкъ не разрушилъ предварительно неправды, то не могъ бы создать правды; если бы не искоренилъ изъ сердца слушателей своихъ терніи нечистой любви, то не могъ бы насадить въ нихъ спасительнаго сѣмени слова Божія. Такъ и апостолъ Петръ сперва разоряетъ и ниспровергаетъ, а потомъ созидаетъ, и для того разоряетъ, чтобы затѣмъ удобнѣе и прочнѣе

созидать, когда въ первой проповѣди своей къ іудеямъ, въ присутствіи и прочихъ апостоловъ, не вдругъ сталъ учить ихъ, что́ имъ дѣлать, а прежде сталъ обличать ихъ, что́ они сотворили, обратившись къ нимъ съ слѣдующими словами: *мужіе израильстіи! послушайте словесъ сихъ: Іисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна* (засвидѣтельствованнаго) *въ васъ силами и чудесы и знаменіи, яже сотвори Тьмъ Богъ посредѣ васъ, якоже сами вѣсте, Сего нареченнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана пріемше, руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте, Его же Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни* (узы) *смертныя.... Твердо убо да разумѣетъ весь домъ израилевъ, яко Господа и Христа Богъ сотворилъ есть сего Іисуса, его же вы распясте* (Дѣян. II, 22. 23. 24-36). Такое направленіе своей проповѣди далъ Апостолъ, конечно, съ тою цѣлію, чтобы расположить іудеевъ къ сердечному сокрушенію и глубочайшему раскаянію въ содѣянномъ ими богоубійствѣ, чтобы такимъ образомъ воздѣлать ниву средецъ ихъ и приготовить ее къ принятію благодатнаго сѣмени слова Божія настолько, насколько требовало того тяжёлое, глубоко-падшее, грѣховное состояніе души ихъ. И послѣдствія увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ. Ибо они, по свидѣтельству писателя Дѣяній Апостольскихъ, *слышавше* сія *умилишася сердцемъ, и рѣша къ Петру и прочимъ Апостоломъ: что́ сотворимъ, мужіе братіе?* Тогда уже Петръ сказалъ имъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ*; и послѣ многихъ засвидѣтельствованій и увѣщаній о покаяніи и спасеніи, *иже любезно пріята слово его, крестишася*, такъ что *приложишася* (присоединилось) *въ день той душъ яко три тысящи* (тамъ же 37. 38 и 41). И эти послѣднія слова Апостола о покаяніи и крещеніи, безъ предваритель-

наго раскрытія и убѣжденія въ сознаніи того разрушительнаго состоянія грѣховнаго, въ которомъ находились его слушатели, конечно, могли бы остаться для нихъ гласомъ вопіющаго въ пустыни, не достигши спасительной цѣли. То же видимъ и въ обращеніи Савла (онъ же и Павелъ). Когда приближался онъ къ Дамаску, преслѣдуя христіанъ и озлобляя Церковь Христову; то внезапно *облисталъ его свѣтъ съ небесе, и, падъ на землю, слышалъ гласъ глаголющъ ему: Савле, Савле, что мя гониши? жестоко ти есть противу рожна прати.* И когда онъ вопросилъ: кто еси Господи? то Господь отвѣчалъ ему: *Азъ есмь Іисусъ, его же ты гониши.* Когда же онъ, узнавъ, кто говоритъ къ нему, въ *трепетъ и ужасъ* продолжалъ вопрошать: *Господи, что мя хощеши творити?* тогда ему сказано было: *востани и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. VIII, 1-4. IX, 1-6. XXII, 6-10. XXVI, 12-16). Такъ и здѣсь, сперва обличеніе, а потомъ наставленіе. Господъ необыкновеннымъ свѣтомъ съ неба, какъ молніею, поражаетъ гонителя своего и обличительнымъ гласомъ своимъ, какъ громомъ, сокрушаетъ и разрушаетъ дѣла его, но не подаетъ тотчасъ наставленія, что ему дѣлать. Уже вся гордыня его сломлена, и онъ послѣ паденія своего ищетъ уже во смиреніи спасительнаго назиданія; но не смотри на то, ему указывается только путь къ мѣсту спасенія, самое же спасеніе не вдругъ подается ему, чтобы такимъ образомъ лютый гонитель, находясь въ такомъ уничиженномъ состояніи, достойнѣе приготовился къ готовящемуся ему исцѣленію и спасенію, и чѣмъ глубже было его паденіе въ прежнемъ заблужденіи, тѣмъ тверже упрочилось бы его возстаніе въ даруемомъ теперь благодатномъ просвѣщеніи. Итакъ не принимавшихся даже за добрыя дѣла нужно сперва, такъ сказать, переломить въ нихъ закоснѣлой испорченности, уча и врачуя ихъ со властію, чтобы потомъ вы-

весть и поставить на путь правильной дѣятельности. Такъ подсѣкаемъ мы и высокія деревья въ лѣсу, чтобы поднять ихъ на строющееся зданіе и употребить въ дѣло; но полагаются онѣ въ самое зданіе не вдругъ, а по предварительномъ очищеніи ихъ отъ всего того, что́ не годится для строенія, и по надлажащей высушкѣ приготовленнаго матеріала отъ влаги и сырости, могущей вредить прочности зданія.

Начинающимъ же добрыя дѣла, но не доводящимъ оныя до конца, надобно внушать и напоминать, что, не оканчивая предположеннаго, они могутъ тѣмъ самимъ разрушить и начатое. Ибо если мы не умножаемъ своею внимательностію и усердіемъ своимъ начатаго; то у насъ оскудѣваетъ и то́, что́ сдѣлано нами добраго. Душа наша въ семъ мірѣ подобна кораблю, плывущему противъ теченія воды: она не можетъ, такъ сказать, стоять на одномъ мѣстѣ, и если не движется вверхъ, то необходимо спускается внизъ. Такимъ образомъ если дѣятель въ начатыхъ имъ добрыхъ дѣлахъ не усовершается, а какъ бы останавливается; то самая эта остановка или опущеніе и послабленіе (remissio) поставляетъ его въ противорѣчіе и съ тѣмъ, что́ имъ сдѣлано уже. Посему Соломонъ говоритъ: *не исцѣляяй себе* (mollis et dissolutus-изнѣженный и разсѣянный) *во своихъ дѣлѣхъ братъ есть погубляющему* (dissipantis-разрушающему) *себе самаго* (sua opera-свои же дѣла) (Прит. XVIII, 9), то есть, кто начатыя дѣла свои добрыя не продолжаетъ и не доводитъ до конца, а прекращаетъ, тотъ нерадѣніемъ своимъ похожъ на того, кто одною рукою созидаетъ, а другою разрушаетъ. И *ангелу Сардійскія церкви* сказано. *вѣмъ твоя дѣла, яко имя имаши яко живъ, а мертвъ еси. Буди бдя и утверждая прочая, имъ же умрети* (что́ близко къ смерти): *не обрѣтохъ бо дѣлъ твоихъ скончанныхъ предъ Богомъ твоимъ* (тео-моимъ). *Поминай убо, како пріялъ еси и*

слышалъ еси, и соблюдай и покайся (Апок. III, 1-3). Поелику онъ не довелъ дѣлъ своихъ предъ Богомъ до надлежащей полноты и совершенства, то ему предсказывается, что и прочія его дѣла умрутъ (*прочая, имъ же умрети*); ибо если въ насъ мертвое не возбуждается къ жизни, то умираетъ и то́, что́ кажется только, какъ будто имѣетъ признаки жизни, а на дѣлѣ-мертво (*имя* только *имаши, яко живъ, а мертвъ еси*). Лучше бы таковымъ не вступать на путь правый, нежели вступивши возвратиться вспять; ибо если бы они не вступали на него, то не охладѣли бы въ ревности къ изысканію его. Такъ и въ Писаніи сказано: *лучше бы имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданной имъ святой заповѣди* (2 Пет. II, 21); и еще: о если бы ты *былъ или студенъ или горящъ! но понеже тѣплъ еси, и ни студенъ ниже́ горящъ, имамъ тя изблевати изъ устъ моихъ* (utinam frigidus esses, aut calidus: sed quia tepidus es, et nec frigidus nec calidus, incipiam te emovere ex ore meo) [1]) (Апок. III, 15 и 16). Подъ *горячимъ* разумѣется тотъ, кто съ пламенною ревностію принимается за доброе дѣло, на которое призванъ, и не

---

[1]) Между текстомъ славянскимъ и латинскимъ усматривается нѣкоторая разность въ точности выраженій, такъ что славянскій въ изданіяхъ нѣсколько варіируется, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ближе подходя къ латинскому, какъ значится и въ нашемъ переводѣ; подлинный же славянскій текстъ читается такъ: *не да студенъ бы былъ ни тепълъ (о дабы студенъ былъ еси или горящъ)! тако, яко объуморенъ еси, и ни тепълъ ни студенъ, изблевати тя отъ устъ моихъ имамъ* (*тако, понеже тепълъ еси, и ни студенъ ниже горящъ, имамъ тя изблевати изъ устъ моихъ*).

оставляетъ его до конца, пока не совершитъ; а *студенымъ* или холоднымъ называется тотъ, кто и не начинаетъ того, что́ ему надлежитъ дѣлать. *Теплота* же стои́тъ на срединѣ, т е. на переходѣ отъ холода къ жару или отъ жара къ холоду. Посему, кто оставляетъ холодность невѣрія, однакожъ не воспламеняется любовію, какая подобаетъ вѣрующему, тотъ, будучи только тёплъ (т. е. ни студенъ, ни горячъ), и не возвышаясь надъ своимъ состояніемъ, начинаетъ снова охладѣвать, самъ не замѣчая того, и дѣлается тѣмъ же, чѣмъ и былъ, если не хуже того. *Студеный*, прежде нежели согрѣвается, еще подаетъ надежду, что онъ можетъ содѣлаться *горячимъ*; напротивъ того *теплый*, послѣ охлажденія, не подаетъ уже на то́ никакой надежды. Грѣшникъ можетъ обратиться, и грѣшники-то наиболѣе обращаются; но обратившійся, а потомъ совратившійся, очутившись опять въ переходномъ состояніи ни студенаго, ни горячаго, смотритъ уже прямо во дно адово. Итакъ, по словамъ Писанія, требуется или *горящъ* или *студенъ*, чтобы не быть изблевану, то есть, или съ горячимъ усердіемъ подвизающійся на поприщѣ вѣры и добродѣтели, или же холодный грѣшникъ, еще не обратившійся, но котораго можно обратить; всякій же равнодушный въ дѣлѣ вѣры и добродѣтели, а тѣмъ болѣе отъ пламенной ревности къ благочестію переходящій къ холодности, именуемый въ Писаніи *теплымъ*, будетъ изблёванъ.

ГЛАВА XXXVII.

Какимъ образомъ должно наставлять такихъ, которые совершаютъ зло въ тайнѣ, а добро творятъ явно и открыто; и какъ—тѣхъ, кои на оборотъ добрыя дѣла свои скрываютъ, а между тѣмъ нѣкоторыми поступками своими какъ бы нарочито поселяютъ въ другихъ не выгодное о себѣ мнѣніе.

Наставленіе 35.

Иначе должно наставлять тѣхъ, которые творятъ худыя дѣла въ тайнѣ, а добрыя совершаютъ явно и открыто; иначе же тѣхъ, кои напротивъ добрыя дѣла свои скрываютъ, а между тѣмъ нѣкоторыми своими поступками какъ бы нарочито подаютъ поводъ другимъ къ невыгодному о себѣ мнѣнію. Дѣлающимъ зло въ тайнѣ, а добро такъ сказать на показъ только, главнымъ образомъ нужно внушить, чтобы они размыслили, какъ перемѣнчивы сужденія людскія и какъ неизмѣненъ судъ Божій. Пусть они обращаютъ взоръ свой на конецъ дѣла: всякая похвала людскаго одобренія, за которою мы гоняемся, проходитъ и скоро исчезаетъ; а судъ Божественный, предъ которымъ открыты всѣ тайны наши, ждётъ каждаго изъ насъ съ неумытнымъ мздовоздаяніемъ на вѣки вѣчные. И потому, если они совершаютъ худыя дѣла предъ лицемъ Бога-серцевѣдца и тѣмъ самимъ какъ бы предоставляютъ ихъ Его суду, а дѣла добрыя предъ глазами людей только для прикрытія себя и поддержанія у нихъ выгоднаго о себѣ мнѣнія; то добро, дѣлаемое ими открыто, остается безъ свидѣтелей, а зло тайное-не безъ свидѣтеля, и притомъ вѣчнаго и нелицепріятнаго. Такимъ образомъ, скрывая отъ людей свои пороки, и выставляя предъ ними на видъ свои добродѣтели, они, и при всемъ стараніи утаить, обнаруживаютъ то́, за что́ должны понести наказаніе, и при всемъ усиліи разгласить, скрываютъ то́, за что́ могли бы получить награду. Таковыхъ людей кому или чему уподобляетъ Господь? *По-*

добитеся,-говорилъ Онъ фарисеямъ лицемѣрамъ,-*подобитеся гробомъ повапленымъ, иже вньуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты: тако и вы, вньуду убо являетеся человѣкомъ правеѣни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія* (Мат. XXIII, 27 и 28). Ихъ надобно вразумлять, чтобы они не унижали добрыхъ дѣлъ своихъ до того, что считаютъ достаточнымъ для себя воздаяніемъ человѣческую хвалу и расположеніе къ себѣ, а напротивъ того пришли бы въ тому убѣжденію, что эти дѣла достойны лучшей награды. Ибо если они за доброе дѣло ищутъ только временной и скоропреходящей славы, то продаютъ за ничтожную цѣну то́, что́ удостоивается вѣчной награды. О семъ-то говоритъ Господъ многократно лицемѣрамъ, притворно творящимъ милостыню, молящимся, постящимся, для того только, чтобы прославляли ихъ люди: *аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ* (recepérunt-получили уже) *мзду свою* (Мат. VI, 2. 5. 16). Пусть же вникнутъ въ свое положеніе и подумаютъ, что, будучи сами въ себѣ скрытно злы, а между тѣмъ выставляя себя публично для виду только добродѣтельными, они сами изобличаютъ себя и внушаютъ примѣромъ своего поведенія, что должно слѣдовать тому, отъ чего они бѣгутъ, и любить то́, что́ они ненавидятъ, какъ бы невольно пропокѣдуя горькими уроками своими, что они живутъ для другихъ, а для себя умираютъ.

Напротивъ того тѣхъ, которые добрыя дѣла свои скрываютъ, а между тѣмъ нѣкоторыми поступками своими какъ бы намѣренно навлекаютъ на себя невыгодное мнѣніе другихъ, должно поучать, чтобы они столько же любили ближнихъ, сколько любятъ себя; чтобы, оживляя себя силою добрыхъ дѣлъ, не убивали другихъ мнимо-худымъ примѣромъ своимъ; чтобы, принимая сами спасительное питіе, не изливали яда въ питіе другимъ, взирающимъ на

ныхъ и не постигающимъ ихъ образа дѣйствій. Скрывая добрыя дѣла и въ тоже время дѣлами подозрительными открыто подавая поводъ къ превратному о себѣ мнѣнію, они мало содѣйствуютъ однимъ и много затрудняютъ другихъ въ благочестивой жизни. Кто скрываетъ доброе дѣло, не говоря уже о томъ, что мнимыми слабостями своими соблазняетъ совѣсть ближнихъ, тотъ хотя и попираетъ въ себѣ самолюбіе и славолюбіе, однакожъ допускаетъ обманъ и погрѣшаетъ въ назиданіи ближнихъ: не оглашая заявленіемъ добрыхъ дѣлъ своихъ, онъ какъ бы засѣваетъ землю добрымъ сѣменемъ, но въ тоже время отнимаетъ у него корни, необходимые для того, чтобы ему произрасти, потому что скрываетъ то́, чему должны подражать другіе. Вотъ почему Спаситель въ нагорной бесѣдѣ своей говорилъ ученикамъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. V, 16), хотя тамъ же даетъ Онъ, по видимому, совсѣмъ иное наставленіе: *внемлите ми́лостыни* (justitiam-праведности) *вашея не творити предъ человѣки,* (яко) *да видими будете ими* (—VI, 1. 2. 5. 16).

Что́ же значитъ это? и какъ понимать эти наставленія, когда повелѣвается намъ добрыя дѣла и творить и не творить *предъ человѣки?* Это значитъ, что мы должны и творить ихъ въ тайнѣ не трубя о нихъ предъ собою, чтобы показаться предъ людьми, ища отъ нихъ за то́ славы, и являть ихъ предъ другими, не скрывая того, для прославленія Отца небеснаго. Ибо когда Господь заповѣдуетъ намъ не трубить о праведности своей предъ людьми, то тутъ же присовокупляетъ: (яко) *да видими будете ими*, то есть, чтобы только показаться предъ ними; а когда Онъ повелѣваетъ открыто творить добрыя дѣла, то непосредственно затѣмъ продолжаетъ: *да прославятъ Отца вашего, иже*

на небесьхъ. И такъ здѣсь главное-цѣль, насколько съ одной стороны творящій добрыя дѣла не долженъ выказывать ихъ для пріобрѣтенія себѣ славы, и насколько со стороны другой не долженъ скрывать ихъ, когда дѣло идетъ о славѣ Божіей. Отсюда происходитъ, что доброе дѣло и остается въ тайнѣ, хотя бы оно творилось явно, и наоборотъ бываетъ явно, хотя бы творилось въ тайнѣ. Ибо кто въ явно совершаемомъ дѣлѣ ищетъ славы не своей, а Отца небеснаго, того дѣло остается въ тайнѣ, потому что онъ имѣетъ свидѣтелемъ одного только Того, кому желаетъ благоугодить. Если же кто, творя добро въ тайнѣ, ищетъ себѣ за то похвалы отъ людей; то хотя бы дѣла его и никто не видѣлъ, однакожъ оно становится уже явнымъ, потому что виновникъ этого дѣла столько имѣетъ тому свидѣтелей, сколько имѣлъ въ виду похвалъ - въ сердцѣ своемъ. А худое мнѣніе о какомъ-нибудь поступкѣ, хотябы этотъ поступокъ самъ въ себѣ и не былъ грѣховенъ, всегда имѣетъ вліяніе на другихъ, а для слабыхъ въ вѣрѣ и немощныхъ совѣстію можетъ служить соблазномъ. Посему и тѣ ревнители благочестія, которые, скрывая добрыя дѣла свои, по смиренію, нѣкоторыми поступками своими какъ бы нарочито подаютъ поводъ другимъ къ невыгодному о себѣ мнѣнію, не смотря на то, что сами не грѣшатъ, могутъ иногда погрѣшать въ лицѣ тѣхъ, которые, станутъ подражать имъ въ томъ, убивая чрезъ нихъ свою совѣсть. Не напрасно же апостолъ Павелъ, обращаясь къ тѣмъ, которые, вкушая осквернѣнное, хотя сами не оскверняются, но соблазняютъ немощныхъ, говоритъ имъ: *блюдите, да не како власть ваша сія претькновеніе будетъ немощнымъ;* и далѣе: *и погибнетъ немощный братъ въ твоемъ разумѣ, его же ради Христосъ умре. Такожде согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ совѣсть немощну сущу, во Христа согрѣшаете...* (1 Кор. VIII, 9. 11-13).

И Моисей говорилъ именемъ Божіимъ древнему Израилю: *зла да не речеши глухому, и предъ слѣпымъ да не положиши претыканія* (Лев. XIX, 14); ибо злорѣчить глухому есть тоже, что отнимать у кого что-нибудь во время его отсутствія, когда онъ не слышитъ и не видитъ этого, а полагать претыканіе предъ слѣпымъ, конечно, есть дѣло видимое, но оно можетъ послужить преткновеніемъ и соблазномъ для того, у кого не достаетъ божьяго свѣта, предохраняющаго и спасающаго въ опаспости [1]).

ГЛАВА XXXVIII.

О томъ, что со стороны пастыря-проповѣдника наставленія, предлагаемыя имъ многимъ съ различными наклонностями слушателямъ, должны такъ сполѣшествовать добродѣтелямъ всѣхъ и каждаго, чтобы въ тоже время не усилить въ нихъ противоположныхъ пороковъ.

Пастырь душъ долженъ еще тщательно заботиться, чтобы при разнообразіи проповѣди, вызываемомъ различнымъ состояніемъ слушателей, непремѣнно предлагалось

[1]) Этимъ оканчиваются у. св. Григорія программы *Наставленій* (Admonitiones) пастыря-проповѣдника въ отношеніи къ пасомымъ. Въ подлинникѣ считается ихъ 36, по особому счету при главахъ; но такъ какъ первыя два помѣщены въ одной и тойже главѣ вмѣстѣ съ общимъ перечнемъ заглавій, тогда-какъ всѣ прочія изложены въ отдѣльныхъ для каждаго главахъ: то мы сочли лучшимъ и болѣе соотвѣтствующимъ всей постановкѣ отдѣлить ихъ отъ перечня и предоставить имъ особую главу, соединивъ по краткости оныхъ въ одну и подъ одну рубрику; и потому вмѣсто 36 у насъ вышло ихъ 35. Оттого между прочимъ выходитъ разница и въ счетѣ самыхъ главъ этой части: въ подлинникѣ значится ихъ XL, а у насъ XLII. слѣдующія же за симъ пять главъ (XXXVIII—XLII) заключаютъ въ себѣ *Совѣты* (Exhortationes) св. Григорія, болѣе относящіяся къ самимъ пастырямъ пасомыхъ, коимъ не ведется уже особаго счета при главахъ.

врачевство, сообразное съ язвами каждаго. Но если не легко послужить всѣмъ порознь во всёмъ, если трудно наставить со всесторонпею осмотрительностію каждаго въ свойственныхъ ему слабостяхъ; то гораздо труднѣе, въ одно и тоже время, однимъ и тѣмъ же словомъ, наставлять слушателей безчисленныхъ съ многоразличными недугами. Здѣсь слово пастыря должно быть соразмѣрно съ такимъ искуствомъ и умѣньемъ, чтобы каждый изъ слушателей находилъ въ немъ для себя приличное своему недугу врачеваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ само оно не заключало въ себѣ разнорѣчія, - чтобы разомъ проходило, такъ сказать, *золотою срединою*, между противуположными страстями, и, подобно обоюдуострому мечу, съ разныхъ сторонъ разсѣкало и поражало возстанія плотскихъ помысловъ, предохраняя такимъ образомъ отъ крайностей увлеченія. Пусть же пастырь-проповѣдникъ, идя этимъ путемъ, внушаетъ добродѣтель людямъ различныхъ характеровъ и положеній такъ, чтобы она ни въ комъ не превратилась въ противоположную слабость: людямъ гордымъ пусть проповѣдуетъ смиреніе, но такъ, чтобы у робкихъ и боязливыхъ не усилить страха и не довесть ихъ до унынія и отчаянія, а боязливымъ и робкимъ пусть внушаетъ сознаніе собственнаго достоинства, но опять такъ, чтобы у гордыхъ не усилить чрезъ это необузданной надменности; лѣнивымъ и безпечнымъ пусть проповѣдуетъ заботливость о добромъ дѣланіи, но такъ, чтобы у суетливыхъ не увеличить своеволія неумѣренной ревности, а суетливымъ пусть указываетъ мѣру и ограничиваетъ ихъ ретивость, но тоже такъ, чтобы чрезъ это не содѣйствовать недѣятельности безпечныхъ; у пылкихъ и нетерпѣливыхъ пусть обуздываетъ раздражительность, но такъ, чтобы равнодушнымъ и косным не поблажать тѣмъ самымъ въ ихъ небрежности, а у медлительныхъ и хладнокровныхъ пусть возбуждаетъ рев-

ность, но при томъ такъ, чтобы пылкіе и раздражительные, слыша это возбужденіе, не увлекались до неумѣренной и фанатической горячности; скупыхъ пусть располагаетъ къ щедрости, но такъ, чтобы не подавать повода къ расточительности нарушеніемъ всякихъ правилъ умѣренности, а расточительнымъ пусть возвѣщаетъ бережливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остерегается, какъ бы этимъ благимъ совѣтомъ своимъ не повліять на усиленіе любостяжательности и скупости людей противоположнаго направленія; невоздержнымъ людямъ пусть ставитъ въ примѣръ подражанія супружество, воспѣвая ему похвалу воздержанія, но такъ, чтобы воздерживающіеся супруги не возбуждались этимъ къ излишеству и не находили въ томъ для себя послабленія, а воздержнымъ пусть восхваляетъ цѣломудренную чистоту дѣвства, но все-таки такъ, чтобы въ глазахъ супруговъ нисколько не унижалось брачное ихъ ложе и никто изъ нихъ не доходилъ до пренебреженія чадородія. Вообще, проповѣдуя, такъ должно внушать добро, чтобы къ проповѣдуемому добру не примѣшалось стороною и зло. Такъ должно восхвалять верховное благо, чтобы не пренебрегать и низшимъ. Такъ должно заботиться о низшемъ, чтобы не считать его достаточнымъ, а всегда стремиться къ высшему.

ГЛАВА XXXIX.

О томъ, въ чемъ должно состоять наставленіе проповѣдника одному, одержимому различными недугами.

Хотя трудно проповѣднику, въ дѣлѣ общей проповѣди, слѣдить за тайными и сокровенными движеніями своихъ слушателей всѣхъ и каждаго, и, какъ на палестрѣ, обладать искуствомъ обращаться во всѣ стороны; однако гораздо бо́льшій трудъ предстоитъ ему, когда онъ долженъ проповѣдывать и давать различныя наставленія одному, преданному разнымъ порокамъ. Ибо бо́льшею частію быва-

етъ такъ, что кто по природѣ слишкомъ веселъ[1]), тотъ чрезмѣрно поражается и сокрушается при постигающей его внезапной печали. Итакъ на обязанности проповѣдника лежитъ долгъ-временную печаль облегчать, не увеличивая природной веселости, и природную весёлость обуздывать, не увеличивая временной скорби. Одинъ страждетъ привычкою чрезмѣрной поспѣшности; но иногда тамъ, гдѣ требуется быстрота дѣятельности, стѣсняется внезапно овладѣвающею робостію: а другой подверженъ бываетъ неумѣренной робости, съ которою уже свыкся; но иногда побуждается въ желаніяхъ своихъ неблагоразумiемъ рѣшиться на опрометчивость. Для сего въ первомъ надлежитъ разсѣять вдругъ появляющуюся робость, но такъ, чтобы чрезъ это не усилить издавна вкоренившуюся опрометчивость; а въ послѣднемъ нужно обуздать неожиданно появляющуюся поспѣшность, но такъ, чтобы не усилить чрезъ это природную робость. И что́ удивительнаго, если врачи душъ совмѣщаютъ и соблюдаютъ это, когда таковымъ же искуствомъ умѣнья распознавать и располагать способы врачеванія руководятся и тѣ, кои врачуютъ не души, а тѣло? Такъ не рѣдко бываетъ, что слабое тѣло удручается сильнымъ недугомъ, каковому недугу слѣдовало бы противодѣйствовать и сильными средствами; но слабый организмъ тѣла не въ состоянiи выдержать средствъ сильныхъ. Посему свѣдущій и опытный врачъ старается такъ устранить привившуюся болѣзнь, примѣняясь къ состоянію больнаго, чтобы не увеличить природную слабость тѣла и на случай вмѣстѣ съ болѣзнію не прекратить самой жизни. И потому предла-

[1]) »Quis laetae nimis *conspersionis* existit« т. е. laetus vel tristis per *conspersionem*, scilicet per temperamentum: о значеніи этого слова *conspersio*, нѣсколько разъ употребленнаго въ сей же главѣ и въ другихъ мѣстахъ, смот. выше въ началѣ этой части глава V въ примѣч.

гаетъ больному врачевство съ такимъ умѣньемъ дѣла, чтобы оно въ одно и тоже время и служило къ облегченію недуга и не отягощало природной слабости. Итакъ если врачевство тѣлесное, нераздѣльно употребляемое, можетъ имѣть дѣйствіе раздѣльное (ибо истинное врачевство въ томъ и состоитъ, когда оно и появляющейся болѣзни помогаетъ и природнаго расположенія не разстраиваетъ); то почему же врачеваніе духовное, въ одной и той же проповѣди предложенное, не можетъ помогать такимъ же образомъ въ различныхъ болѣзняхъ нравственныхъ, которое тѣмъ гибче и разборчивѣе должно совершаться, чѣмъ бо́льшей утонченности требуетъ того невидимость самаго предмета?[1]).

ГЛАВА XI.

О томъ, что проповѣднику позволительно иногда снисходить легчайшимъ порокамъ, чтобы устранить сажнѣйшіе.

Часто случается и такъ, что душа поражается недугомъ двухъ пороковъ, изъ коихъ одинъ дѣйствуетъ слабѣе, а другой сильнѣе. Въ такомъ разѣ благоразумнѣе подать скорѣйшую помощь противъ того порока, который опаснѣе и быстрѣе ведетъ къ погибели. И если спасти душу отъ близкой смерти нельзя иначе, какъ усиленіемъ противуположнаго порока; то проповѣдникъ въ своемъ поученіи, дѣйствуя съ мудрою разсудительностію, можетъ допустить усиленіе одного, чтобы спасти отъ близкой смерти, угрожаемой другимъ. Поступая такимъ образомъ, онъ не увеличиваетъ болѣзни, а между тѣмъ сохраняетъ жизнь

[1]) Вотъ послѣднія слова подлиннаго текста: »quae (medicina) auto subtilior agitur, quanto de invisibilibus tractatur«.

врачуемаго имъ больнаго, выжидая удобнаго времени для совершеннаго выздоровленія. Такъ, не мало видимъ примѣровъ тому, что многіе изъ насъ, увлекаясь невоздержаніемъ пресыщенія разными приманками снѣдей и питья, почти уже готовы бываютъ всецѣло предаться влеченію одолѣвающей ихъ страсти; но когда отъ страха въ этой борьбѣ силятся удержать себя въ предѣлахъ воздержанія, тогда они подвергаются искушенію тщеславія. Въ таковыхъ людяхъ никакъ не истребится одинъ порокъ, если не дать перевѣса въ пищѣ другому, такъ-что одинъ какъ бы вытѣсняется и изгоняется другимъ. Какая же язва должна быть преслѣдуема сильнѣе, какъ не та, которая поражаетъ опаснѣе? Итакъ можно допустить, иногда, чтобы чрезъ добродѣтель воздержанія усилилось между тѣмъ въ человѣкѣ превозношеніе, лишь бы только роскошь не погубила его рѣшительно невоздержною жизнію. Посему-то и апостолъ Павелъ, съ глубокимъ вниманіемъ разсуждая объ отношеніи нашемъ къ предержащимъ властямъ, и въ тоже время снисходя къ немощамъ нашимъ, когда мы или вдаемся въ порочныя дѣла или же за дѣла благія домогаемся воздаянія славы человѣческой, говоритъ: *хощеши ли не боятися власти? благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него* (ex illa-отъ нея т. е. власти) (Рим. XIII, 3). Конечно, не для того должны мы творить добро, чтобы нисколько не бояться мірской власти, или чтобы пользоваться за то́ скоропреходящею славою: но когда человѣкъ, при своей немощи, не такъ легко можетъ подняться на такую высоту совершенства, чтобы ему вдругъ и отъ худыхъ дѣлъ вовсе отрѣшиться и никакой славы за дѣла добрыя не искать; то св. апостолъ, какъ богомудрый проповѣдникъ, въ примѣръ и прочимъ, одно запретилъ, а другое допустилъ. И притомъ допущеніемъ меньшаго уничтожаетъ бо́льшее, съ тѣмъ-чтобы тотъ, кто не возросъ еще до того совершенства, что-

бы уничтожить все въ себѣ зло, оставался бы пока съ меньшимъ недостаткомъ, лишь бы ему удобнѣе избавиться отъ бо́льшаго порока.

ГЛАВА XLI.

О томъ, что проповѣдникъ не долженъ вдаваться въ своихъ поученіяхъ предъ слушателями слабыми и немощными въ разсужденіе о предметахъ возвышенныхъ, для нихъ недоступныхъ, пока они не будутъ къ тому подготовлены.

Проповѣдникъ не долженъ сверхъ силъ напрягать душевнаго вниманія своихъ слушателей, чтобы при излишнемъ напряженіи не порвать, такъ сказать, струнъ ихъ мыслительной удобопріемлемости. Высокія истины, требующія предварительной подготовки, не вдругъ должны быть раскрываемы: онѣ должны оставаться до времени подъ покровомъ для многихъ и могутъ быть открываемы не многимъ. Посему-то и сама Истина вѣщаетъ: *кто убо есть вѣрный строитель и мудрый, его же поставитъ Господь надъ челядію своею* (super familiam suam—надъ домашними своими) *дати* (имъ) *во время житомѣріе* (Лук. XII, 42. Мат. XXIV, 45)? Подъ *житомѣріемъ* можно разумѣть здѣсь и мѣру слова, чтобы оно предлагалось благовременно и не разсыпа́лось всуе, когда душѣ маловмѣстительной будетъ внушаемо что-либо недоступное для нея. Посему и апостолъ Павелъ говорилъ къ Коринѳянамъ: *и азъ, братіе, не могу вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ: млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ; ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ* (1 Кор. III, 1 и 2). И Моисей, сошедши съ горы Синайской, послѣ тайновидѣнія божественнаго, съ отраженіемъ на лицѣ образа́ славы Господней, *возлагаетъ на* просіявшее *лице свое покровъ* предъ

народомъ, зане́ *убоящася приступити къ нему, бяше бо прославленъ зракъ плоти лица его, яко не мощи взирати сыномъ израилевымъ на лице его* (Исх. XXXIV, 29–35. 2 Кор. III, 7 и 13), а тѣмъ болѣе непросвѣщеннымъ (turbis-толпѣ) проникать въ тайны внутренняго и сокровеннаго свѣта словесъ Господнихъ. А между многими законоположеніями, относящимися къ различнымъ житейскимъ вопросамъ, въ словѣ Божіемъ чрезъ того же Моисея повелѣвается между прочимъ, чтобы тотъ, кто выкопаетъ яму для стока воды (cisternam) и оставитъ ее непокрытою, въ томъ случаѣ, если въ эту яму впадетъ чей-нибудь волъ или оселъ, удовлетворилъ владѣльца ихъ слѣдуемою платою (Исх. XXI, 33 и 34): такъ и тотъ, кто, глубокомысленнымъ умомъ своимъ достигши высокаго знанія, безъ разбору разсыпаетъ недоступное сокровище знаній своихъ и предъ не могущими вмѣстить ихъ, подлежитъ за то́ наказанію, если словомъ своимъ вводитъ въ соблазнъ чистаго или нечистаго. По тому же самому и блаженному Іову сказано: *кто далъ есть пителю разуму* [1]) (Іов. XXXVIII, 36)? И божественный проповѣдникъ, благовѣствуя въ покрытое мракомъ невѣденія время, какъ пѣтелъ поетъ среди ночи, когда говоритъ: *часъ уже намъ отъ сна возстати* (Рим. XIII, 11); и еще: *истрезвитеся праведно, и не согрѣшайте* (1 Кор. XV, 34). А пѣтелъ въ часы глубокой ночи обыкновенно поетъ громко; когда же приближается утро, тогда издаетъ звуки слабые и тихіе. И проповѣдникъ, право правящій слово истины, душамъ тёмнымъ и непросвѣщеннымъ долженъ возвѣщать только удобопонятныя истины, ничего не высказывая пока о сокровенныхъ тайнахъ, предоставляя раскрытіе этихъ возвышеннѣйшихъ небесныхъ истинъ тому времени, когда они приблизятся къ свѣту истины.

---

[1]) По тексту св. Григорія, удержанному и нами: quis dedit gallo intelligentiam? славянскій переводъ не соотвѣтствуетъ тому.

ГЛАВА XLII.

О проповѣданіи дѣломъ и словомъ.

Между тѣмъ, по влеченію любви, возвратимся къ тому, что́ уже выше сказано нами, именно, что каждый проповѣдникъ долженъ учить болѣе дѣлами, нежели словами, указывая своимъ послѣдователямъ, не столько витіеватостію краснорѣчія, сколько примѣромъ доброй жизни, путь и цѣль, куда они должны идти и къ чему стремиться. Какъ тотъ пѣтелъ, котораго Господь беретъ въ своемъ словѣ для изображенія хорошаго проповѣдника, приступая къ пѣнію, потрясаетъ сперва крыльями, и, ударяя ими самъ себя, возбуждается къ бодрствованію; такъ и тѣ, которые изрекаютъ слово божественной проповѣди, должны прежде сами неусыпно упражняться въ доброй дѣятельности, чтобы собственнымъ примѣромъ не противорѣчить тому, къ чему призываютъ и возбуждаютъ другихъ своимъ словомъ. Пусть же благовѣстники слова Божія прежде сами усовершаютъ себя въ высокихъ подвигахъ христіанскихъ добродѣтелей, и тогда уже съ неукоризненностію поучаютъ другихъ добродѣтельной жизни; пусть прежде себя ударяютъ крыльями помышленій, испытуя внимательнымъ изслѣдованіемъ и строгимъ обличеніемъ исправляя то́, что въ самихъ себѣ находятъ вреднаго и пагубнаго, и въ то уже время обличительнымъ словомъ исправляютъ жизнь другихъ; пусть и въ показаніяхъ духовныхъ сперва будутъ безпристрастны къ собственнымъ недостаткамъ, чтобы потóмъ безтрепетно могли возвѣщать наказанія другимъ за ихъ преступленія, и вообще, возвышая голосъ слова въ своихъ совѣтахъ и наставленіяхъ, всё предлагаемое ими слушателямъ должны они подтверждать своими дѣлами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

заключающая въ себѣ одну только главу, которая по общему счету главъ въ цѣлой книгѣ (какой счетъ и ведется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, не допускающихъ дѣленія на части),-**есть**

ГЛАВА LXV.

О томъ, что пастырь-проповѣдникъ, исполнивъ все должное въ отношеніи къ подчиненнымъ своимъ, обязанъ обращать вниманіе и на самаго себя, дабы ни жизнію, ни проповѣдью своею не надмеваться.

Такъ-какъ пастырь, право правящій слово истины, нерѣдко подвергается опасному недугу гордости, когда успѣхомъ проповѣди, достодолжнымъ образомъ распространяемой, надмевается духъ самаго проповѣдника отъ потаенной радости о своемъ отличіи и преимуществѣ; то онъ долженъ со всею заботливостію укрощать и обуздывать свое высокомѣріе смиреніемъ и страхомъ, чтобы, врачуя язвы другихъ и призывая ко спасенію, самому по небрежности своей не отпасть отъ собственнаго спасенія, помогая ближнимъ, не забыть и себя, возстановляя другихъ, не пасть самому. Ибо бываютъ примѣры, что и высота добродѣтели не спасаетъ иныхъ отъ гибельныхъ послѣдствій, когда они въ самонадѣянности, чрезъ мѣру полагаясь на собственныя силы, предаются уже безпечности, въ которой сверхъ чаянія и погибаютъ. Когда добродѣтель противуборствуетъ порокамъ, тогда душа невольно увлекается нѣкоторымъ чувствомъ самоуслажденія; а отсюда происходитъ то, что умъ добродѣтельнаго отвергаетъ благоговѣйный страхъ предусмотрительности, предаваясь покою въ безпечной самоувѣренности. Тогда-то хитрый и лукавый врагъ-искуситель исчисляетъ предъ нимъ, предавшимся бездѣйствію, всё, что́ онъ сдѣлалъ добраго, и, выставляя въ немъ преимущественное отличіе предъ прочими, напы-

щаетъ его помыслы гордостію. Отсюда выходитъ, что, предъ очами праведнаго Судіи, воспоминаніе о собственной добродѣтели есть сѣть для души, которою діаволъ уловляетъ ее,-потому что тотъ, кому напоминаютъ или кто самъ любитъ вспоминать о добрыхъ дѣлахъ своихъ, гордясь ими предъ другими и предъ самимъ собою, тѣмъ самымъ теряетъ уже свои заслуги предъ Небеснымъ Учителемъ смиренія. Посему-то горделивой душѣ говорится у Пророка: *кого лучше еси ты? сиди и лязи съ необрѣзанными* (Iезек. XXXII, 21). Этимъ какъ бы такъ Пророкъ говоритъ: поелику ты надмеваешься красотою добродѣтелей своихъ, то въ самой этой красотѣ подается тебѣ толчекъ къ паденію И въ лицѣ Іерусалима и дщерей его порицается душа, гордящаяся добродѣтелію, когда говорится: *изыде имя твое во языки съ добротѣ твоей, зане совершенно бѣ лѣпотою съ красотѣ, юже учинихъ на тебѣ, глаголетъ Адонаи Господь; ты же уповала еси на доброту твою, и соблудила еси во имени твоемъ, и изліяла еси блуженіе твое на всякаго мимоходящаго* (тамъ же XVI, 14 и 15). И дѣйствительно; душа надмевается увѣренностію въ красотѣ и добротѣ своей, когда, восхищаясь заслугами добродѣтелей своихъ, тщеславится сама предъ собою безопасностію положенія своего. По этою самою увѣренностію она доводится до блуженія; потому что когда уловленный умъ обольщается самомнѣніемъ, тогда духи злобы растлѣваютъ всю душу соблазнами безчисленныхъ пороковъ. Нужно еще замѣтить, что́ значитъ *соблудила еси во имени твоемъ*: когда умъ, забывая отношенія свои къ Верховному Правителю, ищетъ собственной похвалы и начинаетъ присвоивать себѣ всѐ доброе, вмѣсто того, чтобы воздавать хвалу Подателю всѣхъ благъ; тогда онъ, желая распространить свою славу, старается удивить собою всѣхъ. Такимъ образомъ блудитъ умъ во свое имя, въ послѣдствіе своего тще-

славія (in laudis appetitu), когда оставляетъ ложе законнаго супружества и блудодѣйствуетъ съ обольстителемъ своимъ, предаваясь ему на растлѣніе. О семъ говоритъ Давидъ такъ: *предаде въ плѣнъ крѣпость ихъ и доброту ихъ въ руки враговъ* (Псал. LXXVII, 61). Предается въ плѣнъ крѣпость и доброта въ руки враговъ, когда нскопный врагъ овладѣваетъ умомъ, уловленнымъ падменностію отъ превозношенія добрыми дѣлами. Такое впрочемъ превозношеніе добродѣтелію, хотя и не всегда и не вполнѣ побѣждаетъ добродѣтельныхъ, не смотря однакожъ на то часто искушаются этимъ недугомъ душевнымъ и самые избранные Божіи. Но когда они, подвергаясь таковому искушенію, какъ бы оставляются Богомъ; тогда чувствуя и сознавая себя оставленными безъ помощи Божіей, съ предоставленіемъ самимъ себѣ, они приходятъ въ смущеніе и снова обращаются къ страху Божію, сознавая немощи свои и прибѣгая къ высшей помощи. Такъ Давидъ опять говоритъ: *азъ рѣхъ во обиліи моемъ, не подвижуся во вѣкъ* (Псал. XXIX, 7). Но поелику, положившись на свою добродѣтель, онъ впалъ въ превозношеніе; то въ слѣдъ затѣмъ присовокупилъ: *отвратилъ еси лице Твое* (а me-отъ мене), *и бихъ смущенъ* (тамъ же-8). Какъ бы такъ говоритъ онъ: я считалъ себя сильнымъ въ добродѣтели, но теперь узналъ, какой немощи подверженъ я безъ Тебя. И посему еще говоритъ: *кляхся, и поставихъ сохранити судьбы правды Твоея* (Псал. CXVIII, 106). Но такъ какъ не былъ онъ въ силахъ устоять и въ клятвѣ, то тотчасъ въ смущеніи подтвердилъ совершенную немощь свою и немедленно прибѣгъ къ помощи молитвы, взывая: *смирихся дозѣла* (usquequaque-во всемъ), *Господи; живи мя по словеси Твоему* (тамъ же-107).

Иногда и верховная Премудрость, прежде нежели возвышаетъ человѣка по службѣ на занимаемыхъ имъ долж-

ностяхъ, сообщая ему для того и соотвѣтственныя дарованія, возбуждаетъ въ душѣ его памятованіе слабостей и немощей человѣческихъ, дабы онъ не надмевался высокимъ положеніемъ и полученными совершенствами. Посему-то пророкъ Іезекіиль каждый разъ, когда призывается къ созерцанію небесныхъ видѣній, предварительно называется *сыномъ человѣческимъ*. Господь этимъ какъ бы явственно говоритъ, вразумляя его: не гордись тѣмъ, что́ ты видишь; но будь внимателенъ къ себѣ, кто ты; проникая въ горняя, помни, что ты человѣкъ, и, когда бываешь въ восхищеніи, обращайся къ самому себѣ съ заботливою мыслію-какъ уздою-о своей немощи. И потому надобно вести себя такъ: когда обольщаетъ насъ мысль о богатствѣ нашихъ добродѣтелей, тогда око ума нашего должно обращаться къ обозрѣнію своихъ грѣховныхъ поступковъ и спасительно преклонять себя долу, имѣя въ виду не то́, что́ мы хорошаго сдѣлали, но то́, что пренебрегли сдѣлать или сдѣлали худаго, дабы такимъ образомъ сердце, сокрушенное памятованіемъ немощи, сильнѣе укрѣплялось въ добродѣтели предъ Божественнымъ Учителемъ смиренія. Для сего-то и всемогущій Богъ, почти всегда, съ одной стороны надѣляетъ пастырей Церкви и вообще правителей (rectorum mentes) многими совершенствами, а съ другой стороны оставляетъ или допускаетъ въ нихъ и нѣкоторыя несовершенства, дабы держащіе въ рукахъ своихъ кормило правленія, отличаясь блистательными дарованіями, въ тоже время смирялись скорбію и о своихъ недостаткахъ, не превозносились великимъ, когда не въ состояніи бороться и противъ малаго, и по тому самому, не будучи въ состояніи преподобѣдить въ себѣ и малозначительныхъ слабостей, не дерзали бы гордиться и чрезвычайными подвигами.

Вотъ вамъ, благословные читатели (ecce, bone vir), и книжица моя о пастырскомъ служеніи (Liber Regulae Pastoralis)! Будучи вызванъ необходимостію на защиту дѣла противъ упрековъ и порицаній [1]) и стараясь представить, каковъ долженъ быть пастырь духовный, я, подобно живописцу, изобразилъ человѣка съ возможнымъ для него совершенствомъ (pulchrum depinxi hominem), будучи художникомъ не соотвѣтствующимъ художественному произведенію (pictor foedus), такъ что, указывая другимъ путь къ пристанищу совершенства, самъ доселѣ влаюсь обуреваемый грѣховными волнами. Но среди плаванія по этому морю житейскому, прошу и молю васъ, поддержите и сохраните меня отъ кораблекрушенія своимъ участіемъ (tabula-какъ бы подаваемою доскою) въ вашихъ молитвахъ, да спасуся общими заслугами вашими подавляемый тяжестію собственныхъ грѣховъ, паче же всего безпредѣльными заслугами Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

---

[1] Смот. въ самомъ началѣ сочиненія »Предисловіе Переводчика« къ этому сочиненію и »Письмо св. Григорія« къ Іоанну Епископу Равенскому; можетъ быть, св. Григорій разумѣетъ здѣсь, подъ словами: bone vir, самаго Іоанна Равенскаго, упрекавшаго св. Григорія въ томъ, что онъ хотѣлъ было уклониться отъ принятія на себя многотруднаго служенія пастырскаго.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

»ПРАВИЛУ ПАСТЫРСКОМУ«.

Между достопримѣчательными рѣдкостями не такъ давно найдена рукописная книга изъ пергамента, въ большую четверть листа (in quarto majori), относящаяся къ XIV вѣку (если не ошибаемся), въ которой, кромѣ драгоцѣннаго »Правила Пастырскаго« св. Григорія В. помѣщена въ концѣ краткая назидательная *Формула* (образецъ) для *пастырей и пастырей-начальниковъ* (Formula Praelatorum). Это кратенькое разсужденійце безъименнаго писателя, по своему сродству предмета и по самой краткости своей, вошло послѣ того, въ видѣ прибавленія, и въ нѣкоторыя отдѣльныя изданія настоящаго творенія св. Григорія. Такъ поступили книгопродавцы-братья Вейтъ въ изданіи своемъ 1767 г. (въ императорскомъ германскомъ городѣ Augustae vindelicorum-Августургѣ), отдѣльно напечатанномъ, которое имѣется у насъ подъ руками. Но въ полныхъ изданіяхъ твореній святыхъ отцевъ, какъ наприм. »Cursus completus Patrologiae« Минье или Бенедиктинцевъ, подобныхъ прибавленій не допускается. Мы нисколько не погрѣшимъ, между тѣмъ можемъ быть полезны для читателей, если къ предлагаемому творенію св. Григорія В. о »пастырскомъ слу-

женіи« присовокупимъ эту замѣчательную Формулу, конечно, не подъ именемъ Григорія, а какъ принадлежащую безъименному писателю, но по духу вполнѣ соотвѣтствующую помянутому творенію святаго отца, и потому позволяемъ себѣ, по имѣющемуся уже примѣру, предложить и это прибавленіе.

Переводчикъ.

ФОРМУЛА или ОБРАЗЕЦЪ

для

пастырей и пастыреначальниковъ.

Образецъ дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы (такожде) *творите* (Іоан. XIII, 15). Такъ говорилъ Господь и Учитель Небесный Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ! И хотя Онъ всѣмъ намъ далъ Собою примѣръ благочестивой жизни, и *обрѣзаннымъ* (избранному народу Божію-*іудеямъ*) и *необрѣзаннымъ* (пребывавшимъ во тьмѣ невѣденія-*язычникамъ*) (Рим. III, 30. IV, 9-12), какъ изъясняетъ и развиваетъ далѣе апостолъ Павелъ мысль свою: *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе* (наставленіе) *преднаписашася* (Рим. XV, 4 и послѣдующ. за тѣмъ); однако эти знаменательныя слова Господа нашего Іисуса Христа по преимуществу относятся къ священнослужителямъ и правителямъ. Поэтому пастыри и пастыреначальники преимущественно и должны, по мѣрѣ силъ и дарованій своихъ, подражать Христу въ слѣдующихъ пяти пунктахъ:

I. въ *зачатіи* или *воспріятіи* (in conceptione),
II. въ *рожденіи* (in nativitate),
III. въ *наименованіи* (in nomine),
IV. въ *жизни* (in vita),
V. и въ самой *смерти* (in morte).

I.

Въ *зачатіи* или *воспріятіи*.

Какъ Іисусъ Христосъ воспріялъ естество человѣческое (вочеловѣчился) непорочнымъ зачатіемъ во утробѣ матерней чрезъ наитіе Святаго Духа, безъ всякаго повреждения (corruptione) родившей Его приснодѣвственной Богоматери; такъ и пастыри и пастыреначальники должны быть избираемы и поставляемы надъ народомъ безъ всякихъ противузаконныхъ просьбъ (sine corruptione precis), или подкуповъ (prelii), или же какихъ-либо плотскихъ побужденій (affectionis carnalis), но единственно по внушенію Духа Святаго. Иначе послѣдуетъ то́, что́ сказалъ Христосъ Никодиму: *рожденное отъ плоти, плоть есть; и рожденное отъ духа, духъ есть* (Іоан. III, 6). Притомъ *Отроча растяше, и крѣпляшеся Духомъ, и Іисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію* (въ любви) *у Бога и человѣкъ* (Лук. II, 40 и 52). Такъ и пастыри, а тѣмъ болѣе пастыреначальники должны быть свѣдующіе умомъ и безъ недостатковъ нравственныхъ; въ противномъ случаѣ и къ нимъ можно отнесть сказанныя Спасителемъ слова: *вожди суть слѣпи слѣпцемъ; слѣпецъ же слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мат. XV, 14). Сверхъ того Христосъ достигъ возраста мужа совершенна, *лѣтъ яко тридесяти*, начиная великое служеніе свое роду человѣческому (Лук. III, 23); а не такъ какъ теперь молодыхъ людей (pueros) поставляютъ пастырями на паствы и даже возводятъ на высшія іерархическія мѣста (praelatos).

II.

Въ *рожденіи*.

Христосъ родился въ убожествѣ. Не шелками и тому подобными дорогими матеріями, а скромными и даже скудными дѣтскими пеленами (pannis) *повитъ Младенца Мати*

Его, и положи Его въ яслехъ; зане не бѣ имъ мѣста во обители. Такъ повѣствуетъ о семъ св. евангелистъ Лука (II, 7. 12. 16. 33). И во все время земной жизни своей *Сынъ человѣческій*, пришедши на землю не для того, *да послужатъ Ему, но послужити* (Мат. XX, 28), какихъ не испыталъ лишеній, *не имѣя гдѣ главы подклонити* (Мат. VIII, 20. Лук. IX, 58)? Какое же противорѣчіе встрѣчаемъ мы нынѣ, не скажу, у васъ, скромные пастыри и учители Церкви Божіей, а у многихъ изъ вашихъ собратій, занимающихъ высшія іерархическія мѣста (apud Praelatos), въ пышной и роскошной обстановкѣ житейской! А слезы и душевное соболѣзнованіе о немощахъ и недугахъ человѣческихъ и тѣлесныхъ и душевныхъ и та безпредѣльная любовь Его, съ какою Онъ вездѣ спѣшилъ немощная врачевать и оскудѣвающая восполнять, да будутъ вамъ, пастыри и пастыреначальники, животворнымъ примѣромъ подражанія, памятуя всегда слова Премудраго, какой вы подвергаетесь опасности за неисполненіе прямыхъ обязанностей своихъ: *яко судъ жесточайшій преимущимъ* (qui praesunt-начальствующимъ) *бываетъ* (Прем. VI, 5), и слова самого Спасителя, давшаго вамъ могущественную власть *вязати и рѣшати* (Мат. XVIII, 18. Ioan. XX, 23), съ равносильною тому отвѣтственностію: *всякому, ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него* (Лук. XII, 48).

III.

Въ *наименованіи.*

Здѣсь замѣтимъ, что Христу усвояется въ Писаніи преимущественно пять наименованій, которыя всѣ въ духовномъ смыслѣ могутъ и должны имѣть примѣненіе къ пастырямъ и пастыреначальникамъ. Первое имя есть *Христосъ: изъ нея же* (пресвятой Дѣвы Маріи) *родися Іисусъ глаголемый Христосъ* (Мат. I, 16). Это имя зна-

читъ *помазанный* елеемъ (имѣющимъ свойство мягчительное) т. е. елеемъ *милосердія* (unctus oleo, scilicet misericordiae). Такъ Онъ Самъ училъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ* (небесный) *милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Таковыми должны быть и пастыри и пастыреначальники, то есть сострадать и помогать пасомымъ, сколько то для нихъ возможно. Такъ и поступалъ Христосъ: сколько строгъ былъ къ Самому Себѣ, столько милосердъ къ другимъ, какъ это видно изъ примѣровъ евангельскихъ съ Маріею Магдалиною, съ женою хананейскою язычницею, съ женою въ прелюбодѣяніи ятою, съ разбойникомъ, съ мытаремъ,—и вообще со множествомъ отвсюду стекавшагося къ Нему народа, который взиралъ на Него, какъ на обѣтованнаго Мессію. Посему-то святый Златоустъ въ толкованіи своемъ на евангелиста Матѳея говоритъ: »Если Богъ такъ милосердъ, то почто священнослужитель Его жестокъ? Хочешь быть святымъ? Будь строгъ въ отношеніи къ себѣ, а въ отношеніи къ другимъ-снисходителенъ и милостивъ. Пусть братія твоя выслушиваютъ отъ тебя приказанія не отяготительныя для себя, а видятъ въ тебѣ великаго подвижника«. Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и Григорій Назіанзенъ въ своей Апологіи: »Начальствующему надъ другими надлежитъ, *задняя забывая, въ предняя же простираяся* (Филип. III, 13), все болѣе и болѣе усовершаться, чтобы такимъ образомъ могъ онъ примѣромъ своего преуспѣянія привлекать и другихъ къ совершенству, *взирающе на начальника и совершителя вѣры Іисуса*, преподавшаго намъ въ Себѣ высочайшій и глубочайшій *образъ смиренія* (Евр. XII, 2. Филип. II, 5-8). Ни въ какомъ случаѣ не должно употреблять насилія, а лучше всего учить и убѣждать благоразуміемъ и доброю жизнію, подавая собою назидательный примѣръ во всемъ, потому что всё, что исторгается противъ воли, конечно, не можетъ ужиться съ насиліемъ. Всё, что ни дѣлается по неволѣ, обыкновен-

но перестаетъ существовать, коль скоро устраняются причины своеволія, подобно тому, какъ молодыя деревья, коихъ вершины бываютъ иногда кѣмъ-либо притянуты къ землѣ, по удаленіи притягивающей ихъ силы, тотчасъ возвращаются въ первобытное состояніе. А что созидается съ обдуманною цѣлію и по доброй волѣ, то опирается на законномъ и вѣрномъ началѣ, такъ-какъ скрѣпляется самыми мощными и прочными узами собственной воли. И я говорю это не съ тѣмъ, чтобы священнослужители Божіи не были обязаны наблюдать за исправленіемъ и улучшеніемъ нравственности грѣшниковъ, иначе нечестіе безбоязненно возрастало бы; а для того, чтобы они совершали свое дѣло со всею кротостію и мягкосердіемъ, имѣя въ виду, что и надъ ними самими есть Верховный на небѣ Судія, который будетъ судить ихъ по заслугамъ. Итакъ, если хотите, чтобы Небесный Судія, которому должны будете дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ на страшномъ судѣ Его, былъ къ вамъ милостивъ; то будьте милостивы и вы къ подчиненнымъ своимъ, *судъ бо безъ милости*, сказано, *не сотворшимъ милости*, и, *хвалится милость на судѣ* (Іак. II, 13). Достойны замѣчанія и слова Льва Папы (d. 86.): »Во грѣхахъ людскихъ, особенно простаго народа (inferiorum ordinum), никого столько нельзя винить, какъ небрежныхъ и лѣнивыхъ священнослужителей, которые сами подаютъ пищу грѣховной заразѣ, скрываясь въ томъ отъ другихъ и прикрываясь личиною мнимой только строгости врачеванія«. И потому, воспользовавшись словами изъ Пѣсни пѣсней: *время обрѣзанія* (подрѣзыванія, отсѣченія, подчищенія деревъ) *приспѣ* (II, 12), весьма мѣткое дѣлаетъ примѣненіе къ вышеозначеннымъ словамъ своимъ: »Кто же отрѣшился дочиста отъ всѣхъ скверны грѣховныхъ, такъ-чтобы ничего уже не находилъ въ себѣ требующаго отсѣченія? Вѣрьте мнѣ, что и подчищенное снова пускаетъ отпрыски, и прогнанное

опять возвращается, и погашённое вновь возгарается, и усыплённое пробуждается. Недостаточно единовременнаго очищенія, оно всегда у насъ необходимо; ибо возможно и то́, что у тебя постоянно будутъ находиться предъ глазами недостатки, требующіе исправленія, даже явные пороки, подлежащіе отсѣченію, а ты по своему притворству и потворству не захочешь и не будешь обращать вниманія на то́. Итакъ *возопій, яко трубу возвыси гласъ твой, и возвѣсти людемъ грѣхи ихъ* (Иса. LVIII, 1), непрестанно *проповѣдуй, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2)«. Второе наименованіе-*Назорей*: *и пришедъ всели́ся во градъ нарицаемый Назаретъ, яко да сбудется реченное пророки, яко Назорей нарече́тся* (Мат. II, 23. Суд. XIII, 5). Это наименованіе имѣетъ значеніе посвященнаго Богу отъ чрева матери, какъ благоуханный цвѣтокъ въ вертоградѣ Господнемъ. И дѣйствительно; о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ говорится, что Онъ имѣлъ и дѣвственную чистоту лиліи (candorem virginalem lilii) по своей непорочности, и приниженность фіялки (livorem violae) по своему смиренію, и румяность розы (ruborem rosae) по любви своей. О первомъ сказано въ Пѣсни пѣсней: *Азъ цвѣтъ польный, и кринъ удольный* (lilium convallium-лилія и ландышъ) (II, 1); о второмъ свидѣтельствуетъ Исаія: *язвою* (livore) *Его* т. е. уничиженіемъ *мы исцѣлѣхомъ* отъ гордости грѣховной (LIII, 5); а о послѣднемъ читаемъ у Премудраго: *Азъ яко садъ шипковый* (plantatio rosae-разсадникъ розовый) *во Іерихонѣ* (Сир. XXIV, 15). Таковы должны быть священнослужители Божіи. И если иногда у кого-либо изъ нихъ начнетъ засыхать и увядать что-нибудь въ ихъ цвѣтникѣ духовномъ; то должны они слезами покаянія орошать его, чтобы онъ не переставалъ процвѣтать, подобно тому, какъ свидѣтель-

ствуетъ апостолъ Павелъ о святой церкви филиппійской, съ *епископами и діаконами*, которую называетъ *радостію и вѣнцомъ* своимъ: *возрадовахся о Господѣ вельми*, говоритъ онъ, *яко уже когда воспомянусте* (qui tandem aliquando *refloruistis*–что вы уже вновь *разцвѣли* и въ славу себѣ вмѣняете) *печися о мнѣ* (Филип. I, 1. IV, 1 и 10). Третье-*Эммануилъ*, *еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Мат. I, 23. Иса. VII, 14). Такъ и священнослужители, будучи пастырями духовнаго стада Христова, должны всегда, безотлучно, днемъ и ночью пребывать съ своими пасомыми, какъ пребываютъ пастухи при своихъ стадахъ. Примѣръ Моисея, оставившаго народъ свой на сорокъ сутокъ, по вызову Божію, для принятія закона отъ Господа въ скрижалѣхъ завѣта, представляетъ тому поучительный для насъ урокъ. Народъ, во время отсутствія Моисея, не смотря на то, что онъ оставилъ ему вмѣсто себя благонадежныхъ для управленія намѣстниковъ (bonos vicarios), въ лицѣ представителей своихъ Аарона и Ора, вскорѣ впалъ въ идолослуженіе и сталъ покланяться *тельцу* златому, *его же сотвориша себѣ* (Исх. XXIV, 14. XXXII.). Что же будутъ дѣлать тѣ пастыри Церкви, которые по нерадѣнію оставляютъ блуждать овецъ своихъ по распутіямъ, когда Верховный Пастыреначальникъ речетъ имъ по словамъ пророка Іереміи: *гдѣ стадо*, *врученное тебѣ* для охраненія, *овцы славы твоея* (XII, 20)? повтореннымъ и у Захаріи: *о пасущіи суетная*, *и оставльшіи овецъ* (XI, 17)! и въ другихъ мѣстахъ Писанія (Іерем. XXIII. Іезек. XXXIV. Іоан. X, 1-16). Четвертое-*Сынъ Вышняго* (Altissimi) или *Саваова* (Лук. I, 32. Иса. VI, 3. 5. LIV, 5). Это высокое имя должны усвоять себѣ пастыри и пастыреначальники преимущественно чрезъ возвышенное и усовершившееся созерцаніе и размышленіе о предметахъ міра верховнаго (духовнаго). Притомъ можно замѣтить, что три есть степе-

ни сыновъ Божіихъ: начинающіе (alii incipientes), преуспѣвающіе (altiores proficientes) и совершенные (altissimi perfecti). По этимъ ступенямъ надлежитъ восходить священнослужителямъ Божіимъ, чтобы достигнуть высшей степени, *взирающе на начальника и совершителя вѣры Іисуса* (Евр. XII, 2), подавшаго намъ Собою примѣръ, такъ-какъ, по словамъ святаго-Григорія В. въ *Пастырскомъ* его *Правилѣ*, »пастыри, а тѣмъ болѣе пастыреначальники, какъ предстоятели и представители паствъ своихъ въ Церкви Божіей, настолько должны превосходить своею жизнію пасомыхъ своихъ, насколько званіе пастыря выше званія пасомаго имъ стада«[1]). Пятое имя есть *Іисусъ*, то есть Спаситель (Мат. I, 21 и 25. Лук. I, 31. II, 24). Въ примѣненіи къ себѣ этого наименованія священнослужители Божіи должны поставлять конечную цѣль своему служенію, созидая и свое и своихъ подчиненныхъ спасеніе, какъ училъ апостолъ Павелъ возлюбленнаго ученика своего Тимоѳея: *внимай себѣ и ученію; пребывай въ нихъ: сіе бо творя, и самъ спасешися и послушающія тебе* (1 Тим. IV, 16). *И сіе да мудрствуется въ васъ*, братія мои, говоритъ тотъ же Апостолъ къ Филиппійцамъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ.... да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 5 и 10)[2]).

---

[1]) Смот. част. II. глав. 1. Такъ какъ авторъ этого Прибавленія говоритъ о святомъ Григоріѣ, въ числѣ другихъ отцовъ Церкви, въ третьемъ лицѣ; то это служитъ яснымъ подтвержденіемъ того, что самое Прибавленіе не принадлежитъ Григорію, а есть произведеніе анонимнаго лица, впрочемъ цѣлесообразное съ произведеніемъ святаго отца.

[2]) Въ Библіи можно находить и болѣе подобныхъ наименованій, каковы: *Востокъ* (Іерем. XXIII, 5. Зах. III, 8. VI, 12), *Сынъ Божій* (Лук. I, 35), *Сынъ человѣческій*, коимъ самъ Спаситель болѣе всего любилъ именоваться (почти вездѣ въ Евангеліи), и другія (Исаіи IX, 6); но авторъ ограничился вышепоказанными.

IV.

Въ *жизни.*

Когда І. Христосъ, послѣ многихъ чудесъ, творимыхъ Имъ среди стекавшагося вокругъ Него отвсюду народа, *уразумѣлъ, яко хотятъ пріити, да восхитятъ Его, и сотворятъ Его царя;* то Онъ уклонился отъ этой почести мірской, удалившись *въ гору единъ* (Іоан, VI, 15): но, будучи *во образѣ Божіи* и *равенъ Богу* по естеству, самъ добровольно подвергся поношеніямъ, уничиженіямъ, страданіямъ и *крестной смерти*, для спасенія рода человѣческаго, *яко хотяше умрети за люди* (Іоан. X, 17 и 18. XI, 51. 1 Пет. II, 21-24. Рим. IV, 25. 1 Кор. XV, 3. Филип. II, 6-8. Евр. I, 3. Иса. LIII). Вся жизнь Господа нашего Іисуса Христа была воплощенною невинностію, и однакожеОнъ и молился, и постился, и скорбѣлъ и великіе совершалъ подвиги покаянія, конечно, не ради Себя, а за грѣхи міра сего. Читайте Евангеліе и Апостольскія Посланія, читайте Пророковъ, въ особенности пророка Исаію глав. LIII, также Псалмы Давидовы, и вы увидите и возчувствуете высочайшій образецъ для подражанія, которому должны преимущественно подражать истинные священнослужители Божіи.

V.

И въ самой *смерти.*

Іисусъ Христосъ, какъ истинный Пастырь и Пастыреначальникъ, душу свою положилъ *за овцы своя. Азъ есмь пастырь добрый*, говорилъ Онъ всенародно; *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы: Азъ есмь пастырь добрый, и душу мою полагаю за овцы* (Іоан. X, 11. 14 и 15). И чему училъ другихъ, то Самъ исполнялъ первый. Если и вы, пастыри Церкви Божіей, пребудете достойными подражателями примѣру Его; то заслужите съ Нимъ въ подобающее воздаяніе *неувядаемый вѣнецъ славы* (1 Пет. V, 1-4) отъ Верховнаго Начальника пастырей Господа Бога, Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ переводчика и ВВЕДЕНІЕ автора. Стр 1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

о томъ, что́ значитъ достойно приступать къ пастырскому служенію, и какъ опасно домагаться его недостойнымъ.

Глава.		Стран.
I.	Невѣжды да не дерзаютъ принимать на себя званіе пастырскаго служенія -	5.
II.	Кто жизнію своею не соотвѣтствуетъ умственной подготовкѣ, иначе, кто на словахъ хорошъ, но на дѣлѣ не хорошъ, тотъ лучше не принимайся за бразды управленія пастырскаго. - -	7.
III.	О важности пастырскаго управленія; и что пастыри не должны страшиться никакихъ несчастій въ сей жизни, а напротивъ того должны опасаться обольщеній суетнаго счастія. -	9.
IV.	О томъ, что занятія многими дѣлами по управленію не рѣдко развлекаютъ и отвлекаютъ отъ самихъ себя. -	11.
V.	О тѣхъ, которые образцовыми дарованіями своими могутъ быть полезны на	

Глава. Стран.

высокомъ посту служенія, но убѣгаютъ онаго ради своего спокойствія - 13.

VI. О томъ, что уклоняющіеся отъ принятія на себя многотруднаго служенія общественнаго, по своему смиренію, тогда только заявляютъ истинное смиреніе, когда не противодѣйствуютъ судьбамъ Божіимъ. - - 16.

VII. О томъ, что иногда похвально бываетъ и самому искать проповѣдническаго служенія, а иногда похвально принять оное и по принужденію. - 17.

VIII. О тѣхъ, которые домогаются начальственной власти, и въ оправданіе своего прихотливаго стремленія ссылаются и опираются на слова апостола (1 Тим. III, 1). - - 19.

IX. О томъ, что ищущіе власти очень часто обольщаютъ себя воображаемымъ предположеніемъ, что они на занимаемомъ ими высокомъ мѣстѣ служенія произведутъ много дѣлъ хорошихъ. - - - 21.

X. Кто можетъ и долженъ приступать къ пастырскому служенію и принимать на себя въ ономъ начальственное управленіе. - - - 23.

XI. Кто не долженъ приступать къ пастырскому служенію, а тѣмъ болѣе принимать на себя начальственное въ ономъ управленіе. - - - 25.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О томъ, какова должна быть жизнь Пастыря, достойно вступающаго въ пастырское служеніе.

Глава.		Стран.
I.	Достигающіе законнно пастырскаго служенія каковыми должны являть себя по управленію въ этомъ званіи. - - - -	31.
II.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть чистъ въ помыслахъ своихъ. - -	32.
III.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ служить для ней образцомъ въ дѣйствіяхъ своихъ. - - -	34.
IV.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть разборчивъ и въ молчаніи и въ словахъ. - - -	38.
V.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ сочувствовать въ состраданіи каждому болѣе другихъ, и болѣе всѣхъ погружаться въ уединенное созерцаніе.- -	43.
VI.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть ласковымъ въ обращеніи съ благонравными и стойкимъ ревнителемъ правды предъ порочными. - -	47.
VII.	Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, не долженъ забывать внутреннихъ нуждъ ея среди	

Глава. Стран.

заботъ о дѣлахъ внѣшнихъ, ни внѣшнихъ дѣлъ не долженъ оставлять въ заботливости о внутреннихъ. - 58.

VIII. Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, не долженъ заботиться о томъ, чтобы нравиться людямъ и человѣкоугодничать имъ, а напротивъ того обязанъ направлять ихъ мысли на то́, что́ они должны полюбить и на что́ онъ долженъ устремлять свое вниманіе. - 67.

IX. Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть внимателенъ къ поступкамъ и своимъ и другихъ, строго слѣдя за ними, потому-что иногда пороки представляются подъ личиною добродѣтелей. - 71.

X. Пастырь духовный, какъ руководитель своей паствы, долженъ быть весьма разборчивъ въ своихъ обличеніяхъ и въ своей сдержанности, въ ревности и въ снисходительности. - 72.

XI. Пастырь духовной, какъ руководитель своей паствы, долженъ постоянно заниматься священнымъ писаніемъ и углубляться въ него размышленіемъ. - 79.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

о томъ, какимъ образомъ Пастырю, законно достигшему пастырскаго служенія и сообразно своему сану живущему, надлежитъ поучать и назидать свою паству.

I. Эта глава состоитъ изъ предисловія (prologus) къ цѣлой части, въ кото-

Глава.		Стран.
	ромъ показывается, какого разнообразія требуетъ проповѣдническое искусство пастыря духовнаго въ его поученіяхъ по отношенію къ пасомымъ. -	82.
II.	Перечень различныхъ состояній слушателей, съ которыми проповѣдникъ долженъ сообразоваться въ своихъ поученіяхъ. - - -	83.
III.	Какимъ образомъ нужно наставлять мужчинъ и какъ женщинъ; какъ юношей и какъ старцевъ. - -	86.
IV.	Какимъ образомъ должно наставлять бѣдныхъ и какъ богатыхъ. -	86.
V.	Какимъ образомъ должно наставлять веселяющихъ; какъ-скорбящихъ. -	90.
VI.	Какимъ образомъ должно наставлять подчиненныхъ и какъ начальствующихъ. - - -	91.
VII.	Какимъ образомъ должно наставлять слугъ и какъ господъ. - -	97.
VIII.	Какимъ образомъ должно наставлять мудрыхъ міра сего и какъ скудоумныхъ. - - -	98.
IX.	Какимъ образомъ должно наставлять распутныхъ и безстыдныхъ; какъ-благонравныхъ и стыдливыхъ. -	99.
X.	Какимъ образомъ должно наставлять самонадѣянныхъ и дерзкихъ; какъ-малодушныхъ и робкихъ. -	101.
XI.	Какимъ образомъ должно наставлять нетерпѣливыхъ и какъ терпѣливыхъ. - - -	104.

Глава.		Стран.
XII.	Какимъ образомъ должно наставлять доброжелательныхъ и какъ завистливыхъ. - - -	110.
XIII.	Какимъ образомъ должно наставлять простодушныхъ и откровенныхъ: какъ-хитрыхъ и лукавыхъ-	114.
XIV.	Какимъ образомъ должно наставлять здоровыхъ и какъ больныхъ. -	118.
XV.	Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые удерживаются отъ злыхъ дѣлъ по страху наказаній; какъ напротивъ тѣхъ, которые ожесточены во злѣ до того, что на нихъ и наказанія не дѣйствуютъ. -	126.
XVI.	Какимъ образомъ должно наставлять многомолчаливыхъ и какъ многоглаголивыхъ. - - - -	130.
XVII.	Какимъ образомъ должно наставлять слишкомъ медлительныхъ и какъ слишкомъ поспѣшныхъ - -	136.
XVIII.	Какимъ образомъ должно наставлять кроткихъ и какъ гнѣвливыхъ -	140.
XIX.	Какимъ образомъ должно наставлять смирныхъ и какъ гордыхъ -	145.
XX.	Какимъ образомъ должно наставлять упорныхъ и непреклонныхъ; какъ-легкомысленныхъ и непостоянныхъ -	149.
XXI.	Какимъ образомъ должно наставлять невоздержныхъ и какъ воздержныхъ-	152.
XXII.	Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои благотворятъ своимъ добромъ другимъ; какъ-тѣхъ, кои и чужое отнимаютъ у ближняго. -	157.

Глава. Стран.

XXIII. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые не простираютъ рукъ своихъ на чужое, но не выпускаютъ изъ нихъ и своего; какъ-тѣхъ, которые хотя и дѣлятся добромъ своимъ съ другими, однакоже падки и на чужое. - - - 165.

XXIV. Какимъ образомъ должно наставлять враждолюбивыхъ и какъ миролюбивыхъ. - - - 170.

XXV. Какимъ образомъ должно наставлять посѣвающихъ раздоры и какъ миротворцевъ. - - - 176.

XXVI. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои, не понимая надлежащимъ образомъ св. Писанія, мечтаютъ о себѣ, что они понимаютъ его, какъ слѣдуетъ, и должны быть руководителями другихъ; какъ-тѣхъ, кои хотя и понимаютъ его хорошо, но, высокомудрствуя о себѣ, тщеславятся своимъ знаніемъ предъ слушателями своими: общій ихъ недостатокъ, который долженъ имѣть въ виду проповѣдникъ, есть не достатокъ смиренія. 179.

XXVII. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые могли бы хорошими быть проповѣдниками, но, по своему смиренномудрію, боятся и уклоняются; какъ-тѣхъ, коихъ должна бы удержать отъ принятія на себя этого слу-

Глава. Стран.

женія мысль о ихъ несовершенствѣ или молодости, но которые по своей опрометчивости домагаются этого - 185.

XXVIII. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, кои достигаютъ всего, чего ни домогаются въ семъ мірѣ; какъ-тѣхъ, кои тоже гоняются за мірскими благами, но во всемъ терпятъ неудачи. 193. (183 опечатка)

XXIX. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые ведутъ жизнь супружескую, и какъ-тѣхъ, которые ведутъ безбрачную жизнь. - - 198 (188—)

XXX. Какимъ образомъ должно наставлять предающихся плотскому грѣху полового смѣшенія (внѣ супружескаго союза); какъ напротивъ того дѣвственниковъ и дѣвственицъ, не познавшихъ таковаго смѣшенія - - 205. (195—)

XXXI. Какимъ образомъ должно наставлять оплакивающихъ грѣхи свои, совершенные на самомъ дѣлѣ; и какъ-тѣхъ, кои оплакиваютъ грѣхи помышленій - - - 213. (203—)

XXXII. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые каются во грѣхахъ своихъ, но не перестаютъ грѣшить; какъ-тѣхъ, которые перестаютъ грѣшить, но не раскаяваются въ содѣянныхъ грѣхахъ - - 218. (208—)

XXXIII. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые живутъ беззаконно и тѣмъ еще тщеславятся; какъ-тѣхъ,

Глава. Стран.

кои осуждаютъ пороки, мѣжду тѣмъ сами ведутъ жизнь порочную - 224.(214—)

XXXIV. Какимъ образомъ должно наставлять согрѣшающихъ по внезапному увлеченію; и какъ-тѣхъ, которые грѣшатъ съ намѣреніемъ. - - 226. (216—)

XXXV. Какимъ образомъ должно наставлять тѣхъ, которые дозволяютъ себѣ хотя небольшіе проступки, но притомъ часто; какъ-тѣхъ, которые остерегаются маловажныхъ грѣховъ, но за то впадаютъ иногда въ тяжкія преступленія. - - - 231. (221—)

XXXVI. Какимъ образомъ должно наставлять и не начинающихъ даже дѣлъ добрыхъ; какъ-начинающихъ только, но никогда не оканчивающихъ - 234. (224—)

XXXVII. Какимъ образомъ надлежитъ наставлять такихъ, которые совершаютъ зло въ тайнѣ, а добро творятъ явно и открыто; и какъ-тѣхъ, кои на оборотъ добрыя дѣла свои скрываютъ, а между тѣмъ нѣкоторыми поступками своими какъ бы нарочито поселяютъ въ другихъ не выгодное о себѣ мнѣніе. - - - 241. (231—)

XXXVIII. О томъ, что со стороны пастыря-проповѣдника предлагаемыя имъ наставленія многимъ съ различными наклонностями слушателямъ должны такъ споспѣшествовать добродѣтелямъ всѣхъ и каждаго, чтобы въ тоже время не усилить въ нихъ противоположныхъ пороковъ - - 245. (235—)

Глава. Стран.

XXXIX. О томъ, что́ требуется въ наставленіи проповѣдника одному, одержимому различными недугами - - 247. (237—)

XL. О томъ, что проповѣднику позволительно иногда снисходить легчайшимъ порокамъ, чтобы устранить важнѣйшіе. 249. (238—)

XLI. О томъ, что проповѣдникъ не долженъ вдаваться въ своихъ поученіяхъ предъ слушателями слабыми и немощными въ разсужденіе о предметахъ возвышенныхъ, для нихъ недоступныхъ, пока они не будутъ къ тому подготовлены. - - - 251. (240—)

XLII. О проповѣданіи дѣломъ и словомъ. - 253. (242—)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

заключающая въ себѣ одну только главу, которая по общему счету главъ въ цѣлой книгѣ, какой счетъ и ведется въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, не допускающихъ дѣленія на части,—есть

LXV. О томъ, что Пастырь-Проповѣдникъ, исполнивъ всё должное въ отношеніи къ подчиненнымъ своимъ, обязанъ обращать вниманіе и на самаго себя, дабы ни жизнію, ни проповѣдью своею, ни званіемъ своимъ не надмѣваться. - - - 254. (243—)

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ »ПРАВИЛУ ПАСТЫРСКОМУ«

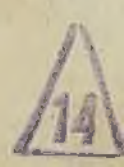
ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

ФОРМУЛУ или ОБРАЗЕЦЪ

для

Пастырей и Пастыреначальниковъ - 259. (248—)

Библіотека Московской Духовной Академіи.



2006282192